

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ:
СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА,
ПРАГМАТИКА**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ: СЕМАНТИКА, ГРАММАТИКА, ПРАГМАТИКА

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2025

УДК 811.1
ББК 81.2
О286

Общетеоретические проблемы языкознания: семантика, грамматика, прагматика [Электронный ресурс] : монография / С. В. Шустова, Н. П. Сюткина, И. В. Архипова, Ю. В. Гаврилова, Е. Ю. Невельсон / под общ. ред. С. В. Шустовой ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2025. – 1,60 Мб ; 174 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Obshcheteoreticheskie-problemy-yazykoznanija-semantika-grammatika-pragmatika.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4229-8

Коллективная монография включает материалы, посвященные актуальным проблемам отечественного и зарубежного языкознания. В фокусе внимания авторов находятся вопросы функциональной грамматики (категории эмотивности и таксиса), лингвистической прагматики (категория лингвотолерантности). В монографии рассматриваются проблемы исследований представителей «неофёрсианской» лингвистики. Монография может представлять интерес для филологов, широкого круга лиц, интересующихся проблемами современной науки о языке.

УДК 811.1
ББК 81.2

*Издается по решению кафедры лингвистики и перевода
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Научный редактор:

*зав. кафедрой германской филологии Российского государственного
гуманитарного университета, д-р филол. наук, профессор В. М. Костева*

Рецензенты: профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, д-р филол. наук, профессор **С. В. Андросова**
профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций Астраханского государственного университета, д-р филол. наук, профессор **Г. В. Файзиева**

ISBN 978-5-7944-4229-8

© ПГНИУ, 2025
© Коллектив авторов, 2025

УДК 81'23

**СЮТКИНА НАДЕЖДА ПАВЛОВНА
ШУСТОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА**
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ

Введение

Эмоциональность – свойство человека, характеризующее содержание, качество и динамику его эмоций и чувств. Содержательные аспекты эмоциональности отражают явления и ситуации, имеющие особую значимость для субъекта. Эмоции пронизывают все человеческое существование, они обобщены национальным опытом народа и отражаются в языковой картине мира данного народа. С лингвистической точки зрения мы говорим об эмотивности – «свойстве языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы речи – эмотивы» [Шаховский 2008: 5].

Долгое время в лингвистике продолжался спор о том, должна ли эмоциональная составляющая быть предметом лингвистических исследований. Так, например, К. Бюлер [1993], Г. Гийом [1992], Э. Сепир [1993] считают, что в языке доминирующей является когнитивная функция, в то время как Ш. Балли полагает, что основная функция языка состоит в выражении эмоций [Балли 1955]. Современный когнитивный подход и «во многом пересекающаяся с ним психолингвистика адресуются к языку как к феномену психики, как к инструменту познания и способу фиксации результатов когнитивных процессов» [Фрумкина 2004: 4]. «Интерес направлен, прежде всего, на понимание реальных процессов, происходящих в психике гово-

рящего и слушающего» [там же: 8]. Исследования в области психологии и когнитивной лингвистики не оставляют сомнений в том, что когнитивные и эмоциональные процессы тесно взаимосвязаны.

«При анализе структуры реальных межблоковых связей психологической системы деятельности обнаруживается, что каждый блок находится в теснейшей взаимосвязи с другими блоками, что блоки фактически взаимопроникают друг в друга. <...> Эмоции же пронизывают все подсистемы деятельности. В силу этого они выступают одним из мощных факторов формирования самой психологической функциональной системы деятельности – фактора интеграции системы» [Шадриков 2002: 57–58]. К. Э. Изард подчеркивает, что «эмоции служат организующим и мотивирующим фактором поведения человека, его личностного развития и отношений с окружающим миром» [Изард 2000: 5].

Исследования отражений эмоций в языке необходимы. «Человек и его эмоции, с одной стороны, являются частью самой объективной действительности, то есть отражаемыми объектами реальной картины мира, а с другой – участвуют в формировании языковой картины мира: человек как активный отражающий субъект, язык как средство отражения, эмоции человека как одна из форм отражения объективной действительности» [Шаховский 2019: 7]. Именно благодаря языковым данным были обоснованы и уточнены важнейшие положения теории эмоциональности человека и лингвистической теории [Шаховский 2008: 16].

Эмоции и их отражение в языке занимают важное место в современной лингвистике. Вся деятельность человека опре-

деляется эмоциями, они затрагивают практически все стороны жизни, поскольку именно они лежат в основе любой мотивации. Один из основателей эмотиологии (лингвистики эмоций) В. И. Шаховский подчеркивает наличие такого вида коммуникации, как эмоциональная коммуникация, выделяет эмотивные речевые акты и констатирует, что человек является *Homo sentiens*, т. к. люди не могут обойтись в общении без эмоций.

Эмоциональная картина мира представителей определенной лингвокультуры формируется языком [Шаховский 2018a: 146–147]. Это обуславливает интерес к лексике с эмотивной семантикой в целом, и к эмотивным глаголам в частности [Бабенко 2018; Пиотровская 2006, 2009; Сюткина 2021, 2023a, 2023б, 2024a, 2024б; Храковский 2020; Шаховский 2018a, 2018б, 2019; Sonnenhauser 2010].

Следует отметить, что для адекватного анализа и описания семантической категоризации эмоций понятия разделяют на две группы: долингвистические и лингвистические. Так, понятия «эмоция», «эмоциональность», «эмоционально окрашенное мышление», «выражение эмоций» относятся к группе долингвистических, и, соответственно, используются как терминосистема в области психологии. Для лингвистики же предлагается использовать понятия «эмотивность», «эмотивный», «эмотив», «фонд эмотивных лексических средств языка» и др. [Шаховский 2019a: 23–24].

Основная часть

Сегодня лингвистика эмоций активно развивается. Эмоции изучают в семантическом аспекте [Апресян 2013; Афанасьева 2021, 2023a, 2023б; 2024; Бабенко 2021, 2022, 2023; Бай 2023; Лукьянова 1991, 2009, 2015], с точки зрения лингвопрагматики

[Бабина 2023; Баранов 2020; Дискурс, текст, функциональные структуры 2021; Коростова 2015, 2017; Путина 2023; Путина, Сюткина 2022; Тихомирова, Карзенкова 2022: 16–23], на синтаксическом уровне [Апресян 2015, 2016; Норман 2020; Овсянникова 2019; Панюкова 2022]; лингвокультурологические проблемы отражения эмоций в языке затрагиваются в [Вежбицкая 1999; Ионова, Шаховский 2018; Тарасова 2023; Шаховский 2021, 2022], когнитивные аспекты отражения эмоций в языке также активно исследуются [Дамман 2023; Колмогорова, Курилова 2022]. Наметилось и бурно развивается новое направление, которое было обозначено как лингвоэкология или экология языка и занимается проблемами экологии языка и речи в их взаимосвязи с эмоциями современного человека и общества [Корзун 2022; Шаховский 2016, 2021, 2022]. Это лишь некоторые из работ, в которых затрагивается проблематика эмоций.

С точки зрения функционального подхода к языку эмотивность определяется как «функция языковых единиц, связанная с выражением либо эмоционального состояния субъекта речи, либо его эмоционального отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату» [Пиотровская 2015: 322]. Как эмотивные квалифицируются языковые единицы, выполняющие эмотивную функцию, а значение языковых единиц, «предназначенных для выражения эмоционального состояния или эмоционального отношения адресанта», определяется как эмотивное [там же]. Х. Буссманн дает следующее определение эмотивов: «Языковые средства, используемые, чтобы выражать эмоции» [Bußmann 2002: 187].

В. И. Шаховский, основываясь на теории функциональной грамматики, в которой изучаются функционально-семантичес-

кие категории, отмечает, что эмотивность является таковой, поскольку отвечает всем ее признакам, таким как: общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов; членение: центр – периферия [Шаховский 2019а]. Функционально-семантические категории в речи проецируются в виде категориальных ситуаций, то есть типовых содержательных структур. Следовательно, выделяется и соответствующая категориальная эмоциональная ситуация. Под ней понимаются «типичные жизненные (реальные или в художественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя» [Шаховский 2010: 56]. В результате восприятия типичных ситуаций или их типичного эмоционального освоения представителями социума формируется эмоциональная картина как фрагмент национальной картины мира. В каждой категориальной эмоциональной ситуации имеются объективные лингвистические знаки, которые оповещают о типе манифестируемых в ней эмоций (или их кластере).

Итак, эмоциональность – это свойство психики человека и предмет исследования психологии. Эмотивность же является функционально-семантической категорией, входит в область исследования лингвистики, предметом которых являются любые проявления эмоций в языке и речи.

В целом, мы можем говорить о том, что эмоции в принципе универсальны, они свойственны человеку. Горе, любовь, радость, счастье, грусть сопровождают человека на протяжении всей жизни. Многие эмоции можно назвать общекультурными, они отражают человеческий опыт осмысления окружающего

мира. Следовательно, должны существовать и универсальные эмотивные смыслы в семантике, которые отражают опыт человечества в познании эмоций, закрепленный в языковых единицах. Но при этом в разных языках лексика эмоций не совпадает, хотя нет такой эмоции, которая была бы доступна только одной нации и не доступна другим. Эмоции – универсальны, а их отражение в лексике каждого языка самобытно [Бабенко 1989: 8–9]. В. И. Шаховский даже ввел понятие *homo sentiens*, т. е. человек эмоциональный [Шаховский 2008]. С помощью языка *homo sentiens* может кодифицировано выражать, скрывать, имитировать, симулировать, описывать и называть свои эмоции, то есть по-разному их эксплуатировать [Шаховский эл. ресурс]. Следовательно, чтобы коммуникация была успешной, нужно обладать большим запасом знаний и умений: управлять собственными эмоциями, правильно обозначать их, передавать свой эмоциональный настрой, подбирать такие языковые средства, которые не заденут чувств собеседника, считывать эмоции собеседника, адекватно на них реагировать, владеть стратегиями и тактиками по сглаживанию конфликтов и т. п. Здесь мы сталкиваемся с теорией эмоционального интеллекта, которая активно разрабатывается в последние годы в психологии [Андреева 2011; Гоулман 2009, 2013; Социальный интеллект... 2004; Никулина 2022; Goleman 1995; Salovey, Mayer 2004; Mayer, Salovey 1990; Knapp, Daly 2002; Wolff, Pescosolido, Druskat 2002]. Развитие этой теории связано с изменением точки зрения на соотношение эмоциональных и познавательных процессов. Эмоциональный интеллект понимается как способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение

эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений [Никулина 2022: 6]. Учеными доказано, что эмоции пронизывают все сферы деятельности человека, в том числе и когнитивную. Эмоции дают толчок к познанию, компенсируют недостаток знания, выступают в роли катализатора познавательного процесса.

Способность к пониманию эмоций проявляется в том, что человек может распознать эмоцию, установить факт наличия эмоционального переживания у себя или у другого человека; он может идентифицировать эмоцию, то есть установить, какую именно эмоцию испытывает он сам или другой человек, и найти для нее словесное выражение; он понимает причины, вызвавшие данную эмоцию, и следствия, к которым она приведет. Способность к управлению эмоциями проявляется в том, что человек может контролировать интенсивность эмоций, прежде всего, приглушать чрезмерно сильные эмоции; он может контролировать внешнее проявление эмоций; при необходимости он может произвольно вызвать ту или иную эмоцию. Эмоциональный интеллект является фундаментом успехов в межличностных отношениях. Распознавание, идентификация эмоций собственных и других людей, выражение эмоций является базовой способностью эмоционального интеллекта. Осознание эмоций и чувств обеспечивает точную информацию о событиях, которые происходят вокруг. Чем точнее подобрано слово для обозначения эмоции, тем яснее ее причина и способы действия с ней.

Эмотивные каузативы и эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс

Итак, мы выяснили, что лингвистика эмоций занимает на сегодняшний день важные позиции в исследованиях. Эмоции, пронизывая всю деятельность человека, актуализируются на всех уровнях языка, что обуславливает и очень широкий круг вопросов, требующих исследования. Это неудивительно, ведь эмоции находят свое отражение на всех уровнях языковой системы, они требуют комплексного подхода с учетом экстралингвистического, паралингвистического, собственно лингвистического и лингвостилистического аспектов. Эффективность коммуникации напрямую зависит от ее эмоциональной составляющей.

Воздействие на реципиента тем эффективнее, чем более задействована его эмоциональная сфера. Поэтому мы обратились к конкретному семантическому классу, семантика которого связана с побуждением проявления тех или иных эмоций, а именно классу эмотивных каузативов. К особенностям этих единиц можно отнести их синкретичный характер, объединяющий две важные для когнитивной деятельности человека категории – каузативности и эмотивности. Каузативность, как отражение причинно-следственных связей, является одной из важнейших категорий языка и мышления (см. о категории каузативности [Шустова 2020]). Роль эмоций как одного из важнейших компонентов мотивации в познавательной деятельности человека также не вызывает сомнений. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что категория эмотивной каузативности важна для понимания процессов когнитивной деятельности человека.

К важным функциональным особенностям эмотивных каузативов относится то, что они являются языковыми единицами, репрезентирующими межкатегориальное взаимодействие, их семантика синкретична, здесь объединены эмотивное и каузативное значения.

Данный класс мы рассматриваем с позиций функционального подхода в целом и функциональной грамматики в частности, в силу того, что данный подход и направление позволяют изучать механизмы языковой системы в действии. Специфика функционального подхода состоит в том, что объект рассматривается с точки зрения взаимодействия его функций, закономерностей функционирования и связи с окружающей средой. В этом заключается преимущество этого подхода, поскольку языковая единица анализируется комплексно, с учетом ее функции, закономерностей функционирования и среды. Под функцией понимается «свойственная языковой системе «способность к выполнению определенного назначения и результат функционирования, то есть реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [Бондарко 1987: эл. ресурс]. Среда представляет собой множество языковых элементов, окружающих языковую единицу [там же]. Исследования в русле функциональной грамматики позволяют рассматривать языковую единицу, в нашем случае эмотивные каузативы, с точки зрения взаимодействия формы, содержания и функции. «Каждой языковой единице, помимо формы и значения, присуще имманентное свойство – функция, тот способ, которым она служит построению коммуниката. Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью ее формы, значения и функции» [Золотова 2001: 108]. Подобный комплекс-

ный подход к языковым явлениям позволяет наиболее полно описать и объяснить их.

Как уже упоминалось ранее, категория эмотивности представляет собой сложную и многоуровневую систему, анализ которой возможен в разных аспектах. Мы взяли за основу исследования принцип системности, сформулированный А. В. Бондарко [Бондарко 2004], применительно к среде. Любая система представляет собой совокупность подсистем. Для нашей работы основополагающим становится понятие «категориальный семантический комплекс». Его специфика обусловлена пересечением двух категорий, эмотивный компонент накладывает отпечаток на каузативный компонент, приводит к реализации категорий экспрессивности, интенсивности, оценочности. Методы функциональной грамматики позволили нам провести анализ комплекса с точки зрения межкатегориального взаимодействия, этот аспект в эмотивной лингвистике до сих пор изучен фрагментарно. Анализ категориальной ситуации и среды позволяет определить конституенты категориального семантического комплекса и их функциональную нагрузку.

Под средой понимаются все элементы, окружающие языковую единицу в высказывании: элементы контекста и речевой ситуации, лексические значения и лексико-грамматические разряды слов, а также другие грамматические категории, взаимодействующие с исходной категорией, с одной стороны. С другой стороны, учитывается речевая среда, под которой имеется в виду контекст и речевая ситуация, при этом в анализ включаются внеязыковые социальные факторы и их отражение в сознании говорящего и слушающего [Бондарко 1987: эл. ресурс]. Таким образом, среда предполагает исследование

языковых систем в сфере их взаимодействия с разными типами языковых и речевых окружений.

Для анализа содержания высказывания необходимо также обратиться к понятию категориальной ситуации, под которой подразумевается типовая содержательная структура. Она характеризуется тем, что: а) репрезентирует в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле; б) представляет собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации; в) является категориальной характеристикой высказывания [Бондарко 2005: 67].

В речи, как правило, мы имеем дело с актуализацией нескольких функциональных семантических категорий и, соответственно, нескольких категориальных ситуаций, т. е. мы имеем дело с межкатегориальным взаимодействием, которое является результатом взаимного влияния всех элементов среды. Говоря об актуализации любой функционально-семантической категории, необходимо помнить, что основная коммуникативная функция языковых единиц реализуется в высказываниях и целостном тексте. Высказывание – это микросреда функционирования языковых единиц, макросредой является целостный текст. В высказывании функции и средства низших уровней интегрируются на основе их взаимодействия [Бондарко 1987: эл. ресурс]. Соответственно, грамматические единицы, классы и категории должны изучаться вместе с той средой, которая их окружает и с которой они взаимодействуют.

В фокусе нашего внимания находится категориальное значение глагола, важно обратиться к некоторым постулатам когнитивной лингвистики, реализуемым в нашем исследовании.

Когнитивное направление лингвистики также предполагается учет взаимодействия различных факторов. «Структура и содержание человеческого сознания, его знания и мнение о мире, в котором он живет, его стереотипы и представления о норме, а также система коллективных и индивидуальных ценностей и оценок оказывают непосредственное влияние на структуру и содержание языковых форм и выражений в их коллективном (система языка) и индивидуальном (конкретные высказывания и тексты) аспектах, на структуру и содержание самих языковых функций и их реализацию» [Болдырев 2013: 7]. Следовательно, необходимо рассматривать многочисленные факторы, влияющие на механизмы категоризации языковых единиц. «Формирование смысла конкретного предложения-высказывания зависит от конкретных лексических вхождений, передающих “скрытую” категориальность, а также от конкретных синтаксических связей, устанавливаемых в этом высказывании» [Болдырев 2009: 144].

В ситуации с эмотивными каузативами реализуется когнитивный сценарий, в котором каузатор воздействует на объект каузации с целью изменить его эмоционально-психическое состояние. Важными элементами этого сценария являются экспрессивность, интенсивность, оценочность, результат, мотив и инструмент каузации. Эти компоненты и являются теми факторами, которые формируют смысл категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации, они и определяют функционирование эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса. Элементами этого комплекса являются как лексические единицы, так и синтаксические связи между ними.

Важно подчеркнуть, что эмотивные каузативы могут быть выражены синкретичной лексемой – глаголом, в котором присутствуют сема каузативности и сема эмотивности. Это лексический или синтетический эмотивный каузатив. Так же эмотивный каузатив может быть представлен в виде функциональной структуры, в которой нагрузка распределена между элементами, составляющими такую структуру: глагол является каузативным элементом, а эмотивная составляющая выражена, как правило, именной группой. Необходимо еще раз подчеркнуть, что изучаемая нами категория каузативности, а именно один из субклассов ее репрезентирующих, класс эмотивных каузативов, рассматривается нами с точки зрения их функциональных особенностей и в аспекте их взаимодействия со средой, в результате которого и возникают анализируемые нами категориальные семантические комплексы.

Категориальное значение эмотивных каузативов заключается в актуализации интерперсональной семантики, а именно, каузации модификации эмоционального состояния объекта каузации [Сюткина 2023а, 2024а; Шустова 2020]. Роль среды в ситуации с эмотивными каузативами выполняют адвербиальные единицы, модальные слова, дискурсивные маркеры и междометия, являющиеся конституентами функционально-семантических полей аспектуальности, таксиса, временной локализованности, темпоральности и итеративности. Основное содержание эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации и реализуется двумя категориальными семами: семой эмотивности и семой каузации. Таким образом,

эмотивный каузатив изначально представляет собой результат межкатегориального взаимодействия.

Категориальный семантический комплекс, как правило, включает в свое семантическое пространство другие семантические категории, которые находятся в подчинительном отношении к комплексу в данной категориальной ситуации (в другой категориальной ситуации эти категории могут стать ведущими).

Поскольку ситуация каузации эмоциональной модификации ведет к актуализации признаков интенсивности, экспрессивности и оценочности, так как они связаны с эмотивностью, выделяются эмотивно-экспрессивно-каузативный, эмотивно-интенсивно-каузативный и эмотивно-оценочно-каузативный семантические комплексы.

Эмотивно-оценочно-каузативный категориальный семантический комплекс

Эмотивно-оценочно-каузативный категориальный семантический комплекс может быть выделен на том основании, что оценка заложена в значении каузируемой эмоции: мы говорим о каузативах положительной и отрицательной эмоциональной семантики, поскольку самим эмоциям человека свойственно деление по признаку той оценки, которую несут испытываемые чувства. К положительным эмоциям относятся такие эмоции как: радость, счастье, восторг, вдохновение, утешение и т. п. Соответственно, в качестве примеров эмотивных каузативов положительной семантики можно назвать: *радовать, обрадовать, порадовать, веселить, развеселить, повеселить, утешать, успокаивать, смешить, рассмешить, насмешить, посмешить, забавлять, потешать, развлекать, увлекать,*

завлекать, бодрить, взбодрить, подбодрить, приободрить, восхищать, восторгать, очаровывать, пленять, вдохновлять, воодушевлять, воспламенять, обнадеживать, околдовывать, осчастливить, задабривать, нежить, изнежить, умилять, хвалить, поощрять, славить, приветствовать, изумлять, покорять, соблазнять, увлекать, искушать, пленять, обворожить, поощрять, вселять надежду, бодрость, веру, проявлять милосердие, добиваться взаимности, тешить взор, радовать взгляд, уделять внимание, вызывать восторг, приводить в восторг, вызывать, выражать восхищение, приводить в восхищение, в изумление, вселять гордость, окружать лаской, внушать, возбуждать, вселять, давать надежду, пробуждать надежду, доставлять наслаждение, поднимать, приподнимать настроение и т. д.

Каузируемые отрицательные эмоции – это гнев, ярость, злоба, ненависть, раздражительность, нервозность и т. п. К группе эмотивных каузативов отрицательной семантики мы можем отнести следующие лексемы и функциональные структуры: злить, разозлить, гневить, разгневить, всполошить, угнетать, досаждать, утомлять, изводить, взбеленить, попрекать, поносить, отругать, ущемлять, встревожить, растревожить, унижать, докучать, бередить, растравить, истрепать нервы, вызывать агрессию, приводить в бешенство, доставлять беспокойство, действовать на нервы, вызвать возмущение (бешенство, гнев), причинять горе, наводить грусть, сломить дух, приносить, причинить зло, возбуждать, вызывать злобу, подвергать мучениям, лишать, сокрушать надежды, нагнетать панику, страх, создавать напряженность, осыпать насмешками, портить настроение, приводить

в негодование, навлекать негодование на себя, сеять недоверие, страх, панику, наводить ужас, приводить в неистовство, разжигать ненависть, доставлять неприятности, портить, трепать, расшатывать, расстраивать нервы, приносить несчастье, приносить неудачу, вызывать неудовольствие и т. д.

«В каузативных глаголах оценка содержится в пропозициональных структурах, поскольку актанг, каузирующий радость, восхищение, всегда хороший, а актанг каузирующий огорчение всегда плохой для субъекта» [Вольф 2002: 7]. Необходимо отметить, что категория эмотивности самым тесным образом связана с категорией оценочности, хотя вопрос об их соотношении не решен однозначно. Некоторые исследователи считают, что данные категории представляют собой нерасторжимое единство. Так, А. И. Приходько отмечает, что «оценочное значение не является структурно или понятийно однородным. Его содержательную структуру усложняют эмоциональность, экспрессивность, модальность, которые сопровождают оценку» [Приходько 2011: 176].

Как уже говорилось выше, эмоции, как и оценка, являются обязательной составляющей частью картины мира. Как итог действия эмоционально-оценочных механизмов, происходит регуляция эмоционально-познавательной и речевой деятельности человека. «Оценочное измерение картины мира и дискурса определяется жизненным миром человека и общества, находящихся в процессе освоения / присвоения мира. <...> В результате, регулируется эмоционально-интеллектуально-речевая деятельность человека и, в конечном счете, его целостная система бытия» [Серебренникова 2011: 7–8]. «Картина мира, свойственная определенной эпохе и определенному обществу, обязатель-

но включает в себя ценностные ориентации человека, оценку себя, окружающего мира и деятельности в самом широком понимании этого термина. Ценностные ориентации необходимым образом содержат эмоциональное отношение. <...> Эмоциональные механизмы сознания работают по принципу взаимной оценочно-когнитивной корреляции. Оценка словно “вбирает” в себя соответствующую эмоцию, а “параметры” эмоции и оценки совпадают: “приятное” – “хорошо”, “неприятное” – “плохо”» [Приходько 2011: 177]. Н. А. Кобрина находит общее в эмотивности и оценочности «в плане соотносимости номинации с концептуальной сферой; здесь проявляется большая роль психологического компонента, который предопределяет очень высокую степень модификации вербальной реализации сравнительно с исходным концептом» [Кобрина 2005: 85]. Таким образом, мы можем утверждать, что оценка имплицитно заложена в значении эмотивного глагола или функциональной группы, поскольку эмоциям изначально присущ оценочный знак: *Приятно порадовали* свобододолюбивые звезды рока (Ngram).

Вышеприведенный пример демонстрирует усиление оценки, заложенной в значении каузатива *порадовать*, оно реализуется благодаря интенсификатору *приятно*, семантика которого включает компонент положительной оценочности.

Многие дамы и джентльмены, которым сообщили, что это всего лишь шуточная дуэль, были неприятно поражены действиями МакАлистера – его начали осуждать (Ngram).

В этом примере мы наблюдаем актуализатор оценочности *неприятно*, который уточняет отрицательный оценочный знак

каузируемой эмоции. Семантический потенциал эмотивного каузатива *поражать* включает в себя как положительные, так и отрицательные эмоции, поскольку его эмотивность заключена в значении *производить сильное впечатление; удивлять, изумлять* (СТС). Актуализаторы оценки помогают определить каузируемый результат, в приведенном выше примере мы наблюдаем, что в этой роли выступает наречие *неприятно*, которое позволяет нам судить о знаке эмоций.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что рассматриваемый эмотивно-оценочно-каузативный категориальный семантический комплекс является сложным и многомерным явлением. Межкатегориальное взаимодействие происходит на глубинном семантическом уровне, однако может усиливаться за счет использования оценочных интенсификаторов на синтаксическом уровне.

Эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический комплекс

Следующий анализируемый нами комплекс – эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический. В качестве лексических единиц, реализующих интенсивные значения, могут выступать наречия, прилагательные, предложные группы, местоимения, модальные слова, модальные частицы и дискурсивные маркеры. Обратимся к интенсификаторам, функционирующим с эмотивными каузативами. Нас интересуют лексические средства выражения категории интенсивности, то есть слова и словосочетания, в которых одно или несколько слов служат для усиления другого слова. Усиление значения слова – это отражение на лексическом уровне интенсификации в

реальной действительности внеязыкового факта, который обозначает данное слово. Напомним, что эмотивные каузативы подразделяются на три основных класса: положительной эмоциональной модификации (*радовать, восхищать, очаровывать* и т. д.), отрицательной (*огорчать, гневить, пугать, злить* и т. д.) и нейтральной (*интересовать, настраивать* и т. д.). Однако слова и словосочетания, функцией которых является усиление какого-либо признака, обладают широкой семантикой и сочетаются с каждым из трёх классов.

Она и так удивила и насторожила его безмерно известием о своем приезде (Ngram).

Но и укор был в его лице, словно Санек огорчает его безмерно (Ngram).

Вы отвечаете на мои письма, любезный друг; вот что меня безмерно радует и заставляет благодарить от всего сердца (Ngram).

Бразильцы страстно поддерживают пилотов, и трибуны практически всегда заполнены (Ngram).

Этот человек стал страстно ругать поэта Александра Блока. Именно потому, что Греков очень любил стихи Блока, он прислушался к словам сердитого гостя (Ngram).

Меня страстно интересуют люди из трамвая (Ngram).

В приведённых примерах интенсификаторы *безмерно* и *страстно* могут служить для обозначения высокой степени проявления как положительных, отрицательных, так и нейтральных эмоций.

Модальные слова и дискурсивные маркеры также актуализируют определенную степень интенсивности эмоций. Модальные слова и модальные частицы представляют собой своеобразный

класс лексем, статус которых является дискуссионным, однако их функциональный потенциал не вызывает сомнения. Им принадлежит ведущая роль в реализации говорящим его интенций, но также они помогают слушающему адекватно оценить содержание высказывания. Так, например, *Меня такая непонятливость как-то разозлила даже* (Ngram); *Вы любопытны, разговорчивы, любите высказываться по разным вопросам, что, случается, раздражает окружающих* (Ngram); *По-моему, он намеренно злит куратора. Интересно, чем он ему не угодил?* (Ngram).

Контекстуальный анализ этих примеров позволяет сделать вывод о том, что модальное слово *как-то* и дискурсивные маркеры *случается*, *по-моему* свидетельствуют здесь скорее о сниженной степени интенсивности эмоций.

Одним из наиболее частотных способов интенсификации на лексическом уровне являются наречия, прилагательные и предложные группы. Можно выделить их группы со следующими значениями:

– меры, степени: *глубоко, безмерно, больше всего крайне, чрезвычайно, особенно, изрядно, полностью, всей душой, всеми силами души, всеми фибрами души, без удержу, вконец, крупно, сильно, до основания;*

– частотности: *часто, постоянно, беспрестанно, вечно;*

– эмоций: *страшно, ужасно, бешено, страстно, фанатично, яростно, мучительно, люто, пылко, горько, серьёзно, отчаянно, зло, сурово, жестоко; до глубины души, до слёз, до потери сознания, до смерти, до чёртиков, до безумия;*

– качества: *смертельно, здорово, необыкновенно, хуже горькой редьки, как горькая редька, тяжело / тяжко, кровно,*

невероятно, горячо, адски, дико, последними словами, на чём свет стоит.

Конечно, приведенный выше список не является конечным и исчерпывающим, наоборот, этот класс единиц динамичен, он постоянно пополняется.

В аспекте динамической лингвистики важными представляются процессы десемантизации и грамматикализации, которые можно выявить в анализируемом комплексе. Так, функции интенсификаторов часто выполняются наречиями и прилагательными. Но активно пополняют класс интенсифицирующих единиц эмотивные прилагательные, и прежде всего те, которые актуализируют отрицательные эмоции. Они десемантизируются и выполняют функцию усиления значения, признака. Семантика интенсификаторов из группы эмоции и качества преимущественно негативная, поскольку отрицательные эмоции действительно психологически переживаются человеком более интенсивно и длительно, в отличие от положительных. Поэтому неудивительно, что именно лексемы, значение которых связано с отрицательными эмоциями и качествами, используются для интенсификации других речевых единиц. При этом интенсифицируемая единица может обладать как положительной, так и отрицательной семантикой, что свидетельствует о десемантизации интенсификатора.

Папка сегодня вечером ужасно обрадовал меня. Оказывается, он встречался со своим приятелем и разговаривал с ним по поводу работы для Риткиной мамы (Ngram).

Дети ужасно раздосадовали его, и, улёгшись в постель, он никак не мог отделаться от охватившего его раздражения, которое только нарастало в нём (Ngram).

Десемантизация лексических единиц и приобретение ими грамматических функций, то есть грамматикализация, – вопросы актуальные в современной лингвистике, поскольку они позволяют проследить способы и пути языковых изменений.

В качестве интенсификаторов могут выступать прилагательные в полной и краткой форме, сравнительная и превосходная степени сравнения имени прилагательного, основная функциональная нагрузка заключается при этом в усилении каузируемой эмоции. Интенсификаторы несут в себе дополнительную информацию, могут иметь экспрессивный или эмоционально-оценочный характер. Каждая такая единица обозначения интенсивности содержит информацию о характере поступков, действий, поведении людей, качестве, может давать им положительную или отрицательную оценку. Такое тесное взаимодействие элементов интенсивности и эмотивной каузативности позволяет нам выделять эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический комплекс.

Интенсивность как эмотивный компонент каузативного глагола

При рассмотрении взаимодействия эмотивности и интенсивности нельзя обойти вниманием такие лексемы, в которых синкретично представлены компоненты этих категорий, что может приводить к тому, что эти единицы приобретают экспрессивные черты. Интенсивность является прототипическим элементом ситуации каузации эмоциональной модификации, с одной стороны, эмоции всегда связаны силой их проявления, а с другой стороны, интенсифицирующие средства помогают достичь эффекта увеличения экспрессивности высказывания.

Попробуем проанализировать взаимосвязь категорий эмотивности, экспрессивности и интенсивности, проявляющуюся в пределах одной лексемы.

Рассматриваемый лексический (синтетический) каузатив, в рамках которого наблюдаем эту комплексность, демонстрирует усиление эмотивной оставляющей за счет актуализации средств экспрессивности. Это неудивительно, «из всех категорий в соотносительном круге экспрессивности самой близкой является эмоциональность, точнее, она – важнейший компонент экспрессивности» [Тошович 2006: 15].

Эмотивность и экспрессивность действительно взаимодействуют очень тесно, «экспрессивность – это совокупный продукт, выражение некоторого итога, создаваемого целым рядом субъективно ориентированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к обозначаемому» [Телия 1991: 6]. Это неудивительно, поскольку экспрессия рождается под воздействием эмоций, под их воздействием говорящий ищет наиболее яркие средства, стремясь наиболее точно передать свои чувства, заставить собеседника сочувствовать, сопереживать. «Экспрессив – языковая единица, основной семиологической функцией которой является экспрессия, то есть усиление воздействующей силы за счет сем усиления, образности и др.» [Шаховский 2019а: 24–25]. Очень точно взаимосвязь эмоции и экспрессии определил сербский лингвист Бранко Тошович: «Эмоции – это чувства, переживания, волнения, духовные, аффективные состояния, нарушающие психическое и физическое равновесие, а экспрессия – их продукт. Обе являются результатом различных раздражений: в то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, экспрессия зарождается под воздействием эмоций. Это

означает, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция, точнее эмоция предшествует экспрессии. В процессе декодирования происходит обратный процесс: экспрессия вызывает эмоцию. Важным компонентом экспрессивности является эмотивное значение» [Тошович 2006: 15–16]. Соглашаясь с ученым, определим такую ситуацию как круг эмоционального воздействия, поскольку мы действительно наблюдаем «круговорот» эмоций – собственные переживания мотивируют адресанта использовать средства экспрессивизации для каузации схожих чувств у адресата.

Экспрессивность достигается в результате актуализации категории интенсивности. Как правило, усиление признака необходимо говорящему именно для создания образности и, тем самым, экспрессии. При этом «интенсивность выполняет функцию усиленного воздействия на адресата» [Шестова 2005: 4].

Таким образом, взаимозависимость этих категорий не вызывает сомнений. «Экспрессивность – свойство диктемы, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и результатом является эмоциональное или логическое усиление, связанное с намерением убедить адресата посредством целенаправленного воздействия на него, то есть путем повышения силы высказывания» [Десятская 2017: 220]. Как мы видим, мнения лингвистов сходятся в том, что использование интенсифицирующих средств ведет к усилению экспрессивной силы высказывания и с целью усиленного воздействия на адресата. В подтверждение мысли о взаимосвязи интенсивности и экспрессивности с эмоциями, приведем такую цитату: «Нередко мотивом употребления тех или иных способов интенсификации являются эмоции, так как эмоциональная сфера личности – это ее отношение к миру, к объектам

естественных и культурных потребностей, состояние ее сознания» [Карповская 2010: 177].

Интенсивность и экспрессивность имеют общие функции, цели и средства, поэтому между ними нет четких границ, что приводит к синонимическому употреблению понятий *интенсивность* и *экспрессивность*.

Так, например, И. И. Туранский говорит о категориях *интенсивность*, *эмоциональность*, *экспрессивность* как о взаимосвязанных и взаимообусловленных категориях: «Категория интенсивности – это семантическая категория, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова. Интенсивность есть количественная мера оценки качества, мера экспликативности, есть показатель содержания коммуникации. С позиций исследователя, интенсивность есть мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность» [Туранский 1990: 7]. Поскольку под интенсивностью ученый понимает «меру количества эмоциональности» [там же: 11], проследить четкие границы между категориями не всегда возможно, и он определяет «понятие *интенсивность* как означающее количество, степень, меру экспрессивности» [там же: 13].

С точки зрения прагматики функция интенсивности заключается в усилении иллокутивной силы высказывания, делая его более экспрессивным, а экспрессия, в свою очередь, воздействует на психическую сферу человека, пробуждая в нем эмоции. Таким образом, эмотивность в значительной степени определяется именно взаимодействием категорий интенсивности и экспрессивности.

Рассмотрим способы создания большей степени эмотивности средствами интенсификации и экспрессивизации лексическим эмотивным каузативом. Мы наблюдаем следующие способы актуализации синкретичных значений эмотивности и экспрессивности.

Интенсификат, то есть слово, которое имплицитно включает в себя сему интенсивности: *затормозить, затравить, взбеленить, взъерепенить, баламутить, будоражить, булгачить, всполошить, переполошить, докучать, потрясти, ярить, взъярить, лютовать, свирепствовать, тягчить, бесить, взбеленить, взъерепенить, взъярить, возмущать, изумить, ошеломить*. В этих глаголах заложено значение высокой степени проявления эмоций.

*Вспоминая все это весной 1998 года, я все думал и думал о том, почему же интуиция заставила меня **всполошить** всю нашу научную группу и сделать именно так (НКРЯ).*

*В прошлый раз, когда генерал-майор Илюшенкин приехал в отдел, уже привыкший к определенной демократии и по этой причине порядочно избаловавшийся Колька, даже не подумал вставать со своего места, чем просто-таки **взбеленил** посетителя (НКРЯ).*

*– И я, – возразил Кемский, – принадлежу к числу людей, которых вы **изумили** своими мнениями. Ни от кого не слышал я столько любопытного о важных и грозных явлениях жизни, как от вас, – а беседовал с вами всего только два часа (НКРЯ).*

Синкретизм эмотивности, интенсивности и экспрессивности может также достигаться за счет образных средств, прежде всего метафор. Здесь можно выделить следующие варианты.

Речевое воздействие с имплицированным интенсификатом метафорического характера: *уесть, запилить, уколоть,*

злыхахательствовать, злословить, злоствовать, подковырнуть, рявкнуть, проклинять, огрызаться, язвить, брюзжать, бурчать, ворчать, забранить, избранить, изругать, корить, укорять, костить, обляять, опорочить, обложить, пропесочить, поносить, расчихвостить, шельмовать, разнести, язвить, уязвить, перевозносить.

Уела она меня, уела, за спиной едва слышно смеялась Кэлен и тихо фыркала Кира (НКРЯ).

*Вот Магда, его супруга, просто **запили** своего ненаглядного (НКРЯ).*

*Поэтому вместо нормальных разговоров я всё время **огрызалась**. **Огрызалась** довольно злобно: во-первых, чтобы скрыть, что он может быть мне симпатичен, а во-вторых, потому, что мне было всё равно (НКРЯ).*

Глаголы воздействия метафорического характера: *взвинтить, наэлектризовать, заводить, окрылить, вливаться, душить, начхать, расплеваться, измочалить, обрушиться, пропесочить, поносить, расчихвостить, ополчиться, вскружить.*

*Важный гость из Москвы перехватил недовольный взгляд полковника, **наэлектризовывать** обстановку еще больше не стал (НКРЯ).*

*Деловая встреча Вали с Закревским разъярила Белова. Едва Валя переступила порог квартиры, он **обрушился** на нее, полный негодования (НКРЯ).*

Зоометафора: *загрызть, заклевать, зверствовать, драконить, раздраконить, набычиться, рычать, шипеть, жалить, обляять, ехидничать.*

Рядом с сильным противником она как-то заметно растерялась. – Что тебе нужно? – спросила Аида. – Да как ты смеешь

спрашивать?! – Сабита явно утратила спокойствие и сейчас просто **шипела**, как растревоженная гадюка (НКРЯ).

А его, первого поэта современной России, критики **заклевали** (НКРЯ).

Вот обсмеяли за внешность, **затравили, заклевали** и методически **загубили** талантливого парня, загубили... Не уберегли! Совсем люди **оскотинились**, готовы растоптать любого, кто выделяется из толпы (НКРЯ).

Ибо вслед за вредным стариком Богословским **набычился** на него всегдашний ему недруг товарищ Устименко. И **набычился** так угрожающе, с такой резкостью в выражениях и с такими задиристыми выкрутасами, что Евгений Родионович и улыбаться иронически перестал (НКРЯ).

Сумели **раздраконить** напрочь мою душу. Надолго вы нарушили безжалостно покой (НКРЯ).

Только для Петровича это уже было – ему главное, любопытство у приезжих следовало так **раздраконить**, чтобы они деньгами кинулись сорить, почем зря. Направо и налево. Врать не стану: одного было **раздраконить** удалось (НКРЯ).

Номинация эмоций имеет свои отличительные черты, связанные с их функциональными особенностями, поскольку целью является, как правило, не просто обозначение тех или иных переживаемых чувств, а эмоциональное воздействие на адресата высказывания, чтобы «погрузить» его в те же переживания, пробудить эмпатию, сделать его «соучастником» этих чувств.

В круге эмоционального воздействия мы говорим о взаимообусловленности эмоций. Эмоции описываются так, чтобы вызывать ответный отклик у реципиента. Для этого прибегают к тем средствам, которые наиболее ярко и образно

позволяют описать события, чувства, эмоции. Поэтому глаголы, которые обозначают эмоциональное воздействие, имеют экспрессивный характер.

Таким образом, эмотивный каузатив, с точки зрения выполняемых им функций, оказывается тесно связанным с экспрессивностью и интенсивностью – глагол обозначает эмоциональное воздействие, а экспрессия и интенсивность отвечают за его усиление.

Эмотивно-экспрессивно-каузативный категориальный семантический комплекс

Говоря об эмоциях и эмотивности как их отражении в языке, необходимо рассмотреть прагматические аспекты. Эмоциональная реакция говорящих отражает момент перехода от собственно семантики к прагматике языка. Эмотивность является важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию. На наш взгляд, наиболее ярко она отражается в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе. Необходимо подчеркнуть, что экспрессивность и эмотивность представляют собой две неразрывно связанные категории, как уже упоминалось ранее.

При этом экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка.

На фонетическом уровне она может быть представлена акцентными и интонационными средствами, изменениями звуков.

Морфологические средства представлены словосложением, широким диапазоном аффиксов с ласкательной или уничижительной семантикой.

К лексическим экспрессивным средствам относятся слова, имеющие помимо своего предметно-логического значения оценочный компонент, а также междометия и усилительные частицы.

На синтаксическом уровне экспрессивность выражается, например, изменением обычного порядка слов, использованием эллиптических конструкций, повторов. К следующему уровню относятся и фразеологизмы, которые и предлагается рассмотреть в качестве одного из способов создания экспрессивного высказывания.

В ситуациях с эмотивными каузативами экспрессивный компонент может быть реализован лексемами экспрессивной семантики (*безумно, адски, страшно* и т. д.), междометиями, междометными фразеологическими единицами, фразеологизмами.

Обратимся к фразеологическим единицам, выступающих в качестве средств экспрессивности. Нужно подчеркнуть, что отличие фразеологизмов от слов заключается в их экспрессивности. «Экспрессивная функция языка понимается как кумулятивный эффект оценочной, мотивационной и эмотивной деятельности языкового сознания субъекта речи, обусловленной его интенцией выразить некоторое чувство-отношение по поводу определенного положения дел в мире или свойства лица. Эта деятельность непосредственно связана с существованием языковых механизмов, выполняющих в языке экспрессивную функцию» [Латина 1991: 136].

Рассмотрим конкретные примеры фразеологических единиц. В качестве материала были отобраны фразеологические единицы и междометные фразеологические единицы, которые выступают в роли эмотивных каузативов. В качестве фразеоло-

гизмов, которые имеют значение эмотивных каузативов, можно привести следующие: *портить кровь, трепать нервы, действовать на нервы, играть на нервах, сводить с ума, выводить из себя, поражать до глубины души, рвать и метать, метать громы и молнии, стереть в порошок*. Такие единицы выполняют денотативную функцию, они используются для описания ситуации эмоционального воздействия, при этом имеют образный характер, что обуславливает экспрессивный характер контекстов с их использованием.

*Сразу после взятия Парижа Меттерних принял **портить кровь** Александру и его ближайшему окружению, причем столь успешно, что образ австрийского министра не мог не вьестся в сознание русского царя* (Ngram).

*Поначалу ребята покрикивали на меня, что в итоге стало **действовать на нервы*** (Ngram).

*Но когда они плачут – это чистая, беспримесная эмоция, **до глубины души*** (Ngram).

*Это может прозвучать странно, но то, как он себя ведет, ходит и кричит, **потрясает до глубины души*** (Ngram).

*И ведь не ребенок им нужен. Главное – жену **стереть в порошок**. Мыслями о чувствах детей они себе голову не забивают* (Ngram).

Мы наблюдаем, что выразительные средства с экспрессивной окраской, фразеологизмы, более ярко выражают эмоции, и, тем самым, увеличивается экспрессивная сила высказывания и каузируемая эмоция воспринимается как более интенсивная.

Экспрессивность возможна на разных уровнях языковой системы, на примере фразеологизмов мы видим механизм создания экспрессивности на синтаксическом уровне.

В функционально-прагматическом аспекте фразеологизмы выполняют роль актуализаторов категории экспрессивности. При выборе неэкспрессивной / экспрессивной единицы решающую роль играет возможность емко и компактно выразить эмоции. Имплицитно в такой ситуации подразумевается эмоциональное воздействие на собеседника, экспрессивность подразумевает направленность на адресата высказывания. Поэтому мы можем говорить о том, что за счет использования экспрессивной единицы происходит усиление каузативного эффекта.

В прагматическом аспекте мы выделяем также такие фразеологические единицы, которые служат в качестве речевого инструмента эмоционального воздействия, они используются адресантом, чтобы непосредственно вызывать те или иные эмоции. Это так называемые междометные фразеологические единицы, например: *ни пуха, ни пера; твои бы слова да Богу в уши; собери все мужество в кулак; держи хвост пистолетом; еще не вечер; еще не все потеряно; только без паники; только не показывай слабости; не бойся; не робей; не принимай близко к сердцу; не унывай; не наводи панику; не оторвут же за это голову; поживем – увидим; все образуется; ничего страшного; подумаешь, дело; пустяки; все перемелется, мука будет; выше голову; что ни делается, все к лучшему; век живи, век надейся; терпи, казак, атаманом будешь; будет и на нашей улице праздник; чему быть, тому не миновать; я это еще припомню; ну, погоди же; не жди пощады; я тебя научу вежливости; вот я тебя; чтобы этого больше не было; доберусь я до тебя; я тебе задам; это последнее предупреждение; Вы об этом еще пожалеете; я ему еще покажу кузькину мать; уж я ему*

устрою; я тебе покажу; сейчас ты у меня узнаешь; я тебе покажу, как надо себя вести; пусть он мне только попадется; ты меня еще узнаешь; мы еще встретимся; кончилось мое терпение; сейчас как врежу; хорошего понемножку.

Междометные фразеологические единицы – это «свободные словосочетания и другие единицы, утратившие первоначальное значение и выступающие в функции междометий» [Коминь 1999]. Они выполняют ту же функцию, что и междометие – выражение эмоций, они не являются членами предложения, занимая обособленную позицию.

Общими категориальными признаками междометных фразеологических единиц являются их «специфическая синтаксическая функция в качестве самостоятельных интонационно оформленных нечленимых фраз и общее значение реакции на соседнюю реплику или ситуацию» [Русская разговорная речь 1983: 92–93] (см. также Афанасьева 2023б, 2024; Сюткина, Афанасьева 2024). К их свойствам относятся целостность значения, воспроизводимость и устойчивость. «Устойчивость фразеологических единиц проявляется в их способности воспроизводиться, но не организовываться в процессе речи» [Шишимер 2016: 125] Междометные фразеологизмы обладают формальными признаками фразеологизмов, в функциональном аспекте представляют собой средство актуализации эмоционального отношения. «В результате экспрессивного переосмысления междометные фразеологические единицы превращаются в обобщенные выразители эмоций и волеизъявления, а иногда и того, и другого вместе, вследствие чего значение подобных междометных образований является немотивированным» [Кунин 2005: 420].

На примере междометных фразеологических конструкций мы наблюдаем процесс прагматикализации. Они в той же мере выполняют функции эмотивного каузатива, подобную синтетическому или аналитическому каузативу, но здесь мы имеем дело с «выкристаллизованным» с течением времени устойчивым оборотом, за которым закрепились в речи функция побуждения к определенной эмоции.

К междометным фразеологическим конструкциям, актуализирующим положительную семантику, относятся, например: *ни пуха, ни пера; твои бы слова да Богу в уши; держи хвост пистолетом; еще не вечер; не принимай близко к сердцу; проживем – увидим; подумаешь, дело; все перемелется, мука будет; выше голову; что ни делается, все к лучшему и другие.*

Междометные фразеологизмы положительной семантики актуализируют ряд эмоций, например, комплимент и лесть: *снимаю шляпу; ай да ну; большое сердце; божже ты мой; бог мой; сама доброта; ай да мы.*

Ах, божже мой, какие ты Антоша, слова отпускаешь!

Вы – сама доброта, сударыня, но все же, мы должны придерживаться нашего первоначального плана.

Ободрение: *не вешай нос; не вешай голову; не опускай руки; плевое дело; раз плюнуть; расправь плечи; все будет в ажуре; лиха беда начало; что за беда; велика беда; что за беда; не делай трагедии; первый блин комом; дай-то бог; дай бог; не брошу на произвол судьбы; всегда буду на твоей стороне; не боги горшки обжигают; все будет туп-тон.*

– *Ничего. – Густав хлопнул Димку по плечу. – Не вешай носа. Все будет туп-тон* (Ngram).

Всё возможно! Только учись хорошо. Не боги горшки обжигают (Ngram).

Восхищение: *ай да ...; жизнь моя; душа моя; черт возьми; мать божья; подумать только; скажи на милость; ну ну.*

– *Скажи на милость! В какую честь ты попал, Гришка! За одним столом с настоящим генералом! Подумать только!* (Ngram).

– *А правда, если бы был жив Колька, он был бы вами довольный. Он бы сказал: «Ну, сестры Ивановы, ну и ну!»* (Ngram).

Успокоение: *дело житейское; первый блин комом; ай да ну; не бери в голову; куда кривая вывезет; не распускай нюни; не принимай близко к сердцу; всего ничего; всего-навсего; яйца выеденного не стоит; я на твоей стороне; горе луковое.*

Я пригрозил свернуть сотрудничество с Управлением, если они вздумают тебя уволить, так что не распускай нюни и не мрачней (Ngram).

Всё это чепуха, дело житейское. На жене свет клином не сошёлся. Я сам когда-то любил и страдал (Ngram).

Сел Ванятка посреди избы и давай реветь с горя! – Ну, чего ревьешь, горе луковое? – говорит Егорий. – Ползи ко мне. Глянь-ка, чего у меня есть (Ngram).

– *Не волнуйся Вика. Я не причиню тебе вреда. Я на твоей стороне* (Ngram).

Ряд речевых актов (совет, побуждение к действию, предупреждение) реализуют категориальную ситуацию, когда в намерения каузатора входит мотивация объекта каузатора к определенным действиям с помощью эмоций. Это могут быть как положительные эмоции, так и отрицательные:

Совет: *держи нос по ветру; держи порошок сухим; куй железо, пока горячо; держи ухо востро; заруби себе на носу; возьмишь за ум; не пори горячку; держи язык за зубами; не лезь в душу; не бреди душу; по головке за такое не погладят; не гонялся бы ты за двумя зайцами; не пори горячку; выбрось из головы; даже не думай; не наступай на любимую мозоль; не стой над душой; не лезь в душу; и горя мало; не бери грех на душу; не губи (душу); побойтесь бога; побойся бога; губа не дура; бога бы побоялась; хватит лодыря гонять; не вешай лапшу на уши.*

– *Побойся бога!* Ты что, не знаешь, что воровать – это плохо, это грех? Чему ты собираешься учить наших детей! (Ngram).

– *Я там с ребятами замучилась, а тебе и горя мало* (НКРЯ).

– *Узко мыслишь! Они телевизионщики. Тебе к ним соваться не надо. Держи нос по ветру* и осуществляй, так сказать, общее руководство! Станешь делать то, что я скажу, и всё получится (Ngram).

На четвертый день Гунн стала собираться в дорогу. И говорит на прощание: – *Я знаю, что тебе не везло на женщин. Но теперь ты встретил свою удачу. Заруби это себе на носу* (Ngram).

Побуждение к действию: ближе к делу; одна нога здесь, другая там; мухой давай; с богом; и никаких гвоздей; время не ждет; кровь из носу.

– *Командир, в узик НЗ есть, я принесу?* – *Само собой, мухой давай*, мы в гостиной будем... (Ngram).

– *Давай-ка ближе к делу, паренек*, – *настоятельно попросил* Большаков (Ngram).

– Это надо сделать **кровь из носу**, ты что, не врубаешься!..» – орал из области зам по оперативной, которому, видно, самому здорово досталось (НКРЯ).

– Умываться беги, **и никаких гвоздей!** Что стоишь?! Беги! Раз-два! Тебе что, особое приглашение нужно? (Ngram).

Предупреждение: не фунт изюму; не дело это; долго ли до греха; долго ли до беды; даже не думай; не доводи до крайности; гиблое дело; плохо дело; останешься на бобах; быть бычку на веревочке; не сносить головы; с ума сошел; в своем уме; будешь локти кусать; не лезь в бутылку; хлебнешь лиха; дальше – больше; не валяй ваньку.

Многие ли слышали о Топлебене до Крымской войны? Кто он был, инженершика – тьфу, а вот поди же ты, полный генерал и член государственного совета! **Это тебе не фунт изюму!** (Ngram).

Мать ответила неожиданно серьезно и строго: – Плохо думаю, батюшка. Все село междусобой перессорим. **Не дело это**, худо обернуться может (Ngram).

Просьба о снисхождении: не взыщите; ради бога; помилуйте; войдите в положение; будьте милосердны;

– Но **войдите в положение** несчастных, граф! – взмолился Саша. – Человеколюбие возмущается, взирая... (Ngram).

Не взыщите, отцы и милостивцы, на убогом угощении моем: плох я хозяин стал, остарел, одышка замучила... (Ngram).

Речевые акты, которые актуализируют категориальную ситуацию, в которой каузатор целенаправленно вызывает отрицательные эмоции у реципиента, следующие:

Пренебрежение: эка важность; невелика важность; что за важность; невелика беда; не велика хитрость; встречный и поперечный; ишь ты какой.

*А то будет тут **каждый встречный и поперечный** с благородным кабальеро на повышенных тонах беседовать. Непорядок (Ngram).*

– *И что он был за человек такой? – Афинский гражданин, любезный! – Только-то? Гражданин – то есть, по-нашему, мещанин? **Невелика птица!** (Ngram).*

Осуждение: бить тебя некому; глаза б мои не смотрели / глядели / видели; как от козла молока; нет извини; извини за выражение; правда глаза колет; креста на тебе нет; губа не дура; к чертовой бабушке; ни в какие ворота; из ряда вон; что ты как с цепи сорвался.

*Буря криков понеслась по залу. Его прорезали отдельные выкрики: «Долой с трибуны!», «Предатель!», «Браво, Мартов!», «Как он смеет!», «**Правда глаза колет!**» Свердлов неистово звонил, призывая Мартова к порядку. Но Мартов продолжал кричать еще яростнее, чем раньше (НКРЯ).*

– ***Нет, извини!** Ты думаешь, что я молчала-то почти год, так все и буду молчать? **Нет, извини!** (НКРЯ)*

– *Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, **извини за выражение**, в желтый дом свезут (НКРЯ).*

Угроза: в бараний рог согну; шею намылю; небо в овчинку покажется; узнаешь, почем фунт лиха; головой заплатишь; горло перегрызу; места живого не оставляю; вот я тебе задам; задам перцу; из-под земли достану; сотру с лица земли; в порошок сотру; я тебе дам; я тебе задам; узнаешь, почем фунт лиха; это тебе выйдет боком; я тебе выбью дурь из головы; не выводи меня из себя; не подливай масла в огонь; не доводи до белого каления; не дразни гусей; тебе не поздоровится; не

доводи до крайности; это палка о двух концах; пиши пропало; плохо дело; быть беде.

– **Не доводи до крайности**, не заставляй меня подключать другие силы. Честное слово, **тебе не поздоровится**.

– Беды бы нам не принесли эти деньги... Не ровен час, узнают бандюганы, – **пиши, пропало!**

– Я все равно ... не буду ... твоим ... слугой... – Посмотрим. Совестьливые люди в моей команде не нужны. Но я **выбью эту дурь из твоей головы!** (НКРЯ)

– Не дай бог тебе самому попасть в подобную ситуацию, тогда **узнаешь, почему фунт лиха!** – Извини, – примирительно похлопал его по колену зять (НКРЯ).

Помни: не всегда смелость города берет, особенно на службе. **Можно и головы не сносить!** (НКРЯ)

Упрек, укор: без роду, без племени; ни роду, ни племени; в гроб вгонишь; не вали с больной головы на здоровую; мыслимое ли дело; слыханное ли дело; всю душу вымотал(а); в печенках уже сидит; хоть брось; из рук вон плохо; не ахти; всю кровь выпил.

– Зачем? – кричала я. – Ты уже **выпил из меня всю кровь!** Мы уже давно не муж и жена (Ngram).

Он всплеснул руками и торопливо заковылял вокруг костра. – **Слыханное ли дело?** С полюбовником к мужу законному денег просить идет! (НКРЯ).

Оскорбление: дурья голова; один ветер в голове; голь перекатная; хуже горькой редьки; кишка тонка; дура набитая; дурак дураком; дурак набитый; дурак стоеросовый; как баран на новые ворота; как свинья в апельсинах; скатертью дорога; туда и дорога; катись отсюда; катись колбаской; уши вянут;

как бельмо на глазу; белены объелся; бесплодная смоковница; ни бум-бум; ветер в голове; весь в отца / матушку; старый хрен; старая карга.

Поверьте, это сырой специалист, просто девчонка с институтской скамьи. Ни знаний, ни опыта, **один ветер в голове** (Ngram).

Один ветер в голове. Кто из тебя вырастет? (Ngram).

Сил больше нет слушать всю эту чушь – **уши вянут!** (Ngram).

– **Что уставился, как баран на новые ворота?** Не ожидал такого финала? (Ngram).

– **А ты что уставился, как баран на новые ворота?** – прикрикнула она на Алексея. – Дырку просверлить собрался у меня во лбу? (Ngram).

Досада: **и дернул тебя черт; какого рожна; ну и заварил ты кашу; сыт по горло; на кой черт; вот ты мне уже где; дуй тебя горой; не празднуй труса.**

– Ты с ума сошла? **Какого рожна** тебе еще не хватает? А зачем ты тогда голову всем морочила? (НКРЯ).

– **Дернул тебя черт** за язык. Отпуск мой теперь накрылся (НКРЯ).

Недоверие: **вон оно как; знаем мы вас; нос не дорос; не твоего ума дело; нелей крокодиловы слезы.**

– **Знаем мы вас,** как вы плохо играете! – сказал Ноздрев, выступая шашкой (НКРЯ).

– **Вон оно как!** – Джон рассмеялся. – **Чтобы такая хорошенькая барышня убила одного из отважных офицеров гестапо?** Чем он вам не приглянулся – черным кителем? (Ngram).

Опасение нежелательных событий: *не дай бог; не приведи божже; избави божже; сохрани бог; божже упаси; и что это тебе в голову взбрело.*

– *Не дай бог*, Андрюша или Нинка в школе хоть что-нибудь из услышанного ляпнут – арестуют же Володю!

– *Погоди, погоди, вот мать-то бог приберет, как-то без меня будете жить?.. Помянешь, не раз помянешь!.. Не знает вы, каково горько без матери сиротами-то жить!.. Ох, не приведи Господи!...* (НКРЯ)

Важно отметить, что в силу особенностей междометий и междометных фразеологических единиц, подобная классификация условна. Эти единицы обладают широким функциональным и прагматическим потенциалом и способны актуализировать множество эмоций в зависимости от ситуации, среды, намерений говорящего.

Основные характерные черты междометий заключаются в их побудительной и эмотивной функции. Междометные обороты – свойство живой речи. Они функционируют как более экономные, краткие и эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру. Междометные фразеологизмы в полной мере выполняют эти же функции, при этом происходит усиление эмотивного компонента за счет образности фразеологического оборота. В результате происходит увеличение иллокутивной силы высказывания, усиление перлокутивного эффекта.

Междометные фразеологические единицы, как и любые другие междометия, отличаются полисемичностью, одна и та же единица может выражать разные эмоции, в том числе и по оценочному знаку. Это является функциональной особенностью класса. Также их отличает большая степень эмоциональности,

что делает такие единицы крайне выразительными. Они отличаются краткостью, емкостью, характерной чертой является побудительный характер.

Заключение

Итак, мы рассмотрели три категориальных семантических комплекса, в которых наблюдается взаимодействие категорий интенсивности, оценочности и экспрессивности. Класс эмотивных каузативов наглядно иллюстрирует сложность категории эмотивности.

С одной стороны, это подсистема категории каузативности, сложной и многомерной системы, демонстрирующей ряд функциональных особенностей, а с другой стороны, этот класс сам представляет сложную систему, для которой характерны особенности функционирования, к которым относится, в частности, межкатегорияльное взаимодействие, реализуемое разноуровневыми языковыми средствами.

Можно утверждать, что все функциональные особенности эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса связаны с эмотивной составляющей. Именно эмоции неразрывно связаны с категориями интенсивности, оценочности и экспрессивности как на глубинном, так и на поверхностном уровне, что мы и наблюдаем в анализируемых комплексах.

Подведем некоторые итоги относительно способов реализации эмотивного значения в ситуации каузации эмоциональной модификации в целом. Каузативные отношения отражают причинно-следственные связи и в языковом воплощении представлены семантическим комплексом. Эмотивная часть также является комплексной по своей природе, в эмотивах имплицитно заложена оценка актуализируемой эмоции:

положительная или отрицательная. В лингвистическом аспекте эта сложность находит отражение в категориальном семантическом комплексе.

В каузативной ситуации эмоциональной модификации комплексная семантика может быть выражена различными языковыми средствами. Синкретично семы эмотивности и каузативности представлены в синтетических эмотивных каузативах. Кроме того, такие глаголы могут содержать и семы интенсивности, что делает их экспрессивными и усиливает эмоциональность. В аналитических формах эмотивных каузативов – функциональных структурах – семы эмотивности и каузативности распределены между именной и глагольной частью соответственно.

Междометия и междометные фразеологические единицы также имеют двойственную природу. С одной стороны, они эмотивны по своей природе, с другой стороны, они функционируют в каузативной ситуации. Данные единицы относятся к экспрессивным языковым средствам, что увеличивает их эмотивный потенциал, делает их более эмоциогенными. Это позволяет нам утверждать, что исследование эмотивных каузативов должно стать важной частью лингвистики эмоций.

Библиографический список

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк : Полоцкий государственный университет, 2011. 388 с. ISBN: 978-985-531-260-5 EDN: TVEKRD
2. Апресян В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Международной конференции «Диалог 2013». Вып. 12(19). М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 43–57. EDN: HCBHIX
3. Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1. С. 26–66. EDN: UMLZVF
4. Апресян В. Ю. Валентности и модели управления у русских глаголов со значением эмоций // Výzkum slovesné valence ve slovanských zemích. Praha: Nová řada, 2016. С. 227–245. EDN: XUWRKH
5. Афанасьева А. А. Актуализация эмотивности в испанском миграционном дискурсе (на материале эмотивных каузативов и эмотивных декаузативов) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 4. С. 60–67. DOI: 10.24412/2713-0231-2021-4-60-67 EDN: VCIVCQ
6. Афанасьева А. А. Эмотивность в испанском миграционном дискурсе // Миграционная лингвистика. 2023а. № 5. С. 19–26. EDN: RHREVG
7. Афанасьева А. А. Функциональный потенциал междометий в ситуации каузации эмоциональной модификации (на материале испанского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023б. № 9(479). С. 41–50. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-41-50 EDN: RGCJAU
8. Афанасьева А. А. Междометные фразеологизмы испанского языка в аспекте межкатегорияльного взаимодействия // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10, № 1. С. 20–32. EDN: NPODLU

9. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Уральский университет, 1989. 184 с.
10. Бабенко Л. Г. Интеграция ментальных пространств в лексикографической интерпретации (на материале эмотивной лексики в идеографических словарях) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4(57). С. 67–77. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-67-77 EDN: VAKIEG
11. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург, М. : Кабинетный ученый, 2021. 432 с.
12. Бабенко Л. Г. Вербальные репрезентации сложных и комплексных эмоций: типы и когнитивные стратегии // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 708–711. EDN: XNXSBQ
13. Бабенко Л. Г. Эмоциональный интеллект как проявление ментальной интеграции в лингвокогнитивном рассмотрении (на материале лексикографических данных) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1(54). С. 109–114. EDN: DOOWRO
14. Бабина Л. В. Сложнопроизводные слова $N + V + \text{er} = N$ как средство потенциально конфликтной семантики // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1(52). С. 212–218. EDN: RWNFEZ
15. Бай Л. Категория эмотивности в философии и лингвистике // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 59–64. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-10-59-64 EDN: JNPMZE
16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
17. Баранов А. Н. Речевой акт угрозы на фоне речевых актов с близкой семантикой // Язык. Право. Общество. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 10-13 ноября 2020 года / под ред. О.В. Барабаш, Н.А. Павловой, А.В. Александровой. Пенза: Пензенский государственный университет, 2020. С. 101–105. EDN: NHBUDZ

18. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009. 176 с. ISBN: 978-5-397-00747-4 EDN: TZWWSD
19. Болдырев Н. Н. Теоретические и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24(315). С. 7–13. EDN: RGTJGR
20. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики. 1987. URL: http://iling.spb.ru/grammar/bondarko_1987.pdf (дата обращения: январь 2025).
21. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 208 с.
22. Бондарко А. В. О понятии “категориальная ситуация” // Концептуальное пространство языка. Сб. науч. тр. / под ред. проф. Кубряковой Е. С. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2005. С. 66–77.
23. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
24. Вежбицкая А. “Грусть” и “гнев” в русском языке: неуниверсальность так называемых “базовых человеческих эмоций” // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 503–526.
25. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд.-е. 2-е, доп. М.: Эдиторал УРСС, 2002. 280 с.
26. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
27. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2009. 478 с. ISBN: 978-5-17-049997-7 EDN: QXXFGB
28. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 560 с.

29. Дамман Е. А. Диахроническое изучение эмоционального спектра английской языковой личности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1(52). С. 251–258. EDN: PLBBIF
30. Десятская С. В. Понятийная связь категории интенсивности с категориями эмоциональности и экспрессивности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 220–222. EDN: YLSXSQ
31. Дискурс, текст, функциональные структуры. Монография / С. В. Шустова, А. В. Костыря, А. А. Афанасьева. Под ред. проф. Шустовой С. В. Пермь : Пермский институт экономики и финансов, 2021. 184 с. ISBN: 978-5-904417-97-0 EDN: TOXCOP
32. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113. EDN: PVNQTZ
33. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2000. 464 с.
34. Ионова С. В., Шаховский В. И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 4. С. 966–987. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987 EDN: YQDPAD
35. Карповская Н. В. Интенсивность атрибутивного признака как лингвопрагматическая категория (на материале испанского языка) // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1(61). С. 176–181.
36. Кобрин Н. А. О соотносимости вербальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 77–95.
37. Колмогорова А. В., Курилова Е. В. Моделирование когнитивно-дискурсивной категории эмоциональности в комментариях на испанском языке по теме вакцинации от Covid-19 // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1, № 1(1). С. 1–7. EDN: LWDJVV
38. Коминэ Ю. Функционально-прагматические характеристики русских междометных высказываний : автореф. ... канд. филол. наук. 1999. 22 с. EDN: MCNTIL

39. Корзун А. В. Эмотивная лингвоэкология: обоснование актуальности на примере художественного текста // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5(96). С. 361–363. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-596-361-363 EDN: VWJWAR
40. Коростова С. В. Поле эмотивности в художественном тексте: когнитивно-прагматический аспект // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 705–707. EDN: TZWSTV
41. Коростова С. В. Несобственно-прямая речь как эмотекст: прагматика // Русистика без границ. 2017. Т. 1, № 3. С. 8–13. EDN: OUUBZT
42. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд. стер. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с. ISBN: 5-9279-0047-X EDN: QRSDHN
43. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Ин-т языкознания / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 136–157.
44. Лукьянова Н. А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Коллективная монография. Ин-т языкознания / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 157–179.
45. Лукьянова Н. А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского университета. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 1(9). С. 211–215. EDN: KZMHHN
46. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 9: Филология. 2015. С. 183–200. EDN: VHLFXR
47. Норман Б. Ю. Эмоциональные смыслы синтаксических моделей? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 74–82. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-5-74-82 EDN: MQREZE

48. Никулина И. В. Эмоциональный интеллект: инструменты развития. Самара : Самарский университет, 2022. 82 с. ISBN: 978-5-7883-1778-6 EDN: JPKSFW
49. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: январь 2025).
50. Овсянникова М. А. Синтаксическое кодирование экспериенциальных ситуаций в русском языке: сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 68–93. DOI: 10.31857/S0373658X0007547-0 EDN: EMFTBM
51. Панюкова М. С. Частицы немецкого и русского языков в восклицательных предложениях // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 38–49. EDN: BOEZBP
52. Пиотровская Л. А. Теоретические основы изучения вербальных и невербальных средств выражения эмоций // Слово, словарь, словесность: социокультурные координаты: материалы Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во Сага, 2006. С. 61–65. EDN: RYANLT
53. Пиотровская Л. А. “Язык описания эмоций” и “язык выражения эмоций”: новое решение старой проблемы // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты : сборник научных трудов к юбилею Виктора Ивановича Шаховского. Волгоградский государственный педагогический университет, Научно-исследовательская лаборатория “Языки личность”, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ВолГУ. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2009. С. 74–85. EDN: RUTGON
54. Пиотровская Л. А. Эмотивность и дейксис // Избранные труды XLIII международной филологической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. С. 321–332. EDN: WZMRFN
55. Приходько А. И. Категория оценочности, эмоциональности и экспрессивности в языке // Вестник Северо-Осетинского государ-

- ственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 1. С. 176–178. EDN: NTJTSL
56. Путина О. Н. Дискурсивные маркеры *so, actually, whatever* как интенсификаторы конфликтности // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 43–49. EDN: GQFUCA
57. Путина О. Н., Сюткина Н. П. Дискурсивные маркеры как интенсификаторы вербальной агрессии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8, № 4. С. 120–129.
DOI: 10.22250/24107190_2022_8_4_120 EDN: MXQUPO
58. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 239 с.
59. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
60. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. 172 с.
61. СТС – Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: январь 2025).
62. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. Коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с. EDN: YQJODF
63. Сюткина Н. П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 54–59. EDN: XLPPAM
64. Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. Междометия и междометные фразеологические единицы в эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10, № 1. С. 94–206. EDN: VTAAZH

-
65. Сюткина Н. П. Эмотивная валентность: синтагматика и парадигматика // Евразийский гуманитарный журнал. 2024а. № 4. С. 37–42. EDN: MRARGM
66. Сюткина Н. П. Функциональный потенциал глагола улыбаться // Евразийский гуманитарный журнал. 2024б. № 3. С. 41–47. EDN: DRDILW
67. Сюткина Н. П. Эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2023 в. № 1. С. 25–32. EDN: QPMZFG
68. Сюткина Н. П. Аспекты взаимодействия категорий интенсивности и экспрессивности в каузативном категориальном семантическом комплексе // Евразийский гуманитарный журнал. 2023г. № 2. С. 55–62. EDN: DHIMCS
69. Тарасова И. А. Лингвотолерантность или экология языка? (англицизмы в профессиональной коммуникации педагога) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1(52). С. 85–91. EDN: NAZSIT
70. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Коллективная монография. Ин-т языкознания / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5–36.
71. Тихомирова Л. С., Карзенкова Е. П. Эмоция страха в социальной и коммерческой рекламе (на примере текстов г. Перми) // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 16–23. EDN: FZPPPR
72. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербско-го/хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 560 с.
73. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.
74. Храковский В. С. Две пары глаголов: радовать и радоваться, обрадовать и обрадоваться. Семантика и синтаксис // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3(25). С. 115–131. DOI: 10.31912/pvrl-2020.3.9 EDN: NURRRI

75. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. М. : Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004. 24 с.
76. Шадриков В. Д. Введение в психологию: эмоции и чувства. М. : Логос, 2002. 156 с. ISBN: 5-94010-159-3 EDN: UFOVZT
77. Шаховский В. В. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
78. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учебное пособие по дисциплинам по выбору “Язык и эмоции” и “Лингвокультурология эмоций”. Волгоград : Перемена, 2009. 170 с. ISBN: 978-5-9935-0109-3 EDN: SUHKLN
79. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М. : Либроком, 2010. 128 с. ISBN: 978-5-397-00850-1 EDN: TYXWLP
80. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с. ISBN: 978-5-906733-13-9 EDN: WXNVQJ
81. Шаховский В. И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы международной конференции. М., Ярославль : Канцлер, 2018а. С. 145–163.
82. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-когнитивной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018б. Т. 22, № 1. С. 54–79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79 EDN: YVKKK
83. Шаховский В. И. Эмоциональный интеллект в языковой игре [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_3_01.htm. (дата обращения: январь 2025).

84. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд-е 4. М.: Либроком, 2019. 206 с.
85. Шаховский В. И. Экология коммуникативной дистрибуции слова // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 369–376. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376 EDN: YKRDLP
86. Шаховский В. И. Стили эмоций в экологических коммуникативных сферах: пандемия // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2, № 1(5). С. 35–47. DOI: 10.48612/astgmu/2022-2-1-35-47 EDN: DZAZHJ
87. Шестова А. А. Категория степени интенсивности в семантике двучленных словосочетаний, обозначающих эмоции, в современном английском языке: автореф. ...канд. филол. наук. М., 2005. 26 с. EDN: NIIRVR
88. Шишимер Л. Ф. О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. С. 125–129. EDN: TTTHPI
89. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: Динамический подход. Изд. 3. М.: ЛЕНАНД, 2020. 248 с. ISBN: 978-5-9710-7226-3 EDN: VEGFRP
90. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. 3., aktualisierte und erweiterte Auflage. Stuttgart : Kröner. 2002. 783 s.
91. Goleman D. Emotional intelligence. New York : Bantam Books, 1995. 352 p.
92. Knapp M., Daly J. Handbook of interpersonal communication. London : SAGA, 2002. 842 p.
93. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, № 3. P. 197–215. DOI: 10.1207/s15327965pli1503_02
94. Ngram – Исследовательский ресурс Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: январь 2025).

95. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition, and Personality*. 1990. № 9. P. 185–211. DOI: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG
96. Sonnenhauser B. The event structure of verbs of emotion in Russian // *Russian Linguistics*, 2010. Vol. 34:3. P. 331–353. DOI: 10.1007/s11185-010-9060-9
97. Wolff S. B., Pescosolido A. T., Druskat V. U. Emotional intelligence as the basis of leadership emergence in self-managing teams // *The Leadership Quarterly*. 2002 Vol. 13. P. 505–522. DOI: 10.1016/S1048-9843(02)00141-8 EDN: DVXOPL

АРХИПОВА Ирина ВIKТОРОВНА
Новосибирский государственный
педагогический университет

НЕМЕЦКИЕ АФФИКСАЛЬНЫЕ И БЕЗАФФИКСНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ И ИХ ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ

Введение

Вопросы описания структурно-семантических и функциональных особенностей немецких девербативов различных словообразовательных моделей находят свое освещение в ряде работ современных отечественных и зарубежных исследователей [Аржанцева 2012; Архипова 2023а, 2023б, 2024; Болотова 2017, 2019; Волкова 2015; Гаджимурадова, Батманова 2023; Глушак, Балакирев, 1980; Ермакова, Зольникова 2015; Зольникова, 2015; Искандарова, 2011, 2014; Каткова 2009; Каткова, Архипова 2020; Кострова 2024; Мурясов, 1989; Маслова 1985, 2015; Мурясов, Искандарова 2019; Матасова, Уфимцева 2017; Мирошникова, Матасова 2016; Ланских 2015, 2019; Панфилова 2024].

Н. В. Аржанцева, в частности, описывает семантику девербативов немецкого, русского и английского языков [Аржанцева 2012: 944–954]. Е. В. Болотова анализирует деривационные особенности немецких отглагольных имён и их функционирование в газетном дискурсе [Болотова 2019: 108–112]. Н. Н. Зольникова и Е. Н. Ермакова описывают деривационную семантику немецких отглагольных имён, в том числе в сопоставлении с русскими [Ермакова, Зольникова 2015: 187–190; Зольникова 2015: 225–229]. И. В. Волкова определяет лингвистическую

природу отглагольных имён немецкого языка [Волкова 2015: 147–154].

З. С. Батманова и М. Г. Гаджимурадова рассматривают немецкий субстантивированный инфинитив в сопоставлении с именами действия русского языка [Гаджимурадова, Батманова 2023: 17–23]. Т. С. Глушак и В. Ф. Балакирев исследуют языковой статус отглагольных имен с суффиксом *-ung* [Глушак, Балакирев 1980].

С. В. Кондракова рассматривает субстантивированные инфинитивы как номинализации, эффективно реализующие текстосвязующую когезийно-когерентную функцию, указывая на то, что реализация этих имён обусловлена их частеречным статусом и валентностью и проявляется контактно в предложениях и дистантно в тексте [Кондракова 2022: 88–90]. Ю. В. Ланских рассматривает вопрос эволюции форм и синтаксических функций немецкого субстантивированного инфинитива на материале памятников письменности, литературы в диахроническом аспекте [Ланских 2015: 289–300; 2019: 85–89].

О. А. Кострова анализирует этнокультурную специфичность немецкого субстантивированного инфинитива в когнитивно-прагматическом русле [Кострова 2024: 258–261]. Г. Р. Искандарова среди имён действия выделяет наиболее продуктивные словообразовательные модели [Искандарова 2011: 244–250]. По её мнению, отглагольные образования на *-(e)n* (как и имена на *-ung*) представляют собой «чистые номинализации», «что означает изменение синтаксической категории (глагол → имя существительное) при одновременном сохранении семантической репрезентации глагола» [Искандарова 2011: 247]. Р. З. Мурясов и Г. Р. Искандарова проводят анализ сложнопроизводных субстантивированных инфинитивов

(многочленных детерминативных именных композитов), функционирующих в текстах новостных рассылок [Мурясов, Искандарова 2019: 308–312].

Н. А. Маслова исследует процессуальные композиты-номинализации немецкого языка в сопоставительном аспекте [Маслова 2015: 66–73]. Исследователь определяет функциональное назначение девербальной номинализации, суть которого состоит в том, что «изначально призначное, несубстанциональное лексическое значение преобразуется в предметное, субстанциональное значение с соответствующими последствиями для синтаксического функционирования слов, являющихся продуктами номинализации» [там же: 66–67]. Исследователи Е. Н. Каткова и И. В. Архипова рассматривают немецкие девербативы, в том числе имена на *-en* в деривационном, семантическом, функционально-семантическом и переводческом аспектах [Каткова 2009: 28–32; Каткова, Архипова 2020: 38–42].

Работы некоторых зарубежных лингвистов посвящены описанию семантико-синтаксических характеристик имен на *-ung* [Alexiadou 2010; Ehrich, Rapp 2000; Esau 1973; Hartmann 2013, 2016; Cate 1979, 1985; Fabregas, Marin 2012; Kastovsky 1981; Knobloch 2002; Römer 1987; Rosdeutscher, Kamp 2010; Sommerfeldt 1969; Schippan 1967, 1968; Ullmer-Erich 1976; Wolf 2007].

Основная часть

Часть 1. Немецкие аффиксальные девербативы и их таксисные функции

В фокусе настоящего исследования находятся немецкие девербативные имена существительных деривационных моделей на *-en*, *-ung*, *-t* и *-e* и безаффиксные имена, реализующие

свои таксисные функции в высказываниях с различными предложениями обстоятельственной семантики.

Материалом исследования послужили высказывания с аффиксальными девербативами с предложениями, полученные методом сплошной выборки из базы данных Лейпцигского национального корпуса немецкого языка (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDS)¹.

В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный и трансформационный методы, а также элементы компонентного и дистрибутивного анализа.

Таксисные функции имен на –en

Немецкие девербативы на –en наследуют лексическую и аспектуальную семантику производящих их глаголов в максимальной степени. Сохраняя глагольную семантику, они имеют статус девербативов с абсолютными таксисными функциями. К таким именам мы относим стательные, процессуальные, акциональные и событийные девербативы. Стательные имена являются образованиями стательных глаголов и характеризуются семами дуративности (длительности) и имперфективности (непредельности) (см. *das Stehen, das Sitzen, das Liegen* и др.).

Девербативам, обозначающим дуративные или трансформативные процессы и являющимся производными глаголов процессуальной семантики, свойственны семы имперфективности / перфективности и дуративности / недуративности (см. *das Schlafen, das Einschlafen, das Erwachen, das Nachdenken, das Beobachten, das*

¹ Здесь и далее примеры приводятся: LC – <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de>; DWDS – <https://www.dwds.de/>

Betrachten, das Schweigen, das Schauen, das Zuschauen, das Sehen, das Zusehen, das Hören, das Zuhören и др.). Акциональные девербативы могут быть образованиями перфективных или неперфективных глаголов, сохраняя их аспектуальные характеристики недуративности или дуративности (см. *das Gehen, das Kommen, das Fahren, das Laufen, das Reiten* и др.). Событийные девербативы являются производными событийных глаголов результитивной / моментативной семантики (см. *das Erscheinen, das Eintreffen* и др.).

Диагностическими маркерами вербальности таких имен выступает их семантическая избирательность, то есть употребление с именами прилагательными с семами, обозначающими характер протекания и его «распределение во времени» (дуративность, недуративность или кратковременность и др.), а также обстоятельственная функция времени, условия, цели, причины и др., например,

(1) *Bei genauerem Nachdenken* aber hat er recht (LC).

(2) *Nach langem Schweigen* sorgte Luke Mockridge mit seinem Statement am Wochenende nicht nur auf Instagram für viel Wirbel (LC).

В приведенных выше высказываниях процессуальные девербативы *das Nachdenken* и *das Schweigen* употреблены с качественным и дуративным атрибутами *genauer* и *lang* в функции обстоятельства условия (см. пример 1) и времени (см. пример 2).

Девербативы с максимальной степенью вербальности и таксисности являются ревербализуемыми, поскольку они трансформируются в производящие их глаголы аналогичной лексической семантики. В сочетании с предлогами темпоральной и другой обстоятельственной семантики *während, bei, in,*

durch, mit, nach, vor, seit, bis и др. они способны к трансформации в соответствующие виды придаточных предложений с синонимичными союзами *als, wenn, nachdem, seitdem, bevor, wobei, indem* и др., например:

(3) *Beim Schlafen* sind wir froh ... (LC). → *Wenn wir schlafen*, sind wir froh ...

(4) ... und *beim Zuhören* vergaß ich vollkommen, dass die Kameras liefen (LC). → ... *als ich zuhörte*, vergaß ich vollkommen, dass die Kameras liefen.

(5) Sogar *beim Sprechen* geriet er ausser Atem (LC). → *Sogar als er sprach*, geriet er ausser Atem.

(6) *Beim Schreiben* habe ich feste Rituale (LC). → *Wenn ich schreibe*, habe ich feste Rituale.

(7) Doch Conor feuert *im Sitzen* noch eine letzte Attacke in Richtung Poirier (LC). → Doch Conor feuert, *wenn er sitzt*, noch eine letzte Attacke in Richtung Poirier.

(8) Das Publikum applaudiert *im Stehen* (LC). → Das Publikum applaudiert, *wenn es steht*.

(9) *Beim Lesen* senkt sich die Herzfrequenz ... (LC). → *Wenn man liest*, senkt sich die Herzfrequenz ...

(10) *Beim Beobachten der Großaufnahmen und Details in diesem Film* gerät man unwillkürlich in die Lebensphase vor dem Erwerb von Sprache (DWDS). → *Wenn man die Großaufnahmen und Details in diesem Film beobachtet*, gerät man unwillkürlich in die Lebensphase vor dem Erwerb von Sprache.

(11) *Nach Erwachen aus dem Koma* habe sie neu laufen gelernt ... (LC). → *Nachdem ich aus dem Koma erwacht hatte*, habe sie neu laufen gelernt ...

(12) *Vor dem Eintreffen der Polizeikräfte* war die Lage völlig ruhig (DWDS). → *Bevor die Polizeikräfte eintrafen*, war die Lage völlig ruhig.

(13) *Nach dem Erwachen des sechsten Bandes* ist die Textausgabe von Borchardts Einzelbriefen jetzt komplett (DWDS). → *Nachdem das sechste Band erschienen ist*, ist die Textaufgabe von Borchardts Einzelbriefen jetzt komplett.

(14) «Wir nennen es tanzen», sprach er *mit Lachen* (DWDS). → «Wir nennen es tanzen», sprach er, *wobei er lachte*.

(15) *Durch Zuhören* verstehen wir, bilden unsere Meinungen und Werte (LC). → *Indem wir zuhören*, verstehen wir, bilden unsere Meinungen und Werte.

В приведенных выше примерах употребляются процессуальные, статальные, акциональные и событийные девербативы *das Schlafen, das Zuhören, das Sprechen, das Schreiben, das Erwachen, das Sitzen, das Stehen, das Lesen, das Eintreffen, das Beobachten, das Erscheinen*. Они являются именами с абсолютными таксисными функциями. В сочетании с темпоральными предлогами *bei, in, nach, vor* они трансформируются во временные придаточные с союзами *als, wenn, bevor, nachdem* (см. примеры 3–13). Употребляясь с модальным предлогом *mit* и медиальным предлогом *durch* (см. предложно-девербативные конструкции *mit Lachen* и *durch Zuhören* в высказываниях 14–15) трансформируются в другие обстоятельственные придаточные – образа действия и инструментальное (медиальное). Трансформационный тест диагностирует вербальность (вербогенность), ревербализуемость (способность к обратной трансформации) и таксисность (способность к таксисной актуализации употребляемых девербативов). Они в максимальной степени сохраняют

вербальную семантику производящих глаголов и таксисную семантику.

При сочетании с предлогами темпоральной семантики *bei, in, nach, vor* девербативы участвуют в актуализации таксисных значений одновременности (см. примеры 3–10), следования (см. примеры 11, 13) и предшествования (см. пример 12). При этом они выполняют соответствующую таксисную функцию – функцию актуализации примарного таксиса одновременности, следования и предшествования.

При употреблении модального и медиального предлогов *mit* и *durch* девербативы *das Lachen* и *das Zuhören* актуализируют модально-таксисное и медиально-таксисное значения одновременности. Они являются партиципантами процесса актуализации значений секундарного таксиса одновременности – модального, медиального и др.

Таксисные функции имен на –ung

Немецкие девербативы на –ung отличаются от имен на –en некоторыми аспектуальными особенностями, обусловленными их деривационной семантикой. Они могут быть образованиями предельных (перфективных) и непредельных (имперфективных) глаголов. В последнем случае они могут «перфективировать» непредельные глаголы или «итерировать» непредельные глаголы, например, *betrachten – die Betrachtungen, beobachten – die Beobachtungen, beschreiben – die Beschreibungen, besprechen – die Besprechungen* и другие). При итерации имперфективных глаголов словообразовательно-итеративные имена акциональной и процессуальной семантики выполняют функцию актуализаторов итеративно-примарного или итеративного-

секундарного таксиса одновременности или разновременности, например,

(16) *Trotz lebhafter Beschreibungen* wirken beide mehr wie Ideen, nicht wie greifbare Personen (LC).

(17) *Nach mehreren Besprechungen mit seinen Kollegen* schickte der Unparteiische die beiden Teams schließlich wieder zurück in die Kabinen (LC).

(18) Natürlich hat er *bei seinen Betrachtungen* die fränkische Brille auf (LC).

(19) Deshalb bittet die Polizei um Anruf *bei verdächtigen Beobachtungen* (LC).

В высказывании (16) девербатив *die Beschreibungen* с concessивным предлогом *trotz* выполняет функцию актуализации concessивно-итеративно-таксисного значения одновременности, носящего секундарный (второстепенный) характер. В примерах (17–19) деривационно-итеративные девербативы *die Besprechungen*, *die Betrachtungen*, *die Beobachtungen* актуализируют итеративно-примарно-таксисные значения следования (см. пример 17 с предлогом *nach*) и одновременности (см. примеры 18–19 с предлогом *bei*).

Событийные девербативы на *-ung* могут выступать в качестве таксисных партиципантов, хотя диагностический тест показывает, что они могут быть трансформированы (но не ревербализованы), в частности, при привлечении некоторых дополнительных глаголов событийной семантики *stattfinden*, *erfolgen* и других, например,

(20) *Bei der Vernehmung* hat der Mann seinen skrupellosen Plan gestanden (LC). → Als die *Vernehmung stattfand/erfolgte*, hat der Mann seinen skrupellosen Plan gestanden.

(21) Biden und Putin waren *während der Unterredung*, die sich bis in den Abend zog, um Distanz bemüht (LC). → Biden und Putin waren, *während die Unterredung*, die sich bis in den Abend zog, *stattfand/erfolgte*, um Distanz bemüht.

В приведенных выше примерах событийные девербативы *die Vernehmung* и *die Unterredung* с темпоральными предложениями *bei*, *während* выполняют функцию актуализаторов значений примарного таксиса одновременности.

Процессуальные девербативы на *-ung* реализуют секундарно-таксисные функции одновременности в следующих высказываниях:

(22) *In Erwartung eines verstärkten Andrangs* war das Bürgerservice in der Landeshauptstadt bereits im Frühjahr aufgerüstet worden (LC).

(23) Deshalb und *wegen der Erwartung anhaltend positiver Trends* hob das Management seine Jahresziele an (LC).

(24) *Mit Jubel und Begeisterung* haben Anhänger von Julian Assange auf die Gerichtsentscheidung reagiert (LC).

Процессуальные имена *die Erwartung* и *die Begeisterung* в сочетании с предложениями *in*, *mit* в модальном значении и каузальным предлогом *wegen* актуализируют модально-таксисное и каузально-таксисное значения одновременности. Их ревербализация возможна при сохранении аргументной структуры производящего глагола, в том числе при употреблении постпозитивных атрибутов (см. следующую трансформацию в примере 22: *In Erwartung eines verstärkten Andrangs* war das Bürgerservice in der Landeshauptstadt bereits im Frühjahr aufgerüstet worden (LC). → Das Bürgerservice war in der Landeshauptstadt bereits im Frühjahr aufgerüstet worden, *wobei ein*

verstärkter Andrang erwartet wurde). Процессуальный девербатив *die Begeisterung* в силу опредмеченной семантики является «ограничительно-ревербализуемым», поскольку он не сохраняет аргументные характеристики глагола *sich begeistern für jmd.* Akk. (см. пример 24).

Таксисные функции имен на –е и –t

Акциональные девербативы на –е и –t реализуют функцию актуализаторов значений примарного таксиса одновременности, предшествования или следования при употреблении с предлогами темпоральной семантики *bei, während, nach, vor, seit, bis* (*die Abfahrt, die Abreise, die Anreise, die Ankunft* и др.), например,

(25) *Bei der Anreise per Fähre sind die Angaben widersprüchlich* (LC).

(26) *Vor der Abreise nach Skopje* hat der Bundestrainer Nationalstürmer Timo Werner auch vor der Mannschaft noch einmal explizit bestärkt (LC).

(27) *Bis zur Ankunft des Zuges am Hauptbahnhof Halle* wurde der Mann von Mitreisenden festgehalten (LC).

(28) *Nach Abreise der Testpersonen* stand fest, dass das Experiment hinsichtlich der Infektionslage durchaus kontrollierbar war (LC).

(29) *Seit seiner Ankunft* sei die Stimmung blendend, vor allem bei Freund und Teamkollegen Filip Kostic (LC).

В высказывании (25) девербатив *die Anreise* с темпоральным предлогом *bei* выполняет функцию актуализатора примарного таксиса одновременности. В примерах (26–29) с акциональными девербативами *die Abreise* и *die Ankunft*, являющимися производными перфективных префиксальных глаголов *abreisen* и

ankommen, участвуют в актуализации примарно-таксисных значений предшествования (см. высказывания 26–27 с темпоральными предлогами *vor* и *bis*) и следования (см. высказывания 28–29 с предлогами темпоральной семантики *nach* и *seit*).

Итак, немецкие аффиксальные девербативы на *-en*, *-ung*, *-t*, *-e* наследуют вербальную и таксисную семантику производящих их глаголов, что позволяет им реализовывать их таксисные функции и стать партиципантами процесса актуализации примарно-таксисных и секундарно-таксисных значений одновременности, предшествования или следования при условии употребления с темпоральными и другими обстоятельными предлогами. Характерное для девербативов свойство ревербализуемости делает возможным их обратную трансформацию в соответствующие производящие глаголы тождественной семантики. Девербативы в сочетании с предлогами трансформируются в придаточные предложения с союзами аналогичной семантики. «Тестирование» девербативов на «ревербализацию» подтверждает их таксисные потенции, реализуемые как таксисные функции в условиях определенного контекстуального окружения.

Часть 2. Немецкие безаффиксные девербативы и их таксисные функции

В качестве безаффиксных девербативов немецкого языка, способных к таксисной актуализации, рассматриваются имена, образованные от различных акциональных глаголов.

Девербативы могут обозначать однократное завершённое действие как отдельный акт («одноактные» имена *der Blick*, *der*

Anblick, der Kauf, der Ankauf, der Abkauf, der Aufkauf, der Verkauf, der Erwerb, der Wurf, der Rauswurf, der Ruf, der Wiederuf, der Verweis, der Verschub, der Abpfiff, der Abpfiff, der Vorwurf, der Sprung, der Aufsprung, der Tritt, der Schritt и др.) или результативное / моментативное действие как некоторый факт или событие («моментативные» имена *der Fortzug, der Rückzug, der Wegzug, die Rückkehr, die Heimkehr, der Abzug, der Abschied, der Einzug, der Auszug, der Umzug, die Abfuhr, die Einfuhr, die Ausfuhr, der Weggang, der Fortgang, der Eintritt, der Rücktritt, der Austritt, der Besuch, der Angriff, der Übergriff, der Überfall, der Wegfall, der Austieg, der Einstieg, der Umstieg, der Abbau, der Umbau* и др.).

Среди имен с семантикой действия-акта особо следует выделить имена, образованные от аблаутных форм глагола (имена *der Griff, der Wurf, der Sprung, der Aufsprung, der Tritt, der Schritt* и др.). В процессе деривации они получают «опредмеченные» значения результата действия и могут переходить в группу предметных имен существительных.

Немецкие безаффиксные девербативы наследуют глагольную семантику и характеризуются, как правило, теми же аспектуальными признаками, что и производящие их глаголы, в частности, перфективностью и результативностью (ср. перфективный префиксальный глагол *einziehen* и девербатив *der Einzug*, характеризующийся семой перфективности), например,

(30) *Noch vor dem Einzug in Kanzleramt und Ministerien brachte die Ampel-Koalition ihr inzwischen zweites Corona-Gesetz in den Bundestag ein* (LC).

В высказывании (30) акциональный девербатив *der Einzug* характеризуется аспектуальной семантикой перфективности / результативности, унаследованной им от производящего

глагола, и в сочетании с темпоральным предлогом *vor* он актуализирует таксисное значение предшествования.

Все вышеперечисленные акциональные девербативы в различной степени сохраняют семантику производящих их глаголов.

Максимальной степенью вербальности и таксисности обладают так называемые *моментативные имена* с аспектуальной семантикой перфективности / результативности (имена *der Fortzug, der Rückzug, der Wegzug, die Rückkehr, die Heimkehr, der Abschied, der Einzug, der Auszug, der Umzug, der Abzug, die Abfuhr, der Weggang, der Fortgang, der Wegfall, der Abbau, der Umbau, der Ausstieg, der Einstieg, der Umstieg, die Einfuhr, die Ausfuhr* и др.).

Данные имена участвуют в процессе таксисной актуализации, выполняя, как правило, функцию примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования.

Примарно-таксисные категориальные значения являются собственно таксисными или хронологическими значениями одновременности и разновременности и реализуются в высказываниях с темпоральными предлогами *bei, während, seit, nach, vor, bis*.

Эти предлоги маркируют определенный вариант примарно-таксисных значений. Предлоги *bei, während* выступают в роли маркеров примарно-таксисных значений одновременности, а предлоги *seit, nach, bis, vor* маркируют примарно-таксисные значения следования (контактного / дистантного) и предшествования (контактного / дистантного).

В следующих высказываниях посредством акциональных девербативов с темпоральными предлогами *bei, mit* (имена *die Einfuhr, der Ankauf, der Auszug, der Einstieg, der Umzug, der*

Wegfall) актуализованы примарно-таксисные значения одновременности:

(31) Der Münchner Zoll verdächtigt eine Firma der Steuerhinterziehung in Millionenhöhe *bei der Einfuhr von Handys* (LC).

(32) Auch *beim Ankauf von Mooren* sind die Erfolge extrem gering (LC).

(33) *Beim Auszug* wird der Kredit sozusagen mit dem Haus zurückgezahlt (LC).

(34) Schon *beim Einstieg* habe ein Bahnmitarbeiter den polizeilich bekannten Mann auf die Maskenpflicht hingewiesen (LC).

(35) Einrichtung erhält *mit dem Umzug an den Steinweg* einen neuen Namen (LC).

(36) *Mit dem Wegfall vieler Corona-Auflagen* kaufen die Kunden weniger im Internet- und Versandhandel (LC).

В высказываниях (37–43) с темпоральными предложениями *nach* и *seit* акциональные девербативы *der Wegzug, der Rückzug, der Ausstieg, der Abschied, der Abzug, der Wegfall, der Erwerb* реализуют примарно-таксисные значения дистантного и контактного следования:

(37) Rumänien z. B. meldet die Versicherten *nach ihrem Wegzug* bei der Krankenkasse einfach ab (LC).

(38) Berrettini war *nach dem Rückzug* kampflos ins Viertelfinale eingezogen (LC).

(39) *Nach ihrem Ausstieg aus der Königsfamilie* bauen sich und Prinz Harry langsam, aber sicher ein eigenes Imperium auf (LC).

(40) *Zweieinhalb Jahre nach seinem Abschied aus Leipzig* drängt es Rangnick offenbar zurück auf die Trainerbank (LC).

(41) *Seit dem Abzug der internationalen Truppen in Afghanistan* nimmt die radikal-islamische Taliban weite Teile des Landes ein (LC).

(42) *Seit dem Wegfall der Impf-Priorisierung* hat der Ansturm auf die Corona-Schutzimpfungen noch mal zugenommen (LC).

(43) Bayer hat *seit dem Erwerb* Milliarden an Börsenwert eingebüßt (LC).

В высказываниях (37–39) в функции актуализаторов примарно-таксисных значений строгого следования выступают акциональные девербативы с темпоральным предлогом *nach* (имена *der Wegzug, der Rückzug, der Ausstieg*).

В примере (40) дополнительным индикатором дистантного следования является аспектуальный адverbial *zweieinhalb Jahre*, выступающий в функции темпорального делимитатора и указывающий на определенную «временную дистанцию» глагольного действия, следующего за действием девербатива.

В примерах (41–43) акциональные девербативы *der Abzug, der Wegfall, der Erwerb* являются партиципантами процесса актуализации примарно-таксисных категориальных значений контактного следования.

В следующих высказываниях с акциональными именами *der Auszug, der Anpfiff, der Kauf, der Abschied, der Abpfiff* в сочетании с темпоральными предлогами *bis, vor* актуализованы примарно-таксисные значения контактного и дистантного предшествования:

(44) Diesen Posten behielt sie *bis zum Auszug des Republikaners aus dem Weißen Haus* im Jänner dieses Jahres (LC).

(45) *Vor dem Anpfiff* wird eine Polizistin bei einer Fahrzeugkontrolle verletzt (LC).

(46) *Vor dem Kauf eines neuen Sitzes* bieten die Tests Eltern in der Flut an Angeboten eine praktische Hilfe (LC).

(47) *Kurz vor dem Einzug ins Halbfinale* schied Liliana aus dem Wettbewerb aus (LC).

(48) *Kurz vor ihrem Abschied aus der ersten Reihe der Politik* unterstreicht eine Umfrage noch einmal die Ausnahmestellung von Angela Merkel (LC).

(49) *Sechs Minuten vor dem Abpfiff* erzielte Kinderhaus den Ausgleich (LC).

В примере (44) с девербативом *der Abzug*, выступающим в качестве таксисного актуализатора, темпоральный предлог *bis* маркирует таксисные отношения контактного предшествования.

В высказываниях (45–49) роль таксисных актуализаторов берут на себя девербативы *der Anpfiff*, *der Kauf*, *der Abschied*, *der Abpfif*, а функцию таксисного маркера дистантного предшествования выполняет предлог *vor*.

В функции временных делимитаторов, эксплицирующих четкую отграниченность «индивидуальных внутренних времен» соотносимых между собой действий девербативов и глаголов, выступают аспектуальные адвербиалы *kurz* и *sechs Minuten* (см. примеры 47–49).

Таксисный потенциал девербативов достаточно вариативен. Помимо примарно-таксисных значений одновременности / разновременности они могут выступать в роли актуализаторов секундарно-таксисных категориальных значений одновременноности – инструментально-таксисных, медиально-таксисных, финально-таксисных, модально-таксисных и кондиционально-таксисных, например,

(50) *Durch den Ankauf eines Hauses in der Bahnhofstraße und dem Umbau dieses Objektes* entstand ein Betrieb, der alsbald zu den führenden Fachgeschäften des Waldviertels gehörte (LC).

(51) *Denn durch den Auszug aus der jetzigen Rettungswache an der Hermannstraße* wird im Gebäude dort viel Platz frei (LC).

(52) Unsere Fähigkeit die Region zu durchleuchten wird jetzt *durch den Abzug* reduziert (LC).

(53) *Durch den Wegfall der rot-grün-roten Option* hat sich die strategische Situation stark vereinfacht (LC).

(54) *Mit dem Abbau* reagiert Siemens Energy auch auf den Wandel im Energiemarkt hin zu erneuerbaren Energien (LC).

(55) *Für den Ankauf dieser Stoffe* war österreichisches Steuergeld aufgewendet worden (LC).

(56) «Man werte noch aus», sagt Ebert *mit Verweis auf eine Untersuchung bei vielen Unternehmen* (LC).

(57) Bislang wirdritisches Fleisch *nur bei der Ausfuhr in die Europäische Union* kontrolliert (LC).

В примерах (50–53) с предложом *durch* в инструментальном значении акциональные имена *der Ankauf, der Umbau, der Auszug, der Abzug, der Wegfall* реализуют инструментально-таксисные значения одновременности. В высказывании (54) с предложом *mit* в медиальном значении девербатив *der Abbau* выступает в функции актуализатора медиально-таксисного значения одновременности. В примере (55) с финальным предложом *für* девербатив *der Ankauf* выполняет роль финально-таксисного актуализатора. В высказывании (56) с помощью девербатива *der Verweis* с предложом *mit* в модальном значении выражено модально-таксисное значение одновременности. В примере (57) акциональный девербатив *die Ausfuhr*

с предложом *bei* в кондициональном значении становится парципantom процесса кондиционально-таксисной актуализации. Дополнительным экспликатом семантики условия в данном высказывании является наречие *nur* (см. *nur bei der Ausfuhr in die Europäische Union*).

Кроме того, безаффиксные акциональные девербативы могут актуализовывать сопряженные фазово-примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования, например,

(58) Bei einem letzten Heist *beginnt* die Jagd *nach dem perfekten Abschied* (LC).

(59) *Nach dem Auszug der Sekte* haben die neuen Besitzer im Haus Constanze mit der Sanierung *begonnen* (LC).

(60) *Mit dem Rückzug von Angela Merkel aus dem Kanzleramt* *beginnt* eine neue Ära in den deutsch-türkischen Beziehungen (LC).

(61) Am Freitag *begann* Russland dann nach eigenen Angaben *mit dem Abzug der Soldaten aus den Grenzgebieten* (LC).

(62) *Mit dem offiziellen Abschied* geht eine wochenlange Hängepartie *endlich zu Ende* (LC).

(63) *Mit diesem Widerruf* *endet* die Handlungsmacht des Bevollmächtigten (LC).

(64) *Bis zum Einstieg in den Klettersteig* dauert es circa eine halbe bis dreiviertel Stunde (LC).

(65) *Nach der Abfuhr aus Gent* setzt Wiesbaden *weiter auf Austausch* (LC).

В примерах (58–61) с предложениями *nach* и *mit* реализованы ингрессивно-фазово-примарно-таксисные значения дистантного следования и одновременности. Индикатором и детерминантом

ингрессивно-фазовой семантики является фазовый глагол *beginnen*.

В примерах (62–63) с предлогом *mit* девербативы *der Abschied* и *der Widerruf* актуализуют эгрессивно-фазово-примарно-таксисные значения одновременности. В высказываниях (64–65) девербативы *der Einstieg* и *die Abfuhr* выполняют функцию срединно-фазово-примарно-таксисного значения контактного предшествования и дистантного следования. Детерминантами соответствующих фазовых значений являются фазовые глаголы *enden* и *dauern*, аналитическая глагольная конструкция *zu Ende gehen* и наречия с фазовой семантикой *endlich*, *weiter*.

В высказываниях, содержащих итеративные адverbials и атрибуты, безаффиксные акциональные девербативы становятся участниками актуализации сопряженных итеративно-примарно-таксисных категориальных значений, например,

(66) *Manchmal* werden Nebenkosten erst mehrere Monate *nach dem Auszug aus der Wohnung* abgerechnet (LC).

(67) *Nach Abzug der Gewitterzelle* kommt gegen Abend stellenweise sogar *wieder* die Sonne durch, wie etwa in Klagenfurt (LC).

(68) *Nach dem Umstieg* ist die Zufriedenheit mit den Fahreigenschaften von E-Autos *zumeist* aber groß (LC).

(69) Die AfD verhöhnt *seit ihrem Einzug in die Parlamente* alles und *jeden* (LC).

(70) *Seit dem Abzug der ausländischen Soldaten aus Afghanistan* war die latente Angst *immer* da (LC).

(71) *Beim Abschied von ihrem Großvater auf Schloss Windsor* näherten sich die beiden scheinbar *wieder* etwas an (LC).

(72) *Bei jedem Umzug* werde das Wasser abgepumpt und durch frisches ersetzt (LC).

В примерах (66–68) с помощью девербативов *der Auszug, der Abzug, der Umstieg* выражены итеративно-примарно-таксисные значения дистантного следования. В высказываниях (69–70) девербативы *der Einzug, der Abzug* реализуют итеративно-примарно-таксисные значения контактного следования. В примерах (71–72) девербативы *der Abschied* и *der Umzug* актуализируют итеративно-примарно-таксисные значения одновременности. Индикаторами итеративности и детерминантами итеративно-таксисных значений являются адвербиалы *manchmal, wieder, zumeist, immer* и атрибуты *jeder*.

Рассматриваемые безаффиксные имена, употребляемые в форме множественного числа, могут обозначать некоторые неоднократно повторяющиеся действия (*die Angriffe, die Besuche, die Übergriffe, die Überfälle, die Käufe, die Ankäufe, die Rufe, der Vorwürfe* и др.). Они характеризуются деривационной итеративностью и принимают участие в актуализации итеративно-таксисных значений одновременности и разновременности.

(73) *Bei den Ankäufen* steht die Einweisung in drei Kategorien der Vorratshaltung offen (DWDS).

(74) *Bei den Besuchen bei meinen Großeltern* als kleines Kind war das Labyrinth aus Gassen ein Spielplatz für mich und meine Cousins (DWDS).

(75) *Nach den Überfällen einer Gruppe von Skinheads* am vergangenen Wochenende auf S-Bahn-Fahrgäste hat der Bundesgrenzschutz (BGS) seine Kontrollen verstärkt (DWDS).

(76) Laut Bloomberg war es der 14. vereitelte Anschlag *seit den Angriffen* vom 11. September 2001 (DWDS).

В примерах (73–74) деривационно-итеративные deverбативы *die Ankäufe* и *die Besuche* реализуют итеративно-примарно-таксисные значения одновременности. В примерах (75–76) словообразовательно-итеративные имена *die Überfälle*, *die Angriffe* актуализируют итеративно-примарно-таксисные значения дистантного следования и контактного следования. Вышеназванные deverбативы являются детерминантами сопряженных итеративно-таксисных значений.

Безаффиксные deverбативы, образованные от аблаутных форм производящих глаголов (ср.: *der Griff* ← *greifen*, *der Sprung* ← *springen*, *der Schritt* ← *schreiten*, *der Tritt* ← *treten*, *der Wurf* ← *werfen*), характеризуются наименьшим количеством глагольных признаков и тенденцией к развитию неакциональных значений «опредмеченного действия».

В процессе деривации данные имена «обрастают» «опредмеченными» значениями результата действия и теряют свойства вербальности и таксисности. Они «переходят» из группы имен действия (*nomina actionis*) в группу «опредмеченных» имен со значением результата действия (*nomina acti*), далее – в группу имен существительных конкретно-предметной семантики. В последнем случае они не обладают глагольностью и способностью к актуализации таксисных значений. Кроме того, данные имена могут употребляться в переносном метонимическом значении (см. примеры 77–79), что также «лишает» их возможности участвовать в таксисной актуализации, ср.:

(77) *Durch den Schritt* wurden die Chancen für eine gewünschte einstimmige Entscheidung gewahrt (DWDS).

(78) *Mit einem Sprung* war er an der Tür ... (DWDS).

(79) Aus Marianne Rosenberg wird *mit einem Griff* Madame Butterfly ... (DWDS).

В приведенных ниже высказываниях с темпоральными предлогами *bei, nach, bis* девербативы *der Wurf, der Sprung, der Schritt, der Tritt, der Griff* сохранили акциональные значения, что позволило им реализовать свой таксисный потенциал. Они явились актуализаторами примарно-таксисных значений следования (дистантного), предшествования (контактного) и одновременности, а также сопряженных итеративно-примарно-таксисных значений одновременности. Детерминантом семантики итеративности в высказываниях (86–87) выступает итеративный атрибут *jeder*. Ср.:

(80) *Nach dem Wurf von zwei Brandsätzen in ein geparktes Auto* prüft der Staatsschutz der Duisburger Kriminalpolizei, ob die Tat einen rassistischen Hintergrund hat (LC).

(81) *Nach dem Sprung von Daniel Huber* war dann klar, dass Geiger seine dritte Medaille bei diesen Titelkämpfen sicher hatte (LC).

(82) *Bis zum letzten Sprung* präsentierte sich der Toggenburger in beiden Läufen in guter Form (LC).

(83) *Beim Sprung in den Oberarmhang* sind die Arme zu stark gebeugt (DWDS).

(84) *Bei dem Wurf mit dem Gullydeckel durch die Fensterscheibe* entstand erheblicher Sachschaden (LC).

(85) *Bei einem Griff an ihr Haupt* stellte die Polizistin dann fest, dass sie blutete (LC).

(86) Der Schnee knirscht *bei jedem Schritt* unter den Schuhen (LC).

(87) *Bei jedem Tritt* knarrten die Dielen (DWDS).

В следующих высказываниях девербатив *der Griff* употреблен в конкретно-предметном значении и, соответственно, он не способен к таксисной актуализации:

(88) Da der junge Mann der Aufforderung nicht unverzüglich nachkam, zückte einer der unbekannten Männer ein Klappmesser *mit schwarzem Griff* und bedrohte den Jungen (LC).

(89) Die besten Werfer verwenden nur Geräte *mit einem Griff* (LC).

Заключение

Таким образом, безаффиксные девербативы немецкого языка, как правило, сохраняют акциональную семантику производящих их глаголов, а вместе с ней присущее глаголам свойство таксисности, то есть способности участвовать в актуализации различных таксисных значений одновременности и разновременности.

Таксисный потенциал рассмотренных нами девербативов достаточно разнообразен и вариативен. При сочетании с темпоральными предлогами данные имена выступают в функции актуализаторов примарно-таксисных одновременности, предшествования, следования, а при употреблении с предлогами инструментальной, медиальной, финальной и др. семантики они реализуют секундарно-таксисные значения одновременности.

Деривационно-итеративные безаффиксные девербативы способны к актуализации итеративно-таксисных значений. В высказываниях с различными фазовыми индикаторами рассмотренные имена становятся партиципантами фазово-таксисных значений. Некоторые акциональные имена в процессе деривации получают «опредмеченные» значения результата действия, переходя в группу *nomina acti*. При переходе в класс предметных имен существительных данные девербативы теряют свою акциональность и таксисность.

Библиографический список

1. Аржанцева Н. В. Семантика отглагольных существительных как основа их классификации (на материале английского, немецкого и русского языков) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного университета. 2012. № 81. С. 944–954. EDN: PETIRL
2. Архипова И. В. Немецкие аффиксальные девербативы и их таксисные функции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023а. Т. 45. № 6. С. 45–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.939 EDN: LWOYAC
3. Архипова И. В. Немецкие безаффиксные девербативы: семантический и таксисный потенциал // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023б. № 3(30). С. 80–84. EDN: CDEHJQ
4. Архипова И. В. Немецкие субстантивированные инфинитивы и их таксисные характеристики: функционально-семантический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 4. С. 28–36. EDN: FTYLYY
5. Болотова Е. В. Аспектуальная специфика девербативных агентов в немецком языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 38. С. 85–88. EDN: YUQTTT
6. Болотова Е. В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4, № 1. С. 108–112. EDN: VWTOMM
7. Волкова И. В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 34. С. 147–154. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-147-154 EDN: ULKXZZ
8. Гаджимурадова М. Г., Батманова З. С. Соотношение субстантивированного инфинитива и других имен действия в немецком языке с именами действия в русском языке // Университетские чтения – 2023: Материалы региональной межвузовской научно-практической

- конференции. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. С. 17–23. EDN: YQUHIP
9. Глушак Т. С., Балакирев В. Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом -ung) // Иностранные языки в школе. 1980. № 5. С. 17–22.
 10. Ермакова Е. Н., Зольникова Н. Н. Отглагольные существительные в русском и немецком языках: словообразовательный аспект // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований: материалы V международной научно-практической конференции. Тобольск: Create Space, 2015. С. 187–190. EDN: TXFORV
 11. Зольникова Н. Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229. EDN: VCFXJJ
 12. Искандарова Г. Р. О двух продуктивных словообразовательных моделях имен действия в современном немецком языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 244–250. EDN: NQWMQF
 13. Искандарова Г. Р. К вопросу о категории *nomina actionis* в лингвистике // Наука и современность. 2014. № 30. С. 178–182. EDN: SFBAZP
 14. Каткова Е. Н. Способы передачи на русский язык немецких отглагольных существительных на -en // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2009. № 4. С. 28–32. EDN: RXRROV
 15. Каткова Е. Н., Архипова И. В. Деривационная семантика девербатов: лингвистический и лингводидактический аспекты // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020. Т. 14. С. 38–42. EDN: EVBMKW
 16. Кострова О. А. Немецкий субстантивированный инфинитив как этнокультурный феномен // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1(58). С. 258–261. EDN: GCVUPS
 17. Ланских Ю. В. Субстантивированный инфинитив. Диахроническая перспектива // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 20(731). С. 289–300. EDN: KPUQRL

18. Ланских Ю. В. Субстантивированный инфинитив как событийное имя (синхронно-диахроническое рассмотрение) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 4(63). С. 85–89. EDN: ZORMZK
19. Маслова Н. А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке. Казань: Казанский университет, 1985. 170 с.
20. Маслова Н. А. Процессуальные композиты-номинализации немецкого языка в сопоставительном аспекте // Иностранные языки в современном мире: состояние и тенденции развития системы оценивания в образовании: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 66–73. EDN: WLQTGF
21. Матасова О. В., Уфимцева О. А. Девербативы в германских языках: сопоставительный анализ на материале немецкого и английского // Язык. Социум. Культура: Сборник научных статей. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова”, 2017. С. 24–28. EDN: YJDVHP
22. Мурясов Р. З. Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 39–53. EDN: TVLTKT
23. Мурясов Р. З., Искандарова Г. Р. Исследование именных композитов в текстах новостных рассылок // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4, № 3. С. 308–312. EDN: VGIXCP
24. Мирошникова З. А., Матасова О. В. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и немецкого языков) // Наука и общество. 2016. № 1(24). С. 101–108. EDN: VWRKUJ
25. Панфилова Е. Г. Специфика перевода немецкого субстантивированного инфинитива на русский язык (на материале немецко-русского корпуса параллельных текстов национального корпуса русского

- языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 5. С. 1471–1476. DOI: 10.30853/phil20240213 EDN: BKWOMM
26. Alexiadou A. Nominalizations: a probe into the architecture of grammar. Part II: The aspectual properties of nominalizations, and the lexicon Vs Syntax Debate // *Language and Linguistics Compass*. 2010. Vol. 4, iss. 7. P. 512–523. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2010.00211.x EDN: XSTUJ
27. Cate A. P. *Semantische Aspekte und Verbalabstrakta* // *Sprachstruktur, Individuum und Gesellschaft*. Tübingen: Niemeyer, 1979. S. 177–188. DOI: 10.1515/9783111355146.177
28. Cate A. P. *Aspektualität und Nominalisierung: Zur Bedeutung satzsemantischer Beziehungen für die Beschreibung der Nominalisierung im Deutschen und Niederländischen*. Frankfurt am Main; Bern; New York: Lang, 1985. 243 S.
29. Ehrich V., Rapp I. Sortale Bedeutung und Argumentenstruktur: -ung-Nominalisierungen im Deutschen // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2000. Vol. 19. S. 245–303. DOI: 10.1515/zfsw.2000.19.2.245
30. Esau H. *Nominalisation und complementation in modern German*. Amsterdam: North-Holland, 1973. 315 p.
31. Fabregas A., Marin R. The role of Aktionsart in deverbal nouns: State nominalizations across languages // *Journal of Linguistics*. 2012. Vol. 48, iss. 1. P. 35–70. DOI: 10.1017/S0022226711000351
32. Hartmann St. Zwischen Transparenz und Lexikalisierung: Das Wortbildungsmuster X-ung(e) im Mittelhochdeutschen // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* / ed. by Demske U., Haustein J., Köbele S., Nübling D. 2013. Vol. 135, iss. 2. S. 159–183. DOI: 10.1515/pbb-2013-0072
33. Hartmann St. *Wortbildungswandel. Eine diachrone Studie zu deutschen Nominalisierungsmustern: monograph*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. 300 S.
34. Kastovsky D. *Zur Analyse von nomina actionis* // *Wortbildung*. Darmstadt. 1981. S. 377–388.

35. Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen // Sprachwissenschaft. 2002. Vol. 27. S. 333–362.
36. Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns // The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks. Ed. by M. Rathert and A. Alexiadou. 2010. S. 169–215. DOI: 10.1515/9783110226546.169
37. Römer Ch. Transformationalistische und lexikalistische Erklärung von Wortbildungen -dargestellt am Beispiel deverbaler -ung-Substantive // Deutsch als Fremdsprache 24. 1987. S. 217–221.
38. Ullmer-Ehrich V. Zur Syntax und Semantik von Substantivierungen im Deutschen. Kronberg: Scriptor-Verlag. 1. Auflage, 1976. 219 S.
39. Sommerfeldt K. E. Grenzen der Transformation von Kernsätzen in Nominalgruppen // Deutsch als Fremdsprache. 1969. № 3. S. 175–180.
40. Schippan Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart. Habil.-Schrift. (masch. verfielf.). Leipzig: Bibl. Inst., 1967. 298 S.
41. Schippan Th. Die Verbalsubstantive der deutschen Sprache der Gegenwart // Deutschunterricht. 1968. H. 5. S. 522–526.
42. Wolf N. R. Deverbale Substantive und textuelle Funktion. Am Beispiel der -ung-Abstrakta. Tübingen, 2007. 29 S.

ГАВРИЛОВА Юлия ВIKТОРОВНА
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
«НЕОФЁРСИАНСКОГО» НАПРАВЛЕНИЯ
В ЛИНГВИСТИКЕ**

Введение

Будучи преподавателем Лондонского университета на протяжении около 20 лет (1938–1956), Джон Руперт Фёрс считается выдающимся лингвистом своего времени, а главное, первым профессором языкознания в Англии. Именно его труды способствовали появлению и утверждению языкознания как самостоятельной научной дисциплины в Великобритании. Ранее лингвистика была представлена по большей части фонетикой в Лондонском университете и сравнительной филологией в Оксфордском и Кембриджском университетах.

В результате разработанных Фёрсом теории просодического анализа и контекстуальной теории значения языкознание стало восприниматься как значимый предмет программы университетов и проведения исследований в нескольких научных центрах, как в самой Великобритании, так и далеко за ее пределами. Фёрс положил начало и задал направление развития лингвистической теории и практики среди наиболее активных языковедов того времени в Великобритании, работа которых была сконцентрирована в Лондоне.

В данной главе речь пойдёт об идеях последователей Джона Руперта Фёрса, представителях «неофёрсианской» лингвистики.

Основная часть

В работах Фёрса, по сути, отсутствовали программные постулаты, которые свидетельствовали бы о сформированной самостоятельной теории. Также имеется предположение, что сам Фёрс никогда не проводил просодический анализ.

После окончания Второй мировой войны в рамках политики Школы изучения Востока и Африки Лондонского университета большое внимание было уделено изучению и исследованию иностранных языков с учетом существовавшей мировой ситуации. Развитие кадрового состава кафедры общего языкознания было беспрецедентным благодаря усилиям Фёрса, повышенному финансированию, усилиям комиссии Скарборо.

Джон Руперт Фёрс был первым в Великобритании профессором общего языкознания (Professor of General Linguistics). Его инновационные подходы к фонологической теории, семантике и другим аспектам лингвистической теории остаются влиятельными до наших дней и продолжают развиваться многими последователями.

Теоретическое возникновение и становление классического фёрсианского просодического анализа (который относится к периоду 1948–1970 гг.) можно разделить на три ключевых этапа: первый этап (1948–1953), фонетический, во время которого методы фонологического анализа разрабатывались в трудах Фёрса, ряда его учеников и на семинарах кафедры; второй (1953–1960), то есть вплоть до года смерти Фёрса, когда возникла определённого рода теоретическая автономия от публикаций и идей Фёрса, имевшая место в ходе дебатов, проходивших как на кафедре, так и вне её; последний этап

охватывает период до 1970 г., когда взгляды лингвистов стали значительно разниться между собой.

Как известно, в 60-е гг. XX в. сформировалось новое течение научной мысли в лингвистике – так называемая «неофёрсианская» (Neo-Firthian) лингвистика, которая, по сути, стала продолжением и развитием идей Джона Фёрса и объединила его учеников. Это были М. Халлидей, Н. Ватерсон, Дж. Бендор-Самуэл, Р. Г. Робинс, Т. Ф. Митчелл, Р. Диксон, Дж. Эллис, В. Хаас, У. С. Аллен, Ф. Р. Палмер, Дж. Лич, Р. Хаддлстон, Дж. Синклер, А. Макинтош, Дж. Карнохан, Е. Хендерсон, Р. Спригг, Э. Уигли.

Важно заметить, что ученики и последователи Фёрса, в русле традиционного подхода британских учёных, также уделяли огромное внимание исследованию языков самых разнообразных языковых групп и территорий. Так, например, У. С. Аллен изучал греческую и латинскую акцентуацию, Дж. Бендор-Самуэл – просодические черты языка терена, Е. Хендерсон – слоговую структуру вьетнамского языка, Н. Ватерсон – коллокации и коллигации узбекского языка, Р. Спригг – фонологические формулы глагола в языке лимбу и сравнительные исследования языков тибето-бирманской группы, М. А. К. Халлидэй занимался китайским языком и литературой, Т. Ф. Митчелл работал над исследованием арабского и берберского языков, Ф. Палмер изучал эфиопскую группу языков. Среди студентов Джона Фёрса были и впоследствии влиятельные арабские лингвисты: Ибрагим Анис и Таммам Х. Давуд. Остановимся подробнее на освещении взглядов исследователей.

Ближайшим преемником Фёрса был **Майкл Александр Кирквуд Халлидей** (Michael Alexander Kirkwood Halliday),

который родился в городе Лидс, графство Йоркшир, в 1925 г. Халлидей получил степень магистра в Лондонском университете по китайскому языку и литературе, прожил три года в Китае и учился в Пекинском университете. Затем он вернулся в Англию и начал работать в Кембридже, преподавал китайский язык и получил ученую степень в 1955 г.

Впоследствии он изменил сферу своих интересов и стал заниматься чисто лингвистическими исследованиями, создав особое новое направление – системную функциональную грамматику, позже названную системной лингвистикой, основанную на идеях его учителя Джона Руперта Фёрса, также принимая во внимание идеи Пражской лингвистической школы. Датировать это событие можно 1961 г.

М. Халлидей занимал должность профессора общей лингвистики (Professor of General Linguistics) с 1965 г. по 1976 г. в Лондонском университете. В 1976 г. он переехал в Австралию, был профессором лингвистики в Сиднейском университете, где и работал до ухода на пенсию. Он посвящал свои исследования различным аспектам языка, теоретическим и прикладным, и особое внимание уделял применению понимания основных принципов языка в теории и практике обучения.

Он получил титул почетного профессора Сиднейского университета и университета Маскари в 1987 г. и до сих пор является почетным профессором университета Гонконга. Выступив с лекцией по теме «Новые виды значения – вызов прикладной лингвистике» (“New Ways of Meaning: the Challenge to Applied Linguistics”) в Салониках (Греция) в 1990 г., он стал

одним из пионеров экокритического дискурсивного анализа (eco-critical discourse analysis), раздела эколингвистики.

Эколингвистика – это одно из современных научных направлений языкознания, которое сформировалось на стыке социального, психологического и философского направлений. Эколингвистика как новое научное направление в изучении языковой сферы обитания человека и общества формируется на основе выявления законов, принципов и правил, общих для экологии и для развития языка и исследует роль языка при возможном решении проблем окружающей среды.

Однако сам Халлидей считает себя прежде всего грамматистом. Он принял термин «системно-функциональный» для своего лингвистического подхода в описании двух измерений (планов) в языке. Язык признается в его теории «системным», так как он «парадигматически организован», то есть любая часть языка на любом уровне может быть описана как выражение системного выбора. Например, главное предложение может показывать структуру, являющуюся формальной реализацией выбора из системы залога, активного или пассивного, пассивный залог он называл «рецептивным» ('receptive'), активный – «оперативным» ('operative').

М. А. К. Халлидей рассматривал язык как социальный феномен, концентрировал свое внимание на грамматическом и ситуационном уровнях анализа, признавая высказанную Фёрсом идею о значении как комплексе функций языковых форм. Халлидей разработал теорию функциональной грамматики и социо семиотическую концепцию языка. Он выделял четыре категории в языке: единица, структура, класс, система (unit, structure, class, system) и три шкалы: степень, выражение,

изящество (rank, exphonence, delicacy). Кроме того, Халлидей вел исследования по вопросам интонации и по дискурсивному анализу. Можно назвать его следующие работы: “Intonation and Grammar in British English” (1967), “Cohesion in English” (1976).

По мнению Халлидея, язык является разновидностью ситуативно обусловленной деятельности или поведения человека, это деятельность (language activity), имеющая протяженность во времени (dimension of time), а в письменном виде – также в пространстве (linear space). Формы языка (patterns) являются результатом значимой организации (meaningful organization), так как в отрезках языковой деятельности соблюдаются определённые правила [Halliday 1961: 250–254].

Язык в концепции Халлидея – это лингвистическая кодовая система, на каждом уровне которой можно установить набор вариантов, любой из которых реализуется говорящим. Язык трактовался Халлидеем как потенциал значения, то есть набор семантических вариантов, доступных говорящему или слушающему. При таком рассмотрении язык – главный вид значения в социальном окружении, обеспечивающий не только отражение социального фона, но и средства воздействия на него. Халлидей был убежден, что «означать» (to mean) в лингвистическом смысле одновременно включает в себя «отражать» (to reflect) и «действовать» (to act).

На основании данного постулата было сформулировано понимание языкового значения. Значение подразделялось на «формальное значение» (formal meaning), выражавшееся в действии (operation) единицы языка в сети формальных отношений, и «контекстуальное значение» (contextual meaning). Контекстуальное значение лингвистической единицы представ-

ляло собой отношение этой единицы к внеязыковым особенностям (extralingual or extratextual features) ситуации и их отражение. Контекстуальное значение логически зависело от формального.

Однако важно заметить, что эти два вида значения тесно связаны между собой, так как формальные единицы (formal items) обладают контекстуальным значением, которое соотносит форму с содержанием посредством контекста. В результате взаимодействия формальных особенностей (formal distinctions) и ситуационных признаков (situational differentiations) внутри контекста образуется сеть системных (парадигматических) и структурных (синтагматических) отношений, которые составляют контекстуальное значение [Halliday 1961: 243–244].

С социологической точки зрения контекстуальное значение он представлял в виде семантической сетки (semantic network) или системы множественного кодирования (system of multiple coding), реализующей в языке социальную семиотику – основной объект анализа семантической теории.

Семантическая теория, по Халлидею, является частью общей теории описания (general theory of description), которую он противопоставлял универсальной схеме описательных категорий (universal scheme of descriptive categories), принятой многими другими направлениями языкознания.

Халлидей также сформулировал семь функций, которыми обладает язык для детей в раннем возрасте. Дети мотивированы осваивать язык, так как первые его четыре функции помогают ребенку удовлетворять свои физические, эмоциональные и социальные потребности. Эти четыре функции он назвал:

инструментальная (instrumental), регулирующая (regulatory), интерактивная (interactional), личностная (personal).

Под *инструментальной* функцией понимается использование языка для выражения потребностей ('Want juice'), *регулирующая* применяется при обращении к другим людям с указанием что сделать ('Go away'), *интерактивная* – использование языка для установления контактов с окружающими людьми ('Love you, mummy'), и, наконец, *личностная* – использование языка для выражения чувств, мнений и идентификации своей собственной личности ('Me good girl').

Другими тремя функциями он назвал эвристическую (heuristic), образную или художественную (imaginative) и репрезентативную (representational), все они помогают ребенку установить связи в своем окружении. *Эвристическая* функция проявляется, когда язык используется для приобретения знаний об окружающей среде (What machine doing?), в *художественной* функции язык применяется для рассказов и шуток, создания воображаемой обстановки в целом, *репрезентативная* функция применяется при использовании языка для передачи фактов и информации.

М. А. К. Халлидей является автором десятков работ по различным аспектам лингвистики, среди которых можно назвать, например, "Intonation and Grammar in British English" (1967), "Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning" (1978), "Readings in Systemic Linguistics" (1981), "An introduction to functional grammar" (1985), "Aspects of language in Social-semiotic perspective" (1985), "A Systemic Interpretation of Peking Syllable finals" (1992), "Constructing Experience through Meaning" (1999). Среди последних работ

следует упомянуть такие: “Linguistic Studies of Text and Discourse” (2002), “Computational and quantitative studies (2006).

Если вклад Халлидея достаточно хорошо известен в отечественном языкознании, то о публикациях и идеях остальных представителей указанного направления этого сказать нельзя.

Следуя хронологическому порядку, далее следует упомянуть ученика Халлидея, которым является **Роберт Малколм Уард Диксон** (Robert Malcolm Ward Dixon), профессор австралийского университета Джеймса Кука, Школы искусств и социальных наук (James Cook University, School of Arts and Social Sciences).

Роберт Диксон родился в 1939 г. в Англии, городе Глостер. В 1996 г. Диксон и его коллега Александра Айкенвальд (Alexandra Aikenvald) основали Исследовательский центр лингвистической типологии (the Research Centre for Linguistic Typology) при Австралийском национальном университете (Australian National University) в Канберре, в 2000 г. центр переехал в Университет Ла Троба (La Trobe University), город Мельбурн.

В мае 2008 г. Диксон и Айкенвальд покинули свои посты в этом центре и в начале 2009 г. создали Исследовательскую группу по изучению языка и культуры (Language and Culture Research Group) при Университете Джеймса Кука (Австралия).

Роберт Диксон известен как автор многих работ по различным аспектам лингвистической теории и практики, однако особенно важен его исследовательский вклад в изучение языков австралийских аборигенов. Он опубликовал грамматику таких языков, как дирбал (Dyirbal), идини (Yidiny) и неавстралийских – бума фиджиан (Boumaa Fijian) и джаравара (Jarawara).

Однако лингвистические взгляды Диксона начали примерно около 50 лет назад сильно отличаться от распространенных в то

время в лингвистике. Он пришел к выводу, что стандартная модель лингвистического изменения в виде «генеалогического древа языков» (“family-tree” model) может быть применима лишь в определенных ситуациях. Вместо этого для языков австралийской группы он считал применимой так называемую модель «прерванного» или «частичного» равновесия (“punctuated equilibrium” model), основанную на теории эволюционной биологии.

Генеалогическое древо (family-tree) языков показывает их деление на семьи и группы. Когда процесс деления заканчивается, на определенной географической территории наступает равновесие (equilibrium). Оно характеризуется постепенным распространением культурных и лингвистических характеристик на этой территории. Во время деления (которое может продолжаться несколько сотен или тысяч лет) языки одной семьи все больше отделяются от общего протоязыка. Во время равновесия (также период нескольких сотен или тысяч лет) языки приближаются к протоязыку.

Диксон является автором целого ряда исследовательских работ по лингвистике, среди которых “Grammar of Yidiny” (1977), “A Grammar of Boumaa Fijian” (1988), “Ergativity” (1994), “The Rise and Fall of Languages” (1997), “Australian Languages: Their Nature and Development” (2002).

Интересно также отметить, что, помимо научных публикаций о языках, в 1984 г. в Австралии была издана книга-повествование о процессе полевой работы исследователя и сбора информации о языках аборигенов, причем Диксон назвал себя своим неформальным именем – Bob Dixon. Книга «В поисках языков аборигенов. Мемуары с полей» (Searching for Aboriginal

Languages. Memoirs of a Field Worker, 1984) написана от первого лица, достаточно неформальным стилем, в форме путевых заметок о путешествии и значительно отличается от остальных публикаций в научном стиле.

Примечателен тот факт, что в послесловии автор отмечал, что в черновике мемуары были написаны им еще в 1980 г. и полностью по памяти, без каких-либо заметок, в 1981 г. некоторые изложенные в них факты были перепроверены, материал осмыслен уже с научной точки зрения, по словарям и справочникам. В работе упоминались и оригинальные имена людей, и псевдонимы.

Помимо путевых записей и научных трудов, в соавторстве с коллегами в 1990 г. им был издан этимологический словарь «Слова австралийских аборигенов в английском языке: их происхождение и значение» (Australian Aboriginal Words in English. Their Origin and Meaning, 1990).

В отличие от путевых записей, книга Диксона «Что такое язык? Новый подход к лингвистическому описанию» (What is Language? A New Approach to Linguistic Description, 1965) представляет собой теоретическое описание проблем употребления языка как такового и по отношению к другим явлениям, исследование того, как люди говорят и пишут, то есть «логики» употребления языка.

Другим ведущим представителем рассматриваемого нами направления является известный британский лингвист **Уильям Сидней Аллен** (William Sidney Allen), который родился в 1918 г., с 1971 г. – член Британской Академии наук. Его путь в лингвистику начался с получения классического образования по филологии в Кембриджском университете, где он изучал

латинский и греческий языки. Классические языки предоставили впоследствии материал для его исследований.

В 1939–45 гг. он участвовал в военных действиях. В конце 40-х гг. Аллен проявил интерес к общему языкознанию и фонетике и встретился с Фёрсом, который занимал пост профессора лингвистики в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета и возглавлял кафедру фонетики и лингвистики. Фёрс занимался созданием кафедры, и встреча Аллена с Фёрсом состоялась в Кембридже, одновременно со встречей с Ральфом Тернером, директором Школы. С 1948 по 1951 г. Аллен преподавал фонетику, с 1951 по 1955 г. – сравнительную лингвистику в Школе изучения Востока и Африки при Лондонском университете. Ближайшим коллегой Аллена во время его работы в Лондонском университете был Роберт Робинс, впоследствии известный лингвист-«лондонец». В 1952 г. Аллен изучал диалекты в Индии, в 1955–1982 гг. был профессором сравнительной филологии в Кембриджском университете, в 1960–80-х гг. также работал в Америке, в университете штата Айова.

Основные работы Сиднея Аллена: “Phonetics in Ancient India” (1953), “On the Linguistic Study of Languages (inaugural lecture) (1957), “Sandhi” (1962), “Vox Latina” (1965), “Vox Graeca” (1968), “Accent and Rhythm” (1973).

Например, в работе «Фонетика древней Индии» представлены особенности алфавита санскрита, речь идет о влиянии научных достижений древней Индии на фонетику западноевропейских языков, так как, по мнению Аллена, именно в сфере фонетики древние индийские лингвистические школы и современные западноевропейские школы наиболее близки.

С. Аллен признавал в книге под названием “Linguistics in Britain: Personal Stories” (2002), что, как и многие его коллеги в то время, его взгляды формировались под воздействием работ Фёрса, особенно его просодического анализа в фонологии, который противопоставлял синтагматический и парадигматический аспекты звуковой структуры слова [Allen 2002: 19]. Он применил этот принцип в своих исследованиях, что и проявилось в статье “On the Linguistic Study of Languages (inaugural lecture)” (1957).

С. Аллен (S. Allen) в своей лекции 1957 г. под названием «О лингвистическом исследовании языков» (On the Linguistic Study of Languages) отмечал, что лингвистика в 50-е гг. была признана как самостоятельная дисциплина лишь благодаря Дж. Р. Фёрсу [Allen 1957: 3].

Однако предмет исследования лингвистической науки находился в ту эпоху в процессе развития, по многим аспектам среди лингвистов не было согласия.

Лингвистика, по мнению Аллена, связана с изучением языка во всех аспектах, и прежде всего с живым высказыванием, при этом неверно было бы анализировать материал без учета значения. Материал для исследований состоит из фонических событий (phonic events) и ситуационных событий (situational events) [ibid.: 3–26]. Кроме того, лингвистическая наука должна рассматривать возможно большее количество различных языков, что позволит сократить этноцентризм. Особое значение следует уделять фонетическим манифестациям.

Важным аспектом взглядов Сиднея Аллена следует назвать его отношение к значимости исторического процесса для лингвистики. В XIX в. существовала традиция исследовать язык,

обращая внимание на время и его происхождение. Такой метод исторического изучения можно считать одним из разделов лингвистики. Но для лингвиста настоящий интерес представляет анализ конкретного языкового материала, а не его историческое описание.

Как известно, Фёрс говорил о поуровневом анализе языка, называя разное их число: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический, семантический, или: фоноэстетический, фонетический, просодический, грамматический и коллокационный.

В этой связи необходимо сказать о мнении Аллена, который признавал наличие отдельных уровней в языке и указывал на то, что уровни связаны между собой определенными, но различающимися способами. По его мнению, нет прямолинейных соответствий между фонетическим, фонологическим и грамматическим уровнями. Переход с одного уровня на другой происходит в виде корреляции. Характер связи между фонологическими и грамматическими данными имеет опосредованный характер, так как фонологические и грамматические данные одинаково опираются на фонетические данные.

Лингвистика, как заявлял Аллен, занимает особое место среди других филологических наук, с одной стороны, при анализе она учитывает фонический материал, из которого состоит речь, а с другой – практические ситуации общения людей. Такие ситуации, или контексты, можно рассматривать как функции фонического материала или как значение этого материала. Поэтому нельзя анализировать лингвистический материал без опоры на «значение», однако теория этого анализа

должна определяться акустикой или физиологией [Allen 1957: 23].

Помимо изучения редких языков, Аллен уделял значительное внимание реконструкции исчезнувших языков, как, например, латинского и древнегреческого, причём речь шла о просодических чертах этих языков. Книга «Акцент и ритм. Просодические черты латинского и греческого: изучение теории и реконструкция» (Accent and Rhythm. Prosodic features of Latin and Greek: a Study in Theory and Reconstruction, 1973) посвящена реконструкции просодических характеристик древних языков, включая латинский, санскрит, древнегреческий. В частности, речь идет об истории появления самого термина «просодия», а также о гласных и согласных звуках, слогах и их длине, ударении, акцентуации, способах связи слов в предложениях, ударении, реконструированы правила ударения. Приложение содержит латинский гексаметр.

Учеником Сиднея Аллена является видный британский лингвист, известный своими работами по семантике, сэр **Джон Лайонз** (John Lyons). Он родился в 1932 г., получил образование в университете г. Манчестер, затем в Кембридже. Прослужив 2 года на флоте, он вернулся в Кембридж и приступил к написанию докторской диссертации под руководством Сиднея Аллена и работал преподавателем в Школе изучения Востока и Африки. Ему была предложена стипендия Рокфеллера для обучения в Йельском университете в Америке, однако он отклонил это предложение, так как более заманчивой перспективой считал должность профессора лингвистики, что было редкостью в те годы.

Лайонз покинул Кембридж и переехал в Лондон, приступив к написанию диссертации под руководством Р. Робинса в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета. Известно также, что летом 1960 г. Лайонз был приглашен в университет штата Индиана для работы над проектом машинного перевода, так как он знал русский язык и лингвистику. Именно в Индиане Лайонз впервые выступил с лекциями по общему языкознанию.

В 1961 г. он вернулся в Кембридж и преподавал там до 1964 г. В период 1965–1969 гг. он был основателем и редактором Лингвистического журнала (*Journal of Linguistics*). С 1964 г. по 1984 г. занимал пост профессора лингвистики в университетах Эдинбурга и Сассекса. Впоследствии в течение 15 лет он был главой Колледжа Троицы (Trinity Hall) в Кембридже до ухода на пенсию в 2000 г., сейчас он остается почетным профессором этого колледжа. В 1987 г. Лайонз получил титул сэра.

Основные работы Джона Лайонза: “Structural Semantics” (1964), “Introduction to Theoretical Linguistics” (1968), “Chomsky” (1970), “New Horizons in Linguistics” (1970), “Semantics”, том 1 и 2 (1977), “Language and Linguistics” (1981), “Language, Meaning and Context” (1981), “Natural Language and Universal Grammar” (1991), “Linguistic Semantics: An Introduction” (1995).

В 2003 г. в Москве вышла книга Джона Лайонза на русском языке под названием «Лингвистическая семантика». В ней автор отмечал, что «существует несколько отдельных видов семантики, каждый из которых имеет свою предметную ориентацию или фокус внимания: лингвистическая, философская, антропологическая, психологическая, литературная и другие». Для него «семантика – это наука о значении, а лингвистическая семанти-

ка – наука о значении в той мере, в какой значение систематически кодируется в словаре и грамматике естественных языков» [Лайонз 1966, 1972].

Книга посвящена рассмотрению некоторых базовых понятий семантической науки, в том числе перечисляются различные виды значения: лексическое, значение предложения, значение высказывания.

Среди существующих нескольких теорий значения Лайонз назвал следующие:

«1) референциальная (или денотативная) теория («значение выражения есть то, что оно обозначает», например, (клик) «Фидо обозначает собаку Фидо»; «собака» обозначает либо общий класс собак, либо основное свойство, которым они все обладают);

2) идеационная, или менталистская, теория («значение выражения есть идея, или концепт, ассоциируемая с ним в уме любого, кто знает и понимает это выражение»);

3) бихевиористская теория («значение выражения есть либо стимул, который вызывает его, либо реакция, которую оно вызывает, либо их комбинация в конкретных случаях высказывания»);

4) теория значения как употребления («значение выражения определяется, если не совпадает с его употреблением в языке»);

5) верификационистская теория («значение выражения, если оно имеется, определяется возможностью верификации предложений, или пропозиций, в которые оно входит»);

6) условно-истинностная теория («значение выражения есть его вклад в условия истинности предложений, в которые оно входит»)» [там же: 55].

Ни один из этих подходов, по мнению исследователя, не может служить основой для всесторонней и эмпирически хорошо мотивированной теории лингвистической семантики, однако каждая из теорий способствовала выработке основных положений, из которых исходят современные исследователи.

В названной выше книге автор не пытался дать исчерпывающую классификацию различных видов значения, однако он указал на одно очень важное различие, которое было им детально разработано. Это различие между дескриптивным (или пропозициональным) и недескриптивным (непропозициональным) значением.

При *дескриптивном* значении языка используются для того, чтобы делать дескриптивные утверждения, которые являются истинными или ложными в зависимости от того, являются ли выражаемые ими пропозиции истинными или ложными. Этому придается особое внимание в условно-истинностной теории семантики, которая в последние годы выдвинулась на передний план в семантических исследованиях.

Недескриптивное значение является более разнородным и менее центральным. Оно включает экспрессивный компонент. При этом часто считается, что экспрессивное значение (то есть тот тип значения, с помощью которого говорящие выражают, а не описывают, свои мнения, отношения и чувства) относится к области стилистики и прагматики. Однако, по признанию Лайонза, некоторые виды экспрессивного значения являются частью значения предложения.

Экспрессивные функции языка не могут быть четко дифференцированы от его социальных и инструментальных функций.

Люди являются социальными существами с социально предписанными и социально санкционированными ролями.

В этом аспекте семантические идеи Лайонза близки взглядам, высказанным Фёрсом еще в середине XX в. Экспрессивное значение обязательно сливается с тем, что многие авторы называют межличностным, инструментальным, социальным и конативным значением. Экспрессивное обязательно является социоэкспрессивным, а личностное необходимо является межличностным. Без учета этого, как считает исследователь, невозможно было бы дать полноценное семантическое описание даже грамматических категорий времени и наклонения.

Предложенные Фёрсом термины «коллокация» и «коллигация», а также его просодические идеи нашли дальнейшую разработку в трудах лингвистов Лондонской школы, в числе которых следует назвать **Натали Ватерсон** (Natalie Waterson). Она родилась в Лондоне в 1922 г., в семье билингва русского и английского языков. Она училась в школе Айлсбери (Aylesbury Grammar School) и в Лондонском университете. В 1948 г., пройдя курс обучения в Школе славянских и восточно-европейских языков, она получила диплом специалиста со знанием русского и французского языков. Затем она поступила в аспирантуру на период двух лет и изучала фонетику и лингвистику в Школе изучения Востока и Африки. Среди тех лекций, которые она посещала, были и лекции Дж. Р. Фёрса. В 1950 г. она стала преподавать в Лондонском университете фонетику, затем в 1982 г. стала старшим преподавателем.

Н. Ватерсон активно участвовала в работе различных образовательных организаций и обществ, особенно в рядах Международной ассоциации по изучению детского языка, президентом которой она

была с 1978 по 1981 г. Она принимала участие в работе симпозиумов по детской речи, опубликовала ряд статей в книгах и журналах по аспектам просодической фонологии, детского языка, восприятию речи, речевой терапии, а также турецкому, узбекскому и грузинскому языкам. Ее публикации: “Numeratives in Uzbek. A study in Colligation and Collocation” (1966), “Uzbek-English dictionary” (1980), “Prosodic phonology: The theory and its application to language acquisition and speech processing” (1987).

Целью статьи “Numeratives in Uzbek. A study in Colligation and Collocation” (1966) было показать возможность использования понятия «коллигации» при проведении грамматического анализа. Н. Ватерсон проводила свои исследования также и на материале других языков тюркской группы, вопрос статуса существительных и прилагательных в тюркских языках оставался, по ее мнению, спорным.

Она предлагала установить грамматическую категорию слов, обозначающих исчисление (numeratives). В качестве примеров подтверждения своей гипотезы она приводила сочетания коллокаций узбекского языка.

Книга Н. Ватерсон “Prosodic phonology: The theory and its application to language acquisition and speech processing” (1987) посвящена рассмотрению современного положения фонологической теории с точки зрения автора и ее связи с идеями Фёрса. По ее мнению, значительно снизился интерес к линейной сегментной фонологии и увеличилась востребованность нелинейной фонологической теории, позволяющей рассматривать явления суперсегментного характера и изучать речь.

«Просодическая фонология была первым направлением нелинейной теории, восходящим корнями к 1930-м гг. и

связанным с идеями Фёрса. Фёрс отказался от фонемной теории для фонологического описания. Просодическая фонология уделяет внимание анализу целых единиц, слогов, частей предложений и целых предложений, синтагматическим и парадигматическим отношениям. Данные, выраженные с точки зрения просодий и фонематических единиц, легче соотнести с акустическими и артикуляционными данными, чем фонемные сегменты. Описательные единицы просодической фонологии имеют физическое выражение и тесно связаны с другими дисциплинами, такими как психология и неврология. Социальный компонент теории, контекст ситуации, обеспечивает учет контекста языка при проведении лингвистического анализа» [Waterson 1987: 1–2].

Главы, включенные в книгу Н. Ватерсон, отражают проделанную ею работу за 15 лет, с 1971 по 1986 г. Целью ее написания было показать применение просодической теории Фёрса в изучении фонологии, а также многочисленные преимущества просодической теории, о которых писал в своих трудах Фёрс. Книга иллюстрирует происхождение теории, ее основные принципы и термины, применение просодической фонологии к первым словам ребенка, различные аспекты развития теории, соотношение между восприятием речи и произнесением высказываний, фонологические аспекты, применимые в других сферах изучения языка.

Другой представитель Лондонской школы языкознания, **Уильям Хаас** (William Haas), внес огромный вклад в развитие теории значения Фёрса. Хаас родился в мае 1912 г. в городке Острава, Австро-Венгерской империи, который в конце Первой мировой войны вошел в состав Чехословакии. Хаас изучал

юриспруденцию в Пражском университете, затем изучал философию и одновременно посещал лекции языковедов Пражского лингвистического кружка. Период с 1937 по 1939 г. был тяжелым для жизни страны. Разрушение университета и нестабильная политическая ситуация побудили Хааса покинуть Прагу в 1939 г. и отправиться в Британию. В 1945 г. Хаас начал преподавать немецкий язык в Кардифе, а также немецкую литературу средневековья, что явилось началом его научной карьеры. Одновременно он проявил интерес к общему языкознанию и философии.

Первой его работой по лингвистике была “General categories of language” (1949), за которой последовал ряд других. В 1954 г. он стал старшим преподавателем общего языкознания в университете Манчестера, что явилось первым назначением на данную должность в университете и одновременно одним из первых в стране за пределами Лондона.

Несомненно, Хаас сыграл огромную роль вслед за Фёрсом в становлении лингвистики в Великобритании, он был основателем Лингвистической ассоциации (Linguistic Association) и одним из членов первоначального состава редакторского совета Лингвистического журнала (Journal of Linguistics).

С самого начала Хаас интерпретировал общую лингвистику как включающую в себя фонетику и семантику, а также охватывающую аналитические и сравнительные исследования. Более того, он принимал активное участие в применении лингвистики как прикладной дисциплины, в том числе для обучения английскому языку как иностранному и для речевой терапии. Особой чертой его деятельности было также внимание к междисциплинарным контактам, что он считал взаимно

полезным для обеих сторон. Известно также, что с момента назначения его на должность в университете Манчестера он написал множество работ, обращаясь к фундаментальным вопросам лингвистики, и создал такую систему взглядов, которая отличалась большой оригинальностью.

Что касается рассмотрения проблемы значения, то Хаас интересовался в основном тремя сферами: 1) природа и статус высказываний типа «*X* имеет значение...» или «*X* значит, что ...»; 2) разница между формальными и естественными языками; 3) статус предложений с аномальным значением.

Значение какого-либо символа он рассматривал как нечто, например, идею, которая как существует независимо в языке, так и может быть определена не носителем языка. Такие идеи и их референты называются «чистыми идеями» (*pure ideas*) и «чистыми ссылками» (*pure references*). Он отрицает положение о том, что символ приобретает значение лишь вместе с «чистой идеей». Чтобы правильно перевести какое-либо высказывание, необходимо, по его мнению, воссоздать контекстуальные отношения.

В целом основной сферой интересов Хааса была теория значения и лингвистический анализ; он не забывал о своей первой специальности германиста, так как исследовал развитие стандартного немецкого языка. Он всегда настаивал на историческом и сравнительном изучении и на том, что лингвистика играет важную роль для изучения литературы.

Таким образом, Хаас стремился изучать язык не только как отдельную дисциплину или самостоятельный предмет, но и в более широком философском, литературном и историческом контекстах. Язык, будучи чисто человеческим проявлением, обладает возможностью выражать сложные и абстрактные идеи,

а также тривиальные, но важные функции. Язык обладает достаточной гибкостью, чтобы им могли пользоваться поэты при создании своих произведений. Кроме того, с течением времени язык претерпевает изменения.

Хаас считал, что одинаково правомерны два основных способа исследования языка: 1) все единицы языка можно определить аналитически, то есть через их отношение к более мелким единицам, из которых они состоят, и 2) синтетически, то есть через их отношение к более крупным единицам, частью которых они являются. Размер и количество единиц будет варьироваться в соответствии со спецификой уровня.

Подход Хааса к значению был функциональным, так как значение рассматривалось им как имеющее значимость в контексте. Он настаивал на строгой семантической интерпретации морфемы, значение элемента представляет собой функции его формы, а исследование функций элемента предоставляет синтетическую дефиницию и описание, в то время как изучение внутренней составляющей подразумевает уже аналитическую дефиницию.

Несмотря на согласие с Фёрсом относительно важности значения на всех языковых уровнях, Хаас не считал необходимым относить значение к фонологическим элементам. Грамматические значения, например, необходимо описывать с точки зрения тенденций: например, значимые существительные, как правило, исчисляемые, а глаголы употребляются в продолженном аспекте.

Фонологические взгляды Хааса претерпели влияние Пражской лингвистической школы и позже – Дж. Р. Фёрса и коллег. Вклад в фонологическую теорию проявляется в ряде статей,

среди основных сложностей фонематического анализа он называл такое явление, как “phonemic overlap”, под которым понималось совпадение звуков в разных контекстах в качестве реализации разных фонем.

Единицы, установленные на любом уровне, могут быть рассмотрены аналитически в терминах единиц более низкого уровня, и синтетически – в терминах единиц более высокого уровня. Например, если взять морфемы, то синтаксическое определение будет вестись через конструкции, а аналитическое – через фонемы.

Среди основных работ Хааса можно назвать: “General categories of language” (1951), “On speaking a language” (1952), “On defining linguistic units” (1954), “Relevance in phonetic analysis” (1958), “Review of J. R. Firth” (1958), “Functional phonetics and speech therapy” (1968), “The science of language” (1972).

Другим этапом применения и уточнения идей Дж. Р. Фёрса была работа его непосредственного ученика **Теренса Фредерика Митчелла** (T. F. Mitchell). Митчелл родился в Дэвоне в 1919 г., а умер в Лидсе в 2007 г. После окончания в 1940 г. Университетского колледжа Лондона (University College London) с прекрасными знаниями французского и испанского языков и увлеченностью Францией и Испанией Терри Митчелл участвовал в военных действиях, служа своей стране. Он служил в Индии, Бирме и на Ближнем Востоке, чем и воспользовался для расширения своих лингвистических взглядов и изучения некоторых языков этих стран, в частности урду и синдхи.

В 1946 г. он начал работать в Школе изучения Востока и Африки, где занялся изучением письменного и особенно устного арабского языка. Он исследовал берберский диалект

арабского языка и именно в это время испытал влияние Дж. Р. Фёрса, воздействие идей которого проявлялось впоследствии на протяжении всей его карьеры. Митчелл – признанный последователь идей Фёрса.

Митчелл работал в Лондонском университете до 1964 г., стал профессором современного английского языка (Professor of Contemporary English) в университете Лидса, а уже в 1966 г. он стал профессором английского языка и общего языкознания. С 1967 по 1970-е гг. он занимал пост главы Школы английского языка (Chairman of the School of English). При этом он был абсолютно убежден в значимости лингвистики как самостоятельной дисциплины, что привело его к созданию первой отдельной кафедры лингвистики, которую он возглавил в 1971 г. Под его руководством кафедра объединилась с существовавшей уже кафедрой фонетики и стала называться кафедрой лингвистики и фонетики в 1978 г. Митчелл возглавлял ее до своего ухода на пенсию в 1980 г.

Профессор Митчелл внес огромный вклад в развитие научной деятельности в университете Лидса, однако еще большими его заслуги являются в сфере лингвистики как науки в целом. На протяжении своей карьеры он много путешествовал по Соединенным Штатам, Ближнему Востоку и Европе, выступал на различных конференциях и конгрессах, сотрудничал с коллегами из разных стран, преподавал и занимался научной деятельностью за рубежом, оценивал стандарты международной лингвистики, особенно для американского университета в Каире. Наиболее значительными публикациями считаются его работы по арабскому языку, которые сильно отличались от традиционных исследований в Великобритании. Исследованиям

в этой области по описанию разговорного арабского языка Египта и Леванта он посвятил много времени и после ухода в отставку. Основные работы Т. Ф. Митчелла: “Writing Arabic. A practical introduction to Ruq’ah script” (1953), “An introduction to Egyptian-colloquial Arabic” (1956), “Colloquial Arabic. The living language of Egypt” (1962), “Some English Phrasal Types” (1966), “Principles of Firthian linguistics” (1975), “Linguistic ‘goings-on’: collocations and other lexical matters arising on the syntagmatic record” (1975), “Pronouncing Arabic” (1993).

Работа Т. Ф. Митчелла «Лингвистические вопросы: коллокации и другие лексические проблемы, возникающие при синтагматических записях» (Т. F. Mitchell, “Linguistic ‘goings-on’: collocations and other lexical matters arising on the syntagmatic record”, 1975) послужила попыткой разработать идею «коллокации» и рассмотреть лексические категории синтагматического характера. Исследователь выделил виды значения: функциональное (functional), эмотивное (emotive), тематическое (topical), социокультурное (socio-cultural), наглядное (ostensive), справочное (referential) или предметное (denotational) и мнемоническое (mnemonic). При этом не было как таковой иерархии этих значений, они могли в языке пересекаться.

Функциональное значение в языке связано с целью высказывания, например, вопрос, совет, шутка, приветствие и т. д. *Эмотивное* значение выражает испытываемые говорящим эмоции, например, волнение, страх и т. д. *Тематическое* значение отражается в теме разговора, *социокультурное* определяется обстоятельствами, сопутствующими высказыванию. *Наглядное* значение выражается в определенных грамматических классах, таких как артикли, числительные, указатель-

ные местоимения. *Справочное* или *предметное* значение связано прежде всего с употреблением существительных, обозначающих предметы, события, людей и их качества. *Мнемоническое* значение, как отмечалось, важно не путать с наглядным, так как оно выражает функцию названия или упоминания в языке, например, дефиниции.

Другой работой Т. Ф. Митчелла, содержащей его взгляды относительно проблемы значения, можно считать статью «Некоторые английские фразовые типы» (“Some English Phrasal Types”, 1966). В ней он утверждает, что применительно к описательному лингвистическому анализу следует выделять три взаимосвязанных аспекта значения: значение наблюдаемое, значение как контрастивные дистрибутивные отношения разных типов, и значение как процесс, в ходе которого исследователь выбирает данные для сравнения [Mitchell 1975].

Последователь Фёрса профессор **Роберт Робинс** (Robert H. Robins) (1921–2000), известный близким людям как Бобби Робинс, посвятил всю свою научную карьеру кафедре фонетики и лингвистики в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета. Деятельность Робинса в лингвистике включала несколько отраслей, среди которых фёрсианский просодический анализ, история лингвистической мысли и редкие находящиеся на грани исчезновения языки. Он является автором двух популярных учебников “General Linguistics: An Introductory Survey” (1964), “A Short History of Linguistics” (1967).

Робинс родился в городе Бродстэйрс, графство Кент в 1921 г., отец был медиком. В детстве Робинс изучал французский, латинский и древнегреческий языки, высшее образование получил в Оксфорде. Во время Второй мировой войны

преподавал японский язык, что и вызвало его интерес к лингвистике. В 1968 г. он получил докторскую степень по литературе в Лондонском университете. С 1948 по 1955 гг. он преподавал на кафедре фонетики и лингвистики Школы изучения Востока и Африки Лондонского университета, которой в то время руководил Дж. Р. Фёрс, оказавший огромное влияние на формирование взглядов Робинса. Под руководством Фёрса он проводил полевые исследования в начале 50-х гг. по исчезнувшему ныне языку юрок (Yurok language) северной Калифорнии, а также вел исследования античной лингвистики.

В 1955–1965 гг. Робинс преподавал общее языкознание, в 1966–1986 гг. был профессором общей лингвистики и, наконец, заведующим кафедрой в период 1970–1985 гг. Он занимал пост декана факультета искусств Лондонского университета (1984–1986). В 1986 г. был избран членом Британской академии наук. Робинс был научным сотрудником Калифорнийского университета, профессором в Вашингтоне, Гавайях, Флориде и Зальцбурге.

После ухода на пенсию профессор Робинс посвятил время изучению истории лингвистики. Он писал работы по этому предмету и регулярно посещал конференции по данной тематике. Он был почетным профессором Лондонского университета (1986–2000), преподавал в университете города Лютон и в Кембридже до начала 2000 г.

Среди работ Робинса следует назвать: “Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe” (1951), “The Yurok Language” (1958), “General Linguistics: An Introductory Survey” (1964), “A Short History of Linguistics” (1967), “Divisions of Bloomsbury” (1970), “History of Linguistics” (1988), “The Byzantine Grammatical

ans: Their Place in History” (1993), “Texts and Contexts: Selected Papers on the History of Linguistics” (1998).

В статье “History of Linguistics” (1988) Робинс так характеризовал положение идей своего учителя, Дж. Р. Фёрса, в истории лингвистики XX в.: «Заметной бунтарской фигурой был Фёрс из Лондона, чья просодическая теория, в то время мало понятая, сейчас нашла частичное признание под различными заголовками среди таких современных учений, как автосегментная фонология и метрическая (измерительная) фонология; взгляд Фёрса на фонологию как связующее звено между первичной грамматикой и фонетикой, находившаяся в сильной оппозиции к независимой и «уникальной» американской фонемике 1950-х гг., сейчас полностью разделяется последователями Хомского» [Robins 1988: 481].

Книга «Язык юрок» (The Yurok Language, 1958) включает описание фонологической, грамматической, синтаксической структур языка, а также в приложении имеется словарь. Язык юрок – это язык американских индейцев северной Калифорнии, который все больше теряет свою актуальность с XIX в. и уступает место английскому языку.

К числу первого поколения профессиональных британских лингвистов, которых обучал Фёрс, относится профессор **Ричард К. Спригг** (Dr Richard Keith Sprigg), который родился в 1922 г. Образование получил в Кембридже. В годы Второй мировой войны служил в Вооруженных силах в Индии, Великобритании, на Цейлоне, в Сингапуре, Японии. В 1947 г. получил степень бакалавра и в 1948 г. начал работать в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета преподавателем фонетики.

После защиты докторской диссертации на тему «Фонетика и фонология в Тибете (диалект Лхаса)» Спригг получил повышение и стал старшим преподавателем фонетики в 1968 г. А уже после выхода на пенсию, в 2002 г., был опубликован словарь языка балти “Balti-English English-Balti dictionary” (2002).

Спригг специализировался на фонологии азиатских языков и развивал идеи просодического фонологического метода Фёрса. Спригг работал над исследованием нескольких языков тибето-бирманской группы, включая язык лепча (Lepcha) и тибетские диалекты. На протяжении многих лет он преподавал в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета, после выхода на пенсию жил в Западной Бенгалии (Индия), затем вернулся в Англию, город Кроуборо (Crowborough), графство Кент.

Среди его работ следующие: “Verbal Phrases in Lhasa Tibetan” (1954), “The Tonal System of Tibetan (Lhasa Dialect) and the Nominal Phrase” (1955), “Vowel Harmony in Lhasa Tibetan, prosodic analysis applied to interrelated vocalic features of successive syllables” (1961), “A comparison of Arakanese and Burmese based on phonological formulae” (1963), “Lepcha and Balti Tibetan, tonal or non-tonal” (1966), “The main features of the Tibetan dialect” (1974), “Balti-English English-Balti dictionary” (2002).

Ученый **Джеффри Лич** (Geoffrey Leech), представитель Лондонской школы и ученик Фёрса, родился в 1936 г. в городе Глостер, учился в Лондоне, специализировался на изучении английского языка. В период 1962–1969 гг., после получения степени доктора наук, он был преподавателем английского в Университетском колледже Лондона (University College,

London), а с 1969 г. работал в университете Ланкастера. Он изучал лингвистику в Технологическом институте штата Массачусетс (1964–1965), в 1972 г. стал внештатным профессором Браунского университета (Brown University) на острове Родос. С 1970-х гг. он занимал пост профессора лингвистики и современного английского языка в университете Ланкастера.

Список работ Джеффри Лича – “English in Advertising” (1966), “A Linguistic Guide to English Poetry” (1969), “Towards a Semantic Description of English” (1969), “Meaning and the English Verb” (1971), “A Communicative Grammar of English” (1975), “Semantics” (1975, 1977), “English Grammar for Today: A new introduction” (1982), “Principles of Pragmatics” (1983).

Консультантами работ Лича по семантике были Майкл Халлидэй и Джон Лайонз, упомянутые выше известные ученые Лондонской школы. По мнению Д. Лича, семантическое описание языка включает в себя все основные элементы, присутствующие в языке, и рассмотрение их с точки зрения общего правила. Подтверждение семантического описания состоит из проверки основных элементов, противопоставляя их наблюдаемым фактам лингвистического поведения.

Отношения между элементами и их наблюдением не является прямым, так как элементы принадлежат лингвистической компетенции, а наблюдение – их лингвистическому проявлению. Различие между компетенцией и манифестацией, то есть между языком и словами, принято считать центральным объектом лингвистического изучения. Сюда же включено философское различие между значением и отношением, аналитичностью и синтетичностью. Лингвистика связана с

объяснением компетенции, семантика как раздел лингвистики исследует значение и аналитические данные.

Книга “Towards a Semantic Description of English” (1969) посвящена рассмотрению понятий «системы» и «структуры» семантики, а также двум методам семантического анализа, системному и структурному, их взаимосвязи. Системный анализ (также называемый компонентным) основан на семантическом контрасте различных утверждений, в то время как структурный (именуемый еще предикационным) исследует пропозиции (утверждения).

Например, *системный анализ* рассматривает бинарные оппозиции, типа: +HUM ‘human’/-HUM ‘brute’, +MALE ‘male’/-MALE ‘female’, +MAT ‘mature’/-MAT ‘immature’. *Структурный анализ* рассматривает предикации в парах предложений типа John hit Bill / Bill was hit by John; The will benefits John / John benefits from the will. В каждой паре предложения синонимичны и не имеют различия в когнитивном значении. Необходимо поэтому объяснить синонимичность каждой пары и указать на семантический контраст. Оба эти вида анализа необходимы для построения общей теории семантики.

Фрэнк Палмер (F. R. Palmer) занимал пост профессора лингвистической науки (Professor of Linguistic Science) в Университете Рединга (University of Reading) с 1965 г. до его ухода на пенсию в 1987 г. Ранее он также преподавал лингвистику в Школе изучения Востока и Африки в Лондонском университете, заведовал кафедрой лингвистики в университете Северного Уэльса. Он также был членом Британской академии наук, является автором журнальных статей по теории лингвистики, книг по английскому языку и языку тигре, относящемуся

к семитской группе языков Эфиопии: “The Morphology of the Tigre Noun” (1962), “Grammar” (1971, 1984), “The English Verb” (1974, 1987), “Semantics: a new outline” (1977, 1982), “Mood and Modality” (1986, 2001), “Grammatical Roles and Relations” (1994).

Профессиональная деятельность Палмера подразумевала частые поездки в Северную и Южную Америку, Азию, на север Африки и в Европу. В 1981 г. он стал почетным профессором Института иностранных языков в Пекине.

Книга “The Morphology of the Tigre Noun” (1962) посвящена морфологии языка тигре (Tigre), географически самого северного из семитских языков Эфиопии. Наиболее близким к нему принято считать эфиопский язык тигриния (Tigrīniya). Эти два эфиопских языка сильно отличаются от языков юга Эфиопии, которые потеряли многие характерные признаки семитской группы языков. Однако в плане морфологии существительных тигре и тигриния сильно отличаются друг от друга. Их морфологические признаки редко встречаются в эфиопских языках, что можно объяснить соседством с языками других групп.

Ф. Р. Палмер (F. R. Palmer) известен также своей книгой «Семантика» (Semantics, 1981), которая впоследствии дополнялась и выдержала несколько изданий. В ней автор рассматривает основные вопросы современной ему семантической науки. Главы третья и пятая освещают проблемы установления значения слов. Третья глава книги «Нелингвистический контекст» посвящена изучению возможностей установления значения в определенных нелингвистических контекстах, что возможно, так как значение рассматривается как отношение между языком и окружающим миром. В этом случае исследова-

тель сталкивается с трудностью, так как способ восприятия нами мира зависит от языка, то есть значение устанавливается на уровне ощущений. Пятая глава посвящена рассмотрению лингвистического контекста, и в ней указывается, что значение можно установить, как контекст, с точки зрения синтагматических отношений. Седьмая глава посвящена значению в предложении.

Еще один последователь идей Лондонской школы **Родни Хаддлстон** (Rodney Huddleston) был лектором Кембриджского университета, Эдинбургского университета (University of Edinburgh), он получил докторскую степень по французскому языку Университетского колледжа Лондона (University College London), проводил финансируемую правительством исследовательскую программу по вычислительной лингвистике на материале научных трудов на английском языке.

Хаддлстон также работал в Университете Рединга (the University of Reading) до того, как получил должность на кафедре английского языка в Квинсленде (Queensland), где он был отмечен как лучший преподаватель (Excellence in Teaching). Он является членом Австралийской академии гуманитарных наук (the Australian Academy of Humanities) и в 1990 г. он стал там заведующим кафедрой. Он также был основателем и главным редактором «Австралийского лингвистического журнала» (Australian Journal of Linguistics), в период 1980–1985 гг.

Хаддлстон написал множество статей и книг по грамматике английского языка – “The Sentence in Written English” (1971), “The Sentence in Written English: a syntactic study based on an analysis of scientific texts” (1971), “An Introduction to English

Transformational Syntax” (1976), “Introduction to the Grammar of English” (1984), “English Grammar: An Outline” (1988), “The Cambridge Grammar of the English Language” (2002, 2003).

Книга “An Introduction to English Transformational Syntax” (1976) была посвящена проблеме применения метода трансформационных грамматик к изучению синтаксического строя современного английского языка. Она послужила попыткой синтезировать все накопленные к тому моменту аспекты лингвистической теории в разных странах мира и адаптировать эти знания для носителей английского языка, думающих о родном языке и анализирующих его. Она была введением в общую теорию трансформационно-порождающей грамматики, основанной на анализе многочисленных примеров английского языка. Однако автор использовал термин «синтаксис» вместо термина «грамматика» в названии книги, так как фонология и грамматика рассматриваются в ней в достаточной степени для анализа синтаксического компонента.

Джефри Эллис (Jeffrey Ellis) работал в университете графства Эссекс, занимался проблемами сравнительной лингвистики и известен такими работами: “An elementary bid high German grammar. Descriptive and comparative” (1953), “Some problems in comparative linguistics” (1961), “Towards a general comparative linguistics” (1966).

Так, его книга “Towards a general comparative linguistics” (1966) рассматривает сравнительную лингвистику (comparative linguistics) как центральную часть общей лингвистики, выделяет и описывает функции следующих ее разделов: общую сравни-

тельную лингвистику, специализированную сравнительную лингвистику, институциональную лингвистику.

Джон Макхарди Синклер (J. McN. Sinclair) известен такими работами: “A course in spoken English: Grammar” (1965, 1972), “Towards an analysis of discourse: the English used by teachers and pupils” (1975). Его монография “Towards an analysis of discourse: the English used by teachers and pupils” (1975) была посвящена результатам проведенного исследования с целью выявить лингвистические аспекты взаимодействия преподаватель – студент. Исследователи были заинтересованы в таких моментах как: функция высказывания (вопрос, утверждение, побуждение, ответ) и как участники диалога об этом узнавали; кем вводились темы для обсуждения; очередность высказываний.

Данный исследовательский проект был продолжением изучения языковой функции и организации лингвистических единиц, по сути, развитием идей Б. Малиновского и Дж. Фёрса. Подход Синклера был противоположностью идей Хомского, так как он предлагал изучение реальных примеров со всеми их атрибутами. Он концентрировался на ответах и вопросах и предлагал идею о том, что только исследуя контекст, в котором произносится высказывание, его предпосылки и намерения говорящего и респондента, возможно понять значение высказывания.

Синклер полагал, что языковую форму нужно рассматривать с точки зрения грамматики и лексики. В грамматике исследователи смотрят на модели языка так, как будто они могут быть описаны при помощи множества отдельных выборов, каждый выбор сделан из ряда возможных. Лексика рассматривается им как идущая в параллели с грамматикой и посвящена в основном коллокациям. Исследование тенденций коллокаций сообщает

нам такие факты о языке, которые не могут быть получены из данных грамматического анализа, так как они не бывают достигнуты из ряда возможных выборов.

Рональд Итон Ашер (Ronald Eaton Asher, 1926–2022), представитель неофёрсианской лингвистики, трудился в Эдинбургском университете (Шотландия), изучал тамильский язык и известен книгой под названием “Tamiḻ” (1985), которая представляет собой системное описание тамильского языка, включая синтаксис, морфологию, фонологию, литературный вариант.

Тамильский язык распространен в Индии и на острове Шри-Ланка и принадлежит к дравидийской семье языков. По мнению Ашера, данный язык представляет собой большую значимость, так как относится к группе языков с наиболее продолжительной письменной историей. Литературные памятники на тамильском языке восходят к началу христианской эры [Asher эл. ресурс].

Юджиния Хендерсон (Eugene J. A. Henderson, 1914–1989), занимавшая пост профессора фонетики в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета, известна монографией “Tiddim Chin. A descriptive analysis of two texts” (1965). Монография посвящена анализу двух текстов, записанных в районе города Тиддим исторической провинции Чин, северо-западная Бирма, тибето-бирманская группа языков. Язык тиддим-чин не был подробно изучен лингвистами, к моменту написания книги не существовало ни словаря, ни грамматического пособия по этому языку.

В работе применялись современные на тот момент методы лингвистического анализа, благодаря чему появилась полная картина фонологической и грамматической структуры языка.

Особое значение уделялось на каждом этапе анализа той роли, которую играют фонетические черты как составляющие элементы иерархии структур, начиная от слога и заканчивая предложением.

Она получила образование в Университетском колледже Лондона (University College London, UCL), один из её преподавателей, известный фонетист Дэниел Джоунз предложил ей исследовать фонетику языков Юго-Восточной Азии. В 1937 г. она начала преподавать фонетику в Университетском колледже Лондона, а уже в годы войны, начиная с 1941 г., работала в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета. Она преподавала японский и другие языки Дальнего Востока военнослужащим. Вплоть до выхода на пенсию в 1986 г. её карьера была связана с Лондонским университетом.

Ангус Макинтош (Angus McIntosh), профессор английского языка и общего языкознания в университете Эдинбурга (Шотландия), занимался исследованиями английского языка, шотландских диалектов и диалектов среднеанглийского. Следует назвать его работы: “The Linguistic Sciences and language teaching” (1964, 1965), написанная совместно с М. Халлидеем, “Patterns of language. Papers in general, descriptive and applied linguistics” (1966, также с М. Халлидеем), “Middle English dialectology: Essays on some principles and problems (1989).

Он стал первым профессором английского языка и общего языкознания Эдинбургского университета (назначен на эту должность в 1948 г.). В 1934 г. он закончил Оксфордский университет, в годы Второй мировой войны служил в разведывательной службе. В Оксфордском университете, где

после окончания войны и до перехода в Эдинбургский работал Макинтош, была создана кафедра шотландских исследований, объединив кафедру языкознания и кафедру прикладной лингвистики.

Метод, который он разработал для анализа диалектов среднеанглийского языка, совместно с коллегами по университету Майклом Самуэлсом (Michael Samuels) и Майклом Бенскином (Michael Benskin), впоследствии был трансформирован в проект диалектов среднеанглийского (Middle English Dialect Project). Этот подход трансформировал лингвистические методы диалектальных исследований. В 1986 г. был опубликован «Лингвистический атлас позднего среднеанглийского» (A Linguistic Atlas of Late Mediæval English (Lalme), очень положительно воспринятый коллегами.

Джон Теодор Бендор-Самуэл (J. T. Bendor-Samuel) занимался исследованием африканских языков терена, бимоба, изи. Среди его работ можно назвать “A structure-function description of Terena phrases (1963), “Problems in the analysis of sentences and clauses in Bimoba” (1965), “Verb clusters in Izi” (1968), “Syntagmatic features or grammatical prosodies?” (1967), “Studies in Nigerian languages” (1973).

Так, книга «Грамматика изи» (A Grammar of Izi, 1975) содержит комплексное описание языка изи, относящегося к группе языков игбо. Количество его носителей насчитывает примерно 200 тысяч человек, он распространён в восточной и центральной частях Нигерии. В ходе исследования был сделан вывод о самостоятельности данного языка и о том, что его нельзя считать диалектом игбо. Исследование основано на полевых данных, собранных в период с 1964 г. по 1967 г. во время

работы Летнего института лингвистики, совместно с коллегами, Инге и Полом Мейер (Inge and Paul Meier).

Другой влиятельный британский фонетист, профессор **Джек Карнохан** (Jack Carnochan, 1918–2004), занимался в основном изучением звуковых систем важнейших языков западной Африки, таких как хауса (Hausa), ибо (Igbo) и йоруба (Yoruba). В начале 1960-х гг. он был одним из немногих британских ученых, которые были готовы согласиться с тем, что язык хауса генетически относится к чадской семье языков и что сам чадский является неотъемлемой частью афро-азиатской семьи языков. Он был важной фигурой в сфере африканистики.

Карнохан родился в Дартмуте, Дэвон, затем его семья переехала в Эссекс. После окончания школы он в 1936 г. стал слушателем Университетского колледжа Лондона, получил сертификат по фонетике французского языка в 1938 г. и диплом бакалавра в 1939 г.

Его научная карьера оказалась отложенной на некоторое время по причине службы в разведывательных войсках во время Второй мировой войны. Вернувшись в Англию, он получил диплом Кембриджского университета в 1943 г. и приступил к работе в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета, был занят на курсах японского языка. В 1945 г. он стал преподавать фонетику. В ходе его работы в Школе он испытал влияние идей Фёрса и вошел в группу лингвистов Лондонской школы. Карнохан применял свои знания французского языка для проведения фонологического анализа французских глаголов в начале 1950-х гг., что было одним из первых опытов использования принципов парадигмы научного анализа Фёрса.

В 1948–1949 гг. Д. Карнохан впервые посетил с исследовательской целью север Нигерии. Он занимался фонетикой языков хауса (Hausa), фулани (Fulani) и тив (Tiv), находясь в поиске твердого приступа (glottal stop). Ему удалось собрать языковые данные для проведения исследований фонетики и фонологии языка хауса, особенно по долготе гласных в конечной позиции, глоттализации и удвоении согласных звуков.

Его исследования дали ключ к пониманию основ морфологии и грамматики языка хауса. В 1963 г. Карнохан начал работать над изучением другого нигерийского языка чадской группы (Chadic), бачама (Bachama). Он стал старшим преподавателем фонетики в Школе изучения Востока и Африки в 1956 г., доцентом в 1964 г., профессором в 1972 г. и почетным профессором в 1982 г., когда вышел на пенсию. В период 1977–1981 гг. он возглавлял отдел африканских исследований.

Его основным вкладом в науку принято считать экспериментальную фонетику и разработку лабораторных технологий, например, палатографии и спектографии. Он также преподавал фонетику многочисленных языков Западной Африки, арабского и суахили, вел курсы английского языка для африканских студентов. Известная его работа: «Курс языка ибо» (“An Igbo revision course. (For GCE, WAS, C and similar examinations using the official orthography)”, 1963).

Ещё один последователь Фёрса и представитель Лондонской школы – **Джон Келли** (John Kelly, 1936–2023). Он родился в небольшом городе Davyhulme, недалеко от Манчестера. В Манчестерском университете он изучал немецкий и французский языки, а затем, в 1961 г., продолжил обучение в аспирантуре в Эдинбурге (Шотландия) на кафедре фонетики

под руководством фонетиста Дэвида Аберкромби. В период с 1961 г. по 1964 г. он преподавал фонетику в университете Эдинбурга, с 1964 г. по 1965 г. – в университете Ибадан, Нигерия.

Затем он преподавал фонетику и языкознание в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета и проводил фонетические исследования в парадигме идей Фёрса, а с 1972 г. преподавал суахили и фонетику в университете Йорка. Именно Келли принадлежит инициатива по созданию Ферсианского просодического архива в Йорке (Firthian Prosodic Archive at York).

Келли является автором публикаций по множеству африканских языков, среди которых суахили (Swahili), фанг (Fang), хоса (Xhosa), уробо (Urhobo), а также северо-валлийскому и диалектам английского. Так, например, работа «Интонация в суахили» (Intonation in Swahili, 1975) была основана на анализе интонации в записях диалогов, сделанных в Танзании в 1956 г.

Ещё один лингвист-«лондонец» **Норман С. Скотт** (Norman C. Scott) также занимался проблемами фонетических исследований. Его книга «Место фонетики в университете» (The Place of Phonetics in the University, 1961) посвящена описанию и анализу места фонетики как науки в программе университета.

Кроме того, он автор словаря языка си дайак (Sea Dayak) (A Dictionary of Sea Dayak, 1956). Это прежнее название языка, который сейчас называется ибан (Iban). На этом языке говорят примерно 700 тысяч человек в Малайзии, Индонезии и Брунее.

Лингвистические взгляды Фёрса повлияли на появление особой отрасли лингвистики – математической (или вычислительной, компьютерной) лингвистики (computational linguistics),

одного из направлений искусственного интеллекта, которое ставит своей целью использование математических моделей для описания естественных языков. Компьютерная лингвистика частично пересекается с обработкой естественных языков. Однако в последней акцент делается не на абстрактные модели, а на прикладные методы описания и обработки языка для компьютерных систем. Полем деятельности является разработка алгоритмов и прикладных программ для обработки языковой информации.

Направления компьютерной лингвистики включают в себя: машинный перевод, создание электронных словарей, обработку естественного языка (синтаксический, морфологический, семантический анализы), автоматическое извлечение фактов из текста, автоматическое реферирование текстов, построение систем управления знаниями, оптическое распознавание символов, автоматическое распознавание речи, корпусная лингвистика (создание и использование электронных корпусов текстов).

Кроме того, принято считать, что идеи Фёрса (1948) наряду с теориями Бернарда Блоха (Bernard Bloch, 1948) и Чарльза Хоккета (Charles Hockett, 1955) послужили основой для создания отдельного раздела фонологии, автосегментной фонологии (autosegmental phonology), или теории фонологической репрезентации. Согласно этой теории, фонологические репрезентации состоят из более чем одной линейной последовательности сегментов, каждая линейная последовательность (linear sequence of segments) составляет отдельную связку или узел (tier). Соединение элементов (или автосегментов) одной связки с элементами другой связки представляется в виде

ассоциативных линий. Существует тесная взаимосвязь между соотношением сегментов с определенными чертами в автосегментном анализе, каждая характеристика появляется в языке четко в одной связке. Рабочая гипотеза автосегментного анализа состоит в том, что бо́льшая часть фонологических обобщений интерпретируется как реструктурирование или реорганизация автосегментов в их проявлении. Огромная полезность автосегментного анализа проявилась прежде всего в исследовании африканских языков с тональной структурой, а также при изучении систем гласных и согласных звуков и классического арабского языка.

Как стало известно из личной переписки с профессором Оксфордского университета, заведующим Фонетической лабораторией, доктором Джоном Колманом (John Coleman), нельзя говорить о существовании Лондонской школы лингвистики в наши дни. Однако наследие Фёрса в семантике значительно, так как он был учителем Майкла Халлидея, разработавшего так называемый «неофёрсианский» подход к семантике и синтаксису. Идеи Халлидея очень значимы в современности. Кроме того, многие работы по дискурсивному анализу, прагматике и социолингвистике во многом основаны на работах Фёрса.

В настоящее время проблемы просодического анализа и коллокаций разрабатывает преподаватель кафедры языка и лингвистической науки университета города Лидс **Линдерт Плаг** (Leendert Plug). Кроме того, он проводил исследование по биографии Фёрса, результаты которого отражены в его статье под названием “John Rupert Firth. A new biography”, опубликованной в 2008 г. в журнале “Transactions of the

Philological Society”. Фёрс был президентом филологического общества в период 1954–1957 гг. Статья основана на материале не публиковавшихся ранее архивных документов, она проливает свет на вопрос появления Фёрса в британском языкознании XX в. и взаимоотношения с коллегами, Д. Джоунзом и А. Л. Джеймсом (Джеймс работал преподавателем в группе Фёрса, положительно отзывался о его успехах в учебе и рекомендовал его впоследствии на свое место в Университетском колледже), а также на его попытки издать книгу, которая содержала бы в себе в систематизированном виде его идеи.

Кроме того, исследованиями в сфере просодического анализа Фёрса занимается в настоящее время старший преподаватель кафедры языка и лингвистической науки университета города Йорк, хранитель архива Фёрса в Йорке **Ричард Огден** (Richard Ogden), тема докторской диссертации которого была “An exploration of phonetic exponency in Firthian Prosodic Analysis: form and substance in Finnish phonology” (1995, университет Йорка). Огден – автор статьи “What Firthian Prosodic Analysis has to say to us” (1993) и читает курс «Просодический анализ Фёрса». Другая часть архива работ Фёрса хранится в Лондонском университете в Школе изучения Востока и Африки.

Проблемами теории Фёрса занимается старший преподаватель кафедры лингвистики и английского языка Школы философии, психологии и языкознания Эдинбургского университета (University of Edinburgh) **Патрик Ханибон** (Patrick Honeybone). Обзор и анализу взглядов Фёрса он посвятил главу “Firth J. R.” в книге “Key Thinkers in Linguistics and the Philosophy of Language” (2005).

Профессор Колман также отмечает, что до сих пор большое значение в науке имеет коллокационный анализ Фёрса, который находит отражение в компьютерной (или вычислительной) лингвистике. В сфере фонологии есть ряд исследователей, которых можно назвать последователями «фёрсианского» направления.

Среди интересов профессора Колмана: вычислительная фонология, неврология и психология воспроизведения и восприятия речи, феномен иностранного акцента в речи, а также берберский диалект арабского языка. Им написаны 2 работы, посвященные Фёрсу: “The development of J. R. Firth's phonological views in the 1930s” (2004), “The phonetic structure of a Cypriot dialect: a rediscovered paper by J. R. Firth” (2006) [Сайт Фонетической лаборатории Оксфордского университета: эл. ресурс].

Как отмечалось выше, 2010 г. был юбилейным, так как исполнилось 120 лет со дня рождения Джона Руперта Фёрса и 50 лет со дня его смерти. В честь этого события 17 июня (в день рождения Джона Фёрса) в Школе изучения Востока и Африки Лондонского университета прошла однодневная конференция под названием “FirthDay 2010” («День Фёрса 2010»). Конференция явилась совместным проектом Филологического общества, Общества Генри Суита, а также кафедры языкознания Школы изучения Востока и Африки Лондонского университета. Специальными гостями были: профессор Университета Рединга Фрэнк Палмер и внуки Джона Фёрса, Руперт и Джейн.

Программа конференции состояла из трех разделов: 1) историографический раздел (*historiographical perspectives*), включавший краткий обзор жизни и карьеры Фёрса, период его работы в Университетском колледже Лондона и в Оксфорде;

2) воспоминания (*reminiscences*), где наиболее интересными выступлениями были доклады Ф. Палмера о личных отношениях с Фёрсом и Дж. Т. Бендор-Самуэла, а также аудиозаписи интервью некоторых учеников Фёрса (из аудиоархива Университетского колледжа Лондона, UCL), аудиозаписи фонетических упражнений, в которых звучали голоса Фёрса и Джоунза; 3) влияние идей Фёрса в современности (*contemporary impacts*), среди них был доклад по корпусному анализу значения слова с опорой на взгляды Фёрса. Профессор Джон Колман – основной координатор конференции.

Важно особо отметить и тот факт, что конференция носила международный характер, так как в ней принимали участие лингвисты из Франции (Jean-Luc Chevillard, Jacqueline Leon), Испании (Elena Battaner-Moro), США (Gregory Garretson), России. Это означает, что интерес к научному наследию языковеда остается по сей день значительным, причем не только в самой Великобритании, но и за ее пределами. Появление идей Фёрса стало важнейшим событием для истории мирового языкознания.

Заключение

Особенностью теории Фёрса можно назвать большую гибкость. Лингвистические взгляды исследователя ценны для современной науки о языке во многом тем, что они легли в основу различных современных разделов языкознания, которые постоянно развиваются и дополняются новыми исследованиями.

Даже если принять во внимание тот факт, что его теория не была полностью оформлена и заявлена в программной статье или монографии, а идеи существовали в виде достаточно

разрозненных записей и отдельных статей, многие её положения, как видно в данной главе, были успешно развиты учениками и последователями.

«Неофёрсианцы» занимались как фонологией, так и семантикой, работая в русле традиций британского подхода, связанного прежде всего с анализом множества разнообразных языков, часто даже тех, по которым не было учебных пособий и словарей. В отечественной науке о языке научные идеи лингвистов данного направления остаются, к сожалению, по-прежнему недостаточно изученными, хотя в настоящее время важное место в британском языкознании занимают взгляды и теории, созданные на основе идей учеников Фёрса. Так, следует упомянуть Кардиффскую грамматику, разработанную на базе системно-функциональной грамматики М. Халлидея.

Библиографический список

1. Гаврилова Ю. В. Лондонская лингвистическая школа и концепция Джона Руперта Фёрса. М. : ГПНТБ России, 2011. 118 с. ISBN: 978-5-85638-157-2 EDN: YUWYAX
2. Allen W. S. Phonetics in Ancient India. London, New York, Toronto : Oxford University Press, 1953. 96 p.
3. Allen W. S. Prosodic features of Latin and Greek: a Study in Theory and Reconstruction // Cambridge Studies in Linguistics. Vol. 12. London : Cambridge University Press, 1973. 394 p.
4. Angus McIntosh. URL:
<https://www.theguardian.com/news/2005/nov/02/guardianobituaries.highe.reducation> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Bendor-Samuel J., Meier I., Meier P. A Grammar of Izi. An Igbo Language. Norman : University of Oklahoma, 1975. 283 p.

6. Crystal D. Linguistics: Overview .URL:
https://www.pdfprof.com/PDF_Image.php?id=15784&t=25 (дата обращения: 30.01.2025).
7. Dixon B. Searching for Aboriginal Languages. St. Louis : University of Queensland Press, 1984. 333 p.
8. Dixon R. M. W. Australian Aboriginal Words in English. Their Origin and Meaning. Melbourne : Oxford University Press, Australia, 1990. 255 p.
9. Dixon R. M. W. What is Language? A New Approach to Linguistic Description. London : Longmans, 1965. 216 p.
10. Ellis J. An Elementary Old High German Grammar. Descriptive and Comparative. Oxford : Clarendon press, 1953. 106 p.
11. Ellis J. Towards a General Comparative Linguistics. The Hague : Mouton&Co., 1966. 170 p. DOI: 10.1515/9783112414804
12. Firth J. R. Papers in Linguistics, 1931–1951. London : Oxford University Press, 1957. 233 p.
13. Halliday M. A. K. Categories of the Theory of Grammar // Word. № 17. 1961. P. 241–292. DOI: 10.1080/00437956.1961.11659756
14. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. London : Arnold, 1973. 387 p.
15. Lexicon Grammaticorum. Who's Who in the History of World Linguistic / ed. by H. Stammerjohann. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1996. 1047 p.
16. Lyons J. Firth's Theory of Meaning // In Memory of J. R. Firth. London : Longmans, 1966. P. 288–302.
17. Lyons J. Structural Semantics: An analysis of part of the vocabulary of Plato. Oxford Blackwell, 1972. 237 p.
18. Maw J., Kelly J. Intonation in Swahili. London: SOAS, 1975. 137 p. DOI: 10.1080/00223980.1975.9923936
19. Mitchell T. F. Principles of Firthian Linguistics. London : Longmans, 1966. 213 p.
20. Palmer F. R. Semantics: a new outline. London : Cambridge University Press, 1981. 111 p.

21. Professor Eaton Asher. URL:
<https://www.scotsman.com/news/people/scotsman-obituaries-prof-ronald-e-asher-respected-edinburgh-university-linguist-4057129> (дата обращения: 15.01.2025).
22. Scott N. C. A Dictionary of Sea Dayak. London: SOAS, 1956. 218 p.
23. Scott N. C. John Rupert Firth // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. № 24. London : SOAS, 1961. P. 413–418.
DOI: 10.1017/S0041977X00092156
24. Scott N. C. The Place of Phonetics in the University. London : SOAS, 1961. 26 p.
25. Sprigg R. K. Vowel Harmony in Lhasa Tibetan, prosodic analysis applied to interrelated vocalic features of successive syllables // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. № 14. London : SOAS, 1961. P. 116–138. DOI: 10.1017/S0041977X00140431
26. Sprigg R. K. The Tonal System of Tibetan (Lhasa Dialect) and the Nominal Phrase // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. № 17.1. London : SOAS, 1955. P. 133–153.
DOI: 10.1017/S0041977X00106391
27. Trim J. L., Brown E. K. M., Law V. Linguistics in Britain: Personal Stories. London : The Philological Society, 2002. P. 274–285.
28. Turner R. L. Professor J. R. Firth // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. № 18. London : SOAS, 1956. P. 31–34.
DOI: 10.1017/S0041977X00087954
29. Waterson N. Prosodic Phonology: the theory and its applications to language acquisition and speech proceedings. London : Grevatt and Grevatt, 1987. 162 p.
30. Waterson N. Numeratives in Uzbek. A study in colligation and collocation. In memory of J. R. Firth / ed. by C. E. Bazell. London : Longmans, 1966. P. 454–474.

УДК 811.161.1'272

НЕВЕЛЬСОН ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ

Введение

В лингвистике в последнее время обсуждаются вопросы, связанные с предупреждением, разрешением и урегулированием конфликтных ситуаций с помощью речевых средств. Одновременно в разных гуманитарных науках (философии, психологии, праве, педагогике и т. д.) исследуется категория толерантности. В конфликтологии толерантность понимается в широком и в узком смысле несколько по-разному. В широком (философском) смысле под толерантностью понимается «фундаментальный принцип человеческого общежития, предусматривающий терпимость, снисходительность к кому-нибудь, чему-нибудь» [Дмитриев 2012: 51] в противоположность конфликтогенности [Дискредитация, война... 2024; Дискурсивные практики ... 2023; Киндеркнехт 2023; Миграционная лингвистика ... 2024]. В узком смысле толерантность – это «отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо конфликтогенный фактор» [Анцупов, Шипилов 1999: 537]. Есть более инструментальное определение толерантности, которое раскрывает эту категорию как «исключение агрессии по отношению к другому, мягкие способы воздействия на того, чье поведение невозможно ни понять, ни принять» [Дмитриев 2012: 52].

Основная часть

В рамках нашего исследования изучается лингвистическая категория *лингвотолерантность*. Под лингвотолерантностью, если речь идет об общении в конфликте или конфликтной ситуации, будем понимать язык общения, который характеризуется уважением, принятием, а также применением мягких способов воздействия на оппонента, чье поведение не способствует разрешению или урегулированию конфликта (конфликтора разрешению). Следует отметить, что в конфликтологии конфликт не рассматривается как исключительно негативное явление. Его рассматривают не как норму, а как социальную болезнь системы, следствие ошибок во взаимодействии, которые необходимо исправлять [Анцупов, Шипилов 1999; Гришина 2004; Сперанский 2002] (см. о конфликтогенности [Зармаева, Шустова 2023а, 2023б; Малышева, Шустова 2024; Наборщиков, Шустова 2024]).

Анализ категории толерантности в конфликте или конфликтной ситуации показывает, что стороны конфликта неравны. Например, в педагогическом процессе толерантность проявляется педагогом по отношению к ученику, а не наоборот. Неравенство сторон проявляется в том, что одна из сторон обладает большей ресурсной устойчивостью. Это, как правило, статус, социальная роль, либо (если речь идет о так называемых горизонтальных конфликтах) степень осведомленности о том, как необходимо разрешать конфликт. В конфликтологии принято называть такую сторону «сильной». «Сила сторон – характеристика, определяющаяся (в глоссарии учебника именно так написано) обладанием знаниями, способствующими разрешению конфликта, и умением использовать в конфликте

имеющиеся ресурсы» [Конфликтология 2022: 347]. Важно заметить, что сила в рамках лингвотолерантности понимается не как «способность вынудить другого к уступкам» [Дмитриев 2012: 47], хотя она и не исключает воздействия на оппонента.

Поэтому стратегически конфликторазрешение осуществляется в рамках пошаговой схемы, включающей три пункта: 1) определение «сильной» стороны конфликта; 2) выявление причины (причин) «слабости», либо некомпетентности второй стороны конфликта; 3) использование потенциала «сильного» партнера, чтобы устранить причину некомпетентности «слабого» и помочь ему преодолеть отставание от «сильного». Это база, основа конфликторазрешения в философии толерантности, уважения и сотрудничества [Пономаренко 2022: 88].

Ценностным основанием применения технологии лингвотолерантности являются взгляды философа и гуманистического психолога второй половины XX в. Карла Роджерса, автора разработки клиент-центрированного подхода к консультированию и психотерапии [Роджерс 2000]. К. Роджерс, отмечая важность диалога, писал: «Каждый может высказать свое содержание только после того, как он точно пересказал мысли и чувства, выраженные говорящим до него, так что тот выразит согласие с пересказом» [Роджерс 1995: 76–77]. И далее: «Прежде, чем представить свою точку зрения, вам придется реально встать на точку зрения говорившего ранее, понять его мысли и чувства настолько хорошо, чтобы вы смогли их подытожить удовлетворительным для него образом».

В рамках исследования лингвотолерантности в конфликте особый интерес представляет технологический аспект ее применения. Под технологией в социальных науках понимается

«совокупность методов, процессов, используемых при описании информационных и социальных явлений и процессов» [Конфликтология 2022: 349]. Содержательный аспект применения технологий в информационных и социальных процессах раскрывает понятие «технологизация», которая рассматривается как «процесс, то есть устойчивая, повторяющаяся, последовательная по времени смена содержания деятельности с единым замыслом» [Павленок, Руднева 2009: 6–7]. Описаны основные требования, которым этот процесс должен соответствовать: 1) разграничение, разделение, расчленение процесса на внутренние взаимосвязанные этапы, фазы, операции; 2) координация и поэтапность действий, направленных на достижение искомого результата; 3) однозначность выполнения включенных в технологию процедур и операций.

Все требования выполняются в рамках технологии конфликторазрешения, кроме третьего. Это связано с тем, что далеко не всегда конфликторазрешение – это запланированное мероприятие. Если приходится реагировать на проявление вербальной агрессии собеседника, то в этом случае можно пропускать некоторые этапы технологии, или менять их местами. Ниже будут рассмотрены примеры таких ситуаций. Для целей нашего исследования важно рассмотреть специфику технологизации взаимодействия, под которой понимается «упорядочивание, алгоритмизация, оптимизация различных форм взаимодействия, прежде всего конфликтных проявлений» [Конфликтология 2022: 349]. Технологизация взаимодействия «способствует генерации, осознанию, согласованию, артикуляции социальных интересов в форме их технологического осуществления» [там же].

В рамках понимания лингвотолерантности как технологии воздействия на оппонента важно перечислить основные этапы такого воздействия в виде процесса [Павленок, Руднева 2009:7]: 1) формулирование цели воздействия; 2) выработка способов воздействия; 3) организация воздействия; 4) оценка и анализ результатов воздействия.

Известный психолог, тренер, Е. В. Сидоренко, описывая технологии создания тренинга, дает интересные определения технологии и технологичности как принципа. Технология, по мнению автора, это «точное словесное описание и/ или графическая схема последовательных действий; алгоритм действия». А технологичность как принцип – это «*философия* достижения полезных результатов путем использования технологий или вера в возможность достижения полезных результатов путем использования технологий» (курсив наш – Е.Ю.) [Сидоренко 2008: 117]. Отметим, что последняя мысль автора очень подходит для взаимодействия в рамках гуманистической философии и философии толерантности, так как без веры в то, что конфликт может быть разрешен или урегулирован, сложно заниматься конфликто разрешением.

Анализ технологического аспекта конфликто разрешения позволяет дать рабочее определение лингвотолерантности в рамках этого аспекта. Лингвотолерантность как технология конфликто разрешения – это алгоритм речевого воздействия на оппонента, которое характеризуется уважением, принятием и имеет целью разрешение или урегулирование конфликта.

Как было указано выше, в рамках стратегии конфликто разрешения первым шагом является определение «сильной» стороны конфликта. Это, как правило, та сторона конфликта,

которая более ответственна и способна принимать управленческие решения. Она же обладает большей конфликтной компетентностью [Башкин 2014; Петровская 1997; Хасан 1996]. Собственно, описанная ниже технология конфликторазрешения предназначена для «сильной» стороны. Ее могут применять руководители, выступающие в роли посредников в разрешении конфликта между подчиненными, а также профессионалы (медиаторы, консультанты-конфликтологи, педагоги, другие специалисты помогающих профессий).

Технология конфликторазрешения состоит из четырех этапов: 1) выслушивание стороны конфликта; 2) отражение состояния собеседника; 3) прояснение стратегических приоритетов стороны конфликта в сложившейся ситуации; 4) поиски решения выхода из конфликтной ситуации.

Стратегией конфликторазрешения является выявление причины (причин) слабости либо некомпетентности второй стороны конфликта. Технологически, для этого необходимо выслушать оппонента. Этап выслушивания можно разделить на две фазы:

- 1) пассивно-рефлексивное слушание;
- 2) активное слушание.

Первый этап технологии конфликторазрешения

На первой фазе технологии необходимо выслушать сторону конфликта, не перебивая. Это, по сути, широко известная в практической психологии и в медиации техника пассивного слушания. Как пишет Р. Р. Максудов, «при пассивном слушании сохраняется доброжелательное внимание к человеку (в том числе в

позе и жестах, расположении в пространстве, интонации и пр.)» [Максудов 2012: 206]. Очень важно сохранять контакт глаз.

На второй фазе технологии происходит конкретизация, перефразирование и резюмирование «истории», рассказанной второй стороной конфликта. На этом этапе применяются техники активного слушания. Этот этап требует от «сильной» стороны конфликта определенной компетентности.

Основные задачи, решаемые на этом этапе: прояснить видение второй стороной конфликта ситуации; дать обратную связь (показать, что собеседника действительно внимательно слушают); уточнить непонятные моменты в рассказанной второй стороной конфликта «истории»; разделить содержание «истории» на отдельные блоки и проверить свое понимание посредством пересказа собеседнику (сделать резюме).

Для конкретизации хорошо подходят вопросы открытого типа (не предполагающие ответ «да», или «нет») по поводу того, что непонятно, или не совсем понятно, и вызывает интерес:

- *что было дальше?*
- *как конкретно он это сделал?*
- *а что она сказала, можно подробнее?*
- *что было потом?*
- *а где это было, можно подробнее?*
- *и что вы на это сказали?*
- *как вы это сделали?*

В литературе существует достаточное количество примеров открытых вопросов. Е. Н. Иванова отмечает, что вопросы «что, когда, где, кто, как – это ключевые слова, которые открывают факты и информацию» [Иванова 2012: 115].

- *чего вы ожидаете от...*

- что вас останавливает...
- когда это произошло...
- почему, как вам кажется, это случилось?
- почему, как вам представляется, произошло именно так?

Е. В. Сидоренко предлагает применять не только открытые, но и закрытые вопросы, если это необходимо [Сидоренко 2004: 102–105]. Закрытые вопросы – это вопросы, предполагающие однозначный ответ (точная дата, название, или ответ «да» или «нет»). Однако на первом этапе технологии конфликторазрешения важно, чтобы оппонент получил возможность свободно говорить, поэтому открытые вопросы предпочтительнее. «Возможно, это наша болезнь – с самого начала, не прояснив проблемы, сразу сформулировать свою версию, а потом для проверки этой версии сразу задавать закрытые вопросы» [там же: 103]. Диалог не должен быть похож на допрос, поэтому «открытые вопросы должны быть сформулированы так, чтобы партнеру хотелось отвечать на них» [там же]. Следует помнить, что открытые вопросы также могут иметь негативный эффект. Например, вопросы «Почему ты сделал это?» или «Почему ты не сделал это?» могут привести к тому, что собеседник замкнется, начнет оправдываться или проявлять агрессию.

Для иллюстрации возможностей употребления открытых вопросов в рамках этого этапа конфликторазрешения обратимся к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ).

– Ладно, обо всем этом после. Ну, потом, что было потом? Вот вы ему показали мою подпись, что было дальше? – Да ничего потом не было, – растерянно ответил Ланэ и остановился, словно сам удивляясь своим словам, – совершенно ничего

(Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3, 1943–1958, НКРЯ).

Извини меня, но это несерьезно. – *А что она сказала?* – Сказала: пусть все будет так, как хочет мама (Константин Симонов. Так называемая личная жизнь / Мы не увидимся с тобой..., 1978, НКРЯ).

Перефразирование, которое еще называют «эхо-техникой», служит в основном для уточнения полученной информации. Для техники перефразирования можно применять следующие фразы:

- *если я правильно вас понял(а), вы предлагаете...*
- *верно я вас услышал(а), что...*
- *другими словами, вы считаете, что...*
- *то есть, вы считаете, что...*
- *я правильно услышала, что...*
- *я сейчас повторю, что вы сказали, а вы поправьте меня, если что-то не так. Итак, ...*
- *правильно ли я уловил вашу основную мысль...*
- *правильно ли я вас понял, что...*

В процессе конфликторазрешения широко применяются подобного рода дискурсивные маркеры. Под термином *дискурсивные маркеры* обычно понимают «единицы, устанавливающие отношения между двумя (или более) элементами дискурса, обеспечивающие связанность текста, отражающие процесс взаимодействия говорящего и слушающего...» [Болсуновская, Зеремская, Дубровская 2015: 118 (см. о дискурсивных маркерах [Путина 2022а, 2022б; 2023; 2021а, 2021б, 2021в; Путина, Байбунова 2020]). В рамках технологии конфликторазрешения дискурсивные маркеры выполняют

только те функции, которые были поставлены на втором этапе технологии конфликторазрешения в качестве задач.

Анализируя примеры из научно-популярной литературы и из НКРЯ, можно найти много примеров применения таких дискурсивных маркеров. Однако часто они имеют функции прямо противоположные задачам конфликторазрешения.

– Мне самому будет интересно посмотреть, как это у него получится. Максимум, что вы сможете получить, так это передышку в полминуты для лучшего осмысливания ответа, но я и сейчас вас не тороплю. Думайте, пожалуйста, и отвечайте. *Правильно ли я вас понял*, что положение банка настолько катастрофично, что смерть президента явилась для вас подарком судьбы? – Смерть не может быть подарком! – выкрикнул Гранин. – Передергиваете! Искжаете! И ... и ... и неправда все это!» [Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта, 2000–2004, НКРЯ].

В данном примере используется дискурсивный маркер *правильно ли я понял*, однако завуалированной целью собеседника является, по сути, обвинение его в убийстве.

Еще один пример применения данного дискурсивного маркера, в этом случае, с манипулятивной целью. «Для убийственной неотразимости включи маленький манипулятивный приемчик: эхо-отражение («Правильно ли я вас поняла, что...?»)» [Власова 2022: 206].

Вышеприведённые примеры функционирования дискурсивных маркеров, очевидно, не служат задачам конфликторазрешения. Манипулятивным считается «всякое воздействие, с помощью которого мы *скрытно* пытаемся подвести партнера к нужной нам цели» [Сидоренко 2002: 60, 61]. Приемам активного слушания учат менеджеров, продавцов. И эти приемы хорошо

работают. Однако, если наша цель – разрешить конфликт, то цели этой не скрывают, наоборот, она открыто декларируется. В противном случае собеседник почувствует фальш. К тому же манипуляция плохо соотносится с философией толерантности.

Для иллюстрации возможностей применения вышеназванных дискурсивных маркеров в ситуации конфликторазрешения обратимся к учебному фильму о медиации.

«Марина, а *правильно ли я вас понял*, что за телефон заплатите вы и соответственно, ответственность за то, что произошло, несете тоже вы?» [Восстановительная медиация. Работа с отказами сторон. Процесс медиации. Учебный фильм. Время 3.37–3.44 мин].

«А *правильно ли я понимаю*, что все-таки доля ответственности за это есть у Димы?» [там же. Время 4.19–4.24].

Важно, чтобы фразы были органичны для обеих сторон конфликта. Если вторая сторона конфликта ребенок (подросток), то перефразирование должно быть коротким и понятным для него.

«Мне нужно удостовериться, что я *правильно понял* все, что вы сказали. Если так, то вы сказали, что...» [Гоулстон 2011: 238].

Резюмирование происходит в те моменты, когда слушающий разделяет рассказ стороны конфликта на содержательные блоки и в конце каждого блока проверяет свое понимание «истории» посредством ее пересказа. Каждое резюмирование можно начинать одной из вышеприведенных фраз: «*правильно ли я понял(а), что...*».

Второй этап технологии конфликторазрешения

На этом этапе происходит отражение состояния собеседника, то есть отражение и словесное обозначение вербально или

невербально выраженных человеком эмоций. Это важный этап конфликторазрешения. Отражение эмоций помогает человеку прожить и осмыслить их (произошедшие в прошлом эмоции, актуальное эмоциональное состояние, эмоции, предполагаемые в будущем). Как показывает практика, человек, находящийся под влиянием эмоций и чувств, не в состоянии принимать рациональные решения. Можно отразить эмоциональное состояние собеседника или спросить его об этом. Фразы, которые можно применить на этом этапе:

– *и вы почувствовали себя раздраженным (обиженным, оскорбленным)...*

– *вероятно, вас это очень расстроило...*

– *мне кажется, что вы испытываете...*

– *вас тревожит, что...*

– *вы не можете понять, что это значит на самом деле?*

«А что ты *почувствовал* в тот момент, когда это произошло?» [Восстановительная медиация. Работа с отказами сторон. Процесс медиации. Учебный фильм. Время 29.29–29.32].

«Вы *хотели отомстить*, правильно я вас понял?» [там же. Время 30.38].

«Насколько я понимаю, вы *обеспокоены* этой ситуацией?» [там же. Время 34.40].

«мне кажется, что вы очень *расстроены*, или сомневаетесь в этом»

«мне кажется, это вас *не убедило*» [Власова 2022: 140].

«Похоже, вы не хотите выходить. Видимо, вы *боитесь*, что, если откроете дверь, мы войдем и начнем стрелять. Похоже, вы не хотите снова попасть в тюрьму» [Босс 2022: 79].

Последний пример – применение техники отражения состояния в самом сложном виде переговоров по освобождению заложников. Здесь применяются обезличенные дискурсивные маркеры, так как слово «я», сказанное собеседником, включает защитную реакцию человека, находящегося в конфликте. К. Босс отмечает, что «когда вы говорите “я”, это указывает, что вы больше интересуетесь собой, чем другим человеком и несете личную ответственность за все последующие слова и за обиду, которую они могут нанести» [Босс 2022: 82]. Ниже приведены примеры таких маркеров:

– *похоже, что...*

– *по всей видимости...*

– *ты так об этом говоришь, как будто...*

– *видимо...*

– *вероятно...*

«Вероятно, вы не хотели приходить сегодня утром?» [Роджерс 2000: 134].

Применять или не применять обезличенные дискурсивные маркеры – зависит от ситуации и от степени доверия сторон. Если есть доверие, дискурсивные маркеры могут иметь личностный характер («Мне кажется», «Я вижу, что...», «Это мне напоминает...»).

Даже если чувства (состояние) стороны конфликта отражены не вполне точно или они не вполне соответствуют тому, что собеседник реально хотел сообщить, тем не менее прием эхо-техники способствует процессу понимания себя в конфликтной ситуации. Пример отрывка диалога консультанта и клиента иллюстрирует этот процесс

«Консультант: Насколько я понял, вы *очень злы* на брата за то, что он не предложил вам к нему присоединиться.

Клиент: Нет. На самом деле это не так. Я не столько зол на него, сколько *расстроен* тем, что я сам не смог сказать ему о том, как эта поездка была важна для меня» [Коттлер 2001:121].

Пример диалога между консультантом и клиентом по поводу семейного конфликта также призывает, как можно освободиться от подавленных чувств.

«Клиент: Я просто не знаю, что чувствую по поводу всего этого.

Консультант: Вы просто *боитесь* позволить себе чувствовать.

Клиент: Вы правы, черт возьми! Я отдала этому ... лучшие годы своей жизни. Я не знаю, плакать мне, сражаться дальше, или отступить. Я так запуталась» [там же: 122].

К. Роджерс приводит несколько возможных высказываний, которые могут привести к «самораскрытию» стороны конфликта.

«Ты *скрыл* это от них, потому что раньше они были с тобой слишком строгими», или «Ты *уже проходил через это* раньше и знаешь, чего ожидать», или «Ты *не уверен*, будут ли они винить тебя, но считаешь, что будут» [Роджерс 2000: 151].

Часто участники конфликта (или конфликтной ситуации) говорят о ситуации настолько путанно, что невозможно понять их собственное отношение к ситуации. В таком случае К. Роджерс советует применять в диалоге «нейтральные фразы, типа: “Мне кажется, я что-то не понимаю”, “Можете ли вы рассказать об этом поподробнее?”» [Роджерс 2000: 175]. Соответственно, при необходимости есть смысл вернуться к первому этапу технологии лингвотолерантности.

В процессе конфликторазрешения очень важно не просто внимательно слушать собеседника, но и показывать ему свое доброжелательное отношение. В противном случае, «когда

человек видит, что его не слушают, у него могут возникнуть чувства враждебности, предубеждения или осуждения» [Скотт 1991: 117]. «И, наоборот, если вы сумеете показать человеку, что вы его действительно слушаете, понимаете и сочувствуете, ... то у вас будет возможность воспользоваться той информацией, которую вы получите в ходе разговора. Это, впрочем, не означает, что вам следует соглашаться со всем сказанным» [там же 1991: 118].

В конфликтах люди часто говорят не то, что думают, так как не доверяют собеседнику, или боятся. В этом случае «можно задать вопрос или сделать замечание, свидетельствующее о том, что действительно обеспокоены этим, а также предоставляете возможность человеку выразить свои истинные чувства или нужды» [там же: 119].

Джинн Г. Скотт предлагает пример того, как можно ответить собеседнику, чтобы прояснить его истинное отношение, чувства или нужды.

«Мне все равно...». На самом деле человеку не все равно, но говорить об этом он не считает нужным, так как не доверяет собеседнику, или считает, что его не слушают (не слышат). Ответ может быть таким:

«Но тебя же раздражает случившееся и меня заботит твое восприятие».

Третий этап технологии конфликто разрешения

На этом этапе происходит прояснение стратегических приоритетов стороны конфликта в сложившейся ситуации (ценностей, целей, интересов) и проблем, вызвавших конфликт. В рамках технологии лингвотолерантности собеседник доброже-

лательно и безоценочно спрашивает, к каким последствиям приведут (привели, могут привести) те или иные действия. Фразы, применяемые на этом этапе:

- *Что для вас важно в этой ситуации?*
- *Что вы хотите достичь в будущем за счет этого?*
- *Почему сейчас это для вас так важно?*
- *А чего бы вы хотели на самом деле?*
- *особый интерес для вас представляет...*
- *для вас важно, чтобы...* [Максудов 2012: 208–209].

Интересные вопросы, направленные на осознание реальности предлагает Е. Н. Иванова:

- *Что вас заботит особенно сильно в этом?*
- *На кого, помимо вас влияет эта проблема?*
- *Кто еще и в какой степени контролирует ситуацию?*

О последствиях могут быть такие вопросы:

- *Что может случиться, если ничего не предпринимать в дальнейшем?*
- *Что самое неприятное может произойти?*
- *Что будет, если он не сдержит своего обещания?* [Иванова 2012: 120–121].

«Кирилл, что важного для тебя сейчас? Какой ты видишь выход из этой ситуации?» [Восстановительная медиация. Работа с отказами сторон. Процесс медиации. Учебный фильм. Время 40.35–40.40.]

«И причина, по которой для вас так важно все исправить или улучшить именно сейчас состоит...» [Гоулстон 2011: 239].

«... То есть тебе важно продолжать делать что-то для себя ценное, и чтобы люди не просто это замечали, но еще и голосовали за это рублем» [Владиславова 2019:145].

Пример отрывка диалога, показывающего возможность более объективно посмотреть на конфликтную ситуацию приведен ниже.

«Клиент: Мой отец всегда вмешивался в мою жизнь, в то время как он не может разобраться со своей собственной.

Консультант: Несмотря на то что вы очень сильно любите своего отца, вы боитесь, что можете пойти по его стопам, став неудачником в любовных отношениях» [Коттлер 2001: 121].

Этот пример показывает, как можно не просто отразить высказывание стороны конфликта, но и помочь собеседнику прояснить возможные собственные ценности и интересы. Очевидно, что для такого типа отражения требуется гораздо больше эмпатии и понимания состояния собеседника. К. Роджерс отмечает, что такой уровень понимания состояния собеседника требует умения «использовать слова не в качестве дубинки, а в качестве хирургического инструмента, чтобы высвободить развивающиеся силы» своего собеседника [Роджерс 2000: 273].

Если на этом этапе конфликторазрешения доверие между собеседниками все еще не установлено, и сторона конфликта скрывает свои истинные чувства и нужды, то могут помочь фразы, предложенные Джинни Г. Скоттом. Если сторона конфликта говорит: «Делай, что хочешь», или «Поступай так, как считаешь нужным», то это может свидетельствовать о том, что:

- человеку не нравится то, что другая сторона конфликта собирается делать;
- он считает, что его мнение не волнует вторую сторону;

– он думает, что его собеседник «сделал бы это» в любом случае;

– он устал спорить и т. д. [Скотт 1991: 119].

В этом случае автор предлагает следующие ответы:

«Мне кажется, что на самом деле тебе это *не по душе*. Чего ты *в действительности хочешь* и не обсудить ли нам это?»;

«Но мне бы хотелось *быть уверенным в твоём согласии и поддержке*. Как бы сделать так, чтобы *мы оба* достигли желаемого?»

Из ответов «сильной» стороны конфликта становится очевидно, что важно не только демонстрировать понимание, сочувствие и эмпатию к собеседнику, но и передавать ему ответственность за будущее совместное решение.

На этом этапе важно не останавливаться на показном согласии стороны конфликта. Как отмечает К. Босс, «чтобы установить понимание, а не просто добиться ответа “да” – вам потребуется стать настоящим профи в искусстве переговоров. Только тогда, когда вы убедили кого-то в том, что действительно понимаете его мечты и чувства (целый мир, в котором он живет), вы можете изменить его мысли и направить его поведение – так как только в тот момент вы заложили фундамент для прорыва» [Босс 2022: 127].

Очень часто, особенно под влиянием авторитета второй стороны конфликта, собеседник говорит «Ладно» или «любое другое слово внешнего одобрения, сказанное неохотно, или с гневом в голосе» [Скотт 1991: 120]. Это может означать:

– человек не согласен, но не может или не хочет сказать об этом прямо;

– на самом деле он очень зол на собеседника;

— он считает, что им помыкают;

Ответ «сильной» стороны конфликта в этом случае мог быть таким:

«Но мне кажется, что тебе это *не очень нравится*. Как ты к этому относишься *на самом деле*? Я действительно хочу это знать».

Такой ответ показывает человеку, что «сильная» сторона конфликта хочет помочь «слабой» стороне вскрыть ее реальные желания и нужды.

Четвертый этап технологии конфликторазрешения

На этом этапе стороны совместно осуществляют поиски решения выхода из конфликтной ситуации. Основной задачей этого этапа для «сильной» стороны является поощрение к поиску вариантов решений второй стороны конфликта. Дополнительные задачи — управленческие — продумать свои действия в рамках конфликторазрешения. На этом этапе, если мы говорим о лингвотолерантности, хорошо подходят разработки лингвистов, которые помогают вести переговоры [Кошкарлова 2021; Михайлова 2015; Соловьева, Тихомирова 2021; Стернин, Шелихина 2000]. Если есть риск, что сторона конфликта не вполне реалистично оценивает выходы из конфликтной ситуации (либо не видят их), можно задать вопросы, помогающие прояснить реальное положение дел.

«*Что, как вы думаете, должно произойти для того, чтобы он в один прекрасный день мог сказать вам, что ему хочется провести выходные с отцом?*» [Паркинсон 2010: 300].

«*В каком случае вы согласились бы?*» [там же: 315].

«Чего вы опасаетесь больше всего? Что, как вам кажется, самое худшее, что могло бы с вами произойти сейчас?» [там же].

В реальных конфликтах и конфликтных ситуациях сторона конфликта часто отказывается от взаимодействия в рамках конфликторазрешения, особенно если конфликт затяжной. Взрослые участники конфликта предпочитают общаться со второй стороной конфликта только через адвоката, дети (подростки) молчат, когда их вызывают «к директору» или в Комиссию по делам несовершеннолетних. В таких случаях помогают письма, составленные в соответствии с философией и технологией лингвотолерантности. В случае с детьми (подростками) начинать беседу необходимо с 3-го (если не получится, то с 4-го) этапа технологии. Например, если подросток (ребенок) молчит, отразить его состояние можно следующей фразой:

«Ты молчишь, ты не хочешь участвовать в этом разговоре. Ты не хотел сюда приходить» [Программы восстановительного правосудия: опыт города Москвы и Пермского края: 89].

На эмоциональную фразу *«они должны быть жестоко наказаны!»* можно ответить: *«Для тебя очень важно, чтобы эта ситуация завершилась по справедливости» [там же].*

Очень часто в реальных конфликтах «сильная» сторона начинает вести диалог со «слабой» стороной конфликта именно с последнего этапа, минуя предыдущие. В результате «слабая» сторона отказывается брать на себя ответственность за свой вклад в конфликт (или конфликтную ситуацию). Если же последовательно провести диалог по всем этапам, то эффект (и результат) такого диалога будет более продуктивным. Ниже

представлен пример того, как сторона конфликта приходит к пониманию своей ответственности в развитии ситуации.

«Клиент: Я не знаю, что вы сделали с нами, с Патти и со мной, но сейчас у нас все в порядке... Не знаю, смогу ли я объяснить вам, что я имею в виду, но что-то изменилось в ее непослушании. Она теперь ведет себя ну не так гадко, особенно по отношению ко мне.

Консультант: Мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. Все выглядит так, будто она отказывает вам не для того, чтобы просто обидеть вас.

Клиент: Да. Это было как-то более естественно» [Роджерс 2000: 52–53].

В этом диалоге показано достижение матери так называемого инсайта, то есть лучшего понимания ситуации конфликта матери с дочерью, когда у дочери «определенные поведенческие симптомы остались, но женщина научилась совершенно по-другому относиться к ним и к своей способности справляться с ними» [Роджерс 2000: 53].

Возникает вопрос, в каком случае можно пропустить все этапы технологии лингвотолерантности и перейти сразу к поиску решения выхода из конфликтной ситуации? На наш взгляд, ситуация затяжного конфликта для этого не подходит. Но в любой конфликтной ситуации, особенно типичной, когда отношения сторон не испорчены длительной враждой, можно перейти сразу к передаче ответственности стороне конфликта.

Приведем пример ответа учительницы (и классного руководителя) выпускникам на их манипулятивное предложение выпить спиртное «на природе». Как указывает автор [Пономаренко 2022: 189–195], ситуация книжная и взята из методиче-

ских материалов по конфликтологии. Тем не менее, она показывает, как можно общаться в конфликтной ситуации в рамках философии толерантности, одновременно передавая ответственность за принятое решение. Для лучшего понимания ответов учительницы, воспроизведем предложение старшеклассников в изложении автора.

«Мы вас очень любим и уважаем, дорогая Мария Ивановна... Именно поэтому мы ставим вас в известность, а не пьем под кустами. Странно будет, если вы нам запретите это сделать, ведь именно вы так много говорили о предстоящей нам взрослой жизни. Так не считайте же нас маленькими. Если вы заведете пластинку о вреде алкоголя для наших будущих детей, то это смешно. Дайте же нам почувствовать себя взрослыми, а не глупенькими, легковверными детишками. Иначе мы разочаруемся в вас на всю жизнь».

Ответ приводится в сокращенном виде с комментариями.

«Вот что, друзья... Вы решили отдохнуть по-взрослому. Что ж, стало быть и за последствия своих поступков, вы собираетесь отвечать сами, не так ли?»

Начиная свой ответ, учительница предлагает взять на себя ответственность за возможные последствия в форме вопроса. Она вступает в диалог со старшеклассниками.

«Оленька, ведь ни для кого ни секрет, что ты страдаешь от аллергии. Скажи, пожалуйста, ты уже пробовала спиртное? Нет. А знаете ли вы что на спиртные напитки тоже может быть сильнейшая аллергическая реакция, вплоть до анафилактического шока, от которого смертность достигает девяносто процентов даже в условиях специализированной

больницы? В лесу – это верная смерть. Значит, вы готовы рискнуть? Хорошо».

Если этот отрывок диалога вырвать из общего контекста, то может показаться, что учительница пугает старшеклассников маловероятными последствиями, однако, она их информирует довольно спокойно (об ее истинном эмоциональном состоянии мы можем только догадываться).

Далее учительница в такой же вопросительной форме интересуется, не навредит ли принятие спиртного спортивному режиму одного из учеников.

«Ты, насколько я знаю, не пьешь спиртного. Вообще. У тебя режим. А что, ребята, вы разве не знаете, что у Сережи спортивный режим? Или вам наплевать на то, что вы весело можете столкнуть под откос его будущее, ради которого он и его родители столько потрудились?»

В этом отрывке ответа учительницы интересен процесс передачи ответственности за последствия не только Сереже, но и всему классу. Только эмоциональное «вам наплевать» показывает отношение взрослого человека к происходящему.

«А Миша целую четверть пролежал в больнице с сотрясением мозга, сегодня ему уже намного лучше, он почти здоров. Но разве не следует оградить его от алкоголя, ведь это сильнейший нейротоксин, то есть вещество, разрушающее нервные клетки, надеюсь, вы это помните? Если я правильно понимаю, вы исключаете Мишу из числа пьющих, вы будете беречь его, или я ошибаюсь?»

Интересно, что в этом отрывке диалога учительница не только информирует старшеклассников о возможных последствиях принятия алкоголя, но и напоминает им о человеколюбии.

Дискурсивный маркер *если я правильно понимаю* в данном случае выступает в другом качестве, нежели на этапе расспроса в ситуации конфликта. Функции дискурсивного маркера в данном случае – выражение отношения и мягкое указание собеседникам на опасность в случае употребления спиртного именно для Миши, подчеркивание опасности. Заметим, что педагог очень хорошо осведомлена о состоянии здоровья и других особенностях своих «подопечных», что говорит о ее высоком профессионализме и развитых педагогических компетенциях. Поэтому еще одной целью этой части ее ответа является сообщение ученикам о том, как поступают действительно взрослые и ответственные люди.

«Вы улыбаетесь, вы думаете, что тяжелая аллергия на водку – большая редкость, а Сереже не повредит рюмка – другая, и у Миши не случится припадка от каких-нибудь ста граммов. И никто из вас, выпив, не станет выяснять отношений на кулаках, и никто не поскользнется, не споткнется о корень дерева, потеряв равновесие от спиртного, и ничего себе не ломает... Дай-то Бог».

Перечисляя возможные негативные последствия, педагог информирует старшеклассников обо всех последствиях, даже неочевидных, на первый взгляд. Далее следует кульминация ответа Марии Ивановны.

«Но вот что случится обязательно: не успею я завтра прийти в школу, как мне будут предъявлены претензии и директором, и вашими родителями, что я повела учеников в поход и устроила с ними попойку. Шла в мешке не утаишь. Кто-то из вас обязательно проговорится (не специально, а просто в разговоре с приятелем, во дворе, или родители почувствуют запах вина от своего ребенка-трезвенника... Мне

в любом случае грозит выговор. Но если все-таки у Оли начнется аллергия, Сережа не покажет завтра на тренировке хорошего результата, а у Миши голова будет раскалываться от боли – мне конец как педагогу. Меня уволят, а учитывая корпоративность нашей профессии, возможно и никуда больше не примут в качестве учителя. Вот, теперь вы хорошо знаете, к каким последствиям приведут ваши шутки с выпивкой».

В заключении своей речи учительница делает старшекласниками предложение, которое заключается в том, чтобы они сами выбрали, как им поступить в этой ситуации.

«Хотите шутить – шутите, развлекайтесь. Но только не называйте это взрослостью. Так могут вести себя только дети – балованные, безответственные. Сукины дети! И не клянитесь мне в любви и уважении. Уважение подтверждают делом. Впрочем, вам решать. Репрессий с моей стороны не будет. Ведь передо мной взрослые люди».

Несмотря на жесткость формулировок, вся речь классного руководителя отвечает критериям философии и технологии лингвотолерантности в конфликте:

1. Это разговор «на равных». Педагог подтягивает «слабую» сторону конфликта до своего уровня, передавая ответственность за дальнейшие действия. Сама Мария Ивановна, безусловно – «сильная» сторона;

2. Педагог продемонстрировала очень честное отношение и к ситуации в целом, и к старшекласникам («Сукины дети!») в частности. А честность – это определяющее условие для того, чтобы конфликт был разрешен в духе сотрудничества. К тому же «молодые люди больше всего ценят подлинность, искренность» [Пономаренко 2022: 194]. Джинни Г. Скотт подчеркивает, что отсутствие ясности в диалоге «может привести к

непониманию сказанного или подразумевающегося» [Скотт 1991: 115]. В данном диалоге учительница высказала своим подопечным все предельно ясно, точно и честно. Учитывая известные в конфликтологии стратегии реагирования, в конфликте можно смоделировать эту ситуацию по-разному [Райгородский 1998: 470–475]. В рамках стратегии уклонения от конфликта она могла бы сказать: «А, пусть делают, что хотят. Запретите – не послушают. Все равно не уследите» [Пономаренко 2022: 194]. В рамках стратегии конфронтации педагог могла бы запретить им употреблять спиртное (у нее есть рычаги воздействия – детям еще предстоят экзамены). А в рамках стратегии избегания она могла бы «не замечать» нарушителей «сухого закона», сплотив вокруг себя наиболее лояльных школьников. Компромисс в этой ситуации выглядел бы как отказ от крепких напитков в пользу вина. Однако учительница выбирает наиболее сложную стратегию сотрудничества, при которой выигрывают все: старшеклассники получают «урок взрослости», сама педагог выполняет свои профессиональные обязанности. Это несет определенный риск с ее стороны – она дает им выбор и дети могли бы выбрать свой вариант. Ведь для подростков выигрыш неочевиден, тогда как для взрослого ответственного профессионала такое разрешение конфликта наиболее желательно.

3. Когда конфликт разрешается в рамках стратегии сотрудничества, сторонам конфликта всегда приходится делать выбор. В данной ситуации фиксируется сложный выбор для обеих сторон конфликта. Сама ситуация принятия сложного решения способствует личностному росту сторон. Именно в этом случае конфликт можно считать катализатором личностного и

профессионального роста. Если продолжить моделирование ситуации и предположить, что старшеклассники сделали выбор в пользу распития спиртных напитков, то для педагога это была бы ситуация, которую необходимо было отразить, задав самой себе неудобные вопросы:

– Если дети ее уважают, она пользуется у них авторитетом, тем не менее дети выбирают деструктивное поведение, значит ли это, что она переоценила степень своего влияния на них?

– Если при таком исчерпывающем информировании о последствиях для всех сторон конфликта, старшеклассники выбирают свое первоначальное решение, может ли это свидетельствовать о том, что дети так и не научились эмпатии, взаимной поддержке друг друга и уважению к старшим? Вопросы можно продолжить.

4. Выбрав стратегию сотрудничества, учительница выбирает переговоры. В конфликтологии под переговорами подразумевают «способ диалогического взаимодействия различных социальных акторов в рамках определенной системы отношений на основе сотрудничества, уважения и толерантности» [Конфликтология 2022: 346]. В данном случае лингвотолерантность учительницы проявляется в терпении, понимании возможных рисков и ответственности за исход конфликта, в выборе языковых средств.

5. Педагог продемонстрировала субъект-субъектное отношение к ученикам, отказавшись от субъект-объектного отношения, очень распространенного для системы образования. Как отмечает А. П. Егидес, «субъект-объектное отношение к другому ... приводит к конфликтам. В противоположность ему субъект-субъектность должна служить предотвращению

конфликтов». Под субъектностью автор понимает «отношение к партнеру как к ценности и установки на сотрудничество, равноправие, партнерство, совместные решения, понимание другого, диалог» [Егидес 2013: 98].

Как было отмечено выше, в процессе конфликторазрешения важно говорить с собеседником на понятном ему языке. Это не значит, что необходимо опускаться до уровня собеседника, который зачастую проявляет языковую агрессию. Это значит, что речь «сильной» стороны конфликта должна быть естественной и органичной для обеих сторон.

Естественность устной речи добавляют дискурсивные маркеры, «к которым относятся следующие группы слов: 1) союзы; 2) предлоги; 3) артикли; 4) местоимения; 5) наречия; 6) существительные, входящие в состав словосочетаний служебного характера; 7) междометия; 8) местоименные наречия; 9) именные и предложные группы; 10) глагольные формы» [Смирнова 2015: 181]. Довольно часто в естественной речи встречаются такие маркеры, как *ну, там, вот, это, как бы*.

Особого внимания в рамках нашего исследования заслуживает дискурсивный маркер *на самом деле*. Именно честное отношение к ситуации может быть подчёркнуто использованием дискурсивных маркеров, отражающих стремление собеседника к откровенности в диалоге. В. В. Смирнова, рассматривая использование дискурсивных маркеров, как отражение лингвокультурных традиций, отмечает, что «в случае с использованием русского наречия *на самом деле* присутствует элемент заимствования, так как, подобно английскому маркеру *actually*, русская единица стала чрезвычайно частотной в разговорной речи, вытеснив все возможные синонимы: *честно*

говоря, по правде сказать, в действительности, если честно и т. д.» [там же: 181–184]. Функции дискурсивного маркера *на самом деле* в контексте понимания лингвотолерантности могут быть такими:

- 1) отношение говорящего к адресату или к ситуации;
- 2) выражение эмоционального состояния;
- 3) подчеркивание честности (откровенности) своего высказывания;
- 4) функция выделения значимого фрагмента дискурса – «благодаря ей слушающий может определить, какая часть сообщаемой информации является наиболее важной для говорящего» [Смирнова 2018: 33].

Обратимся к ресурсу «Один речевой день», который был создан с использованием методики 24-часовой записи. Корпус «позволяет получить максимально естественную речь человека в условиях повседневного общения» [Один речевой день: эл. ресурс]. Поиск по корпусу дискурсивного маркера *на самом деле* показал высокую частотность его употребления (122 записи).

Приведем примеры использования этого дискурсивного маркера в естественной речи собеседников:

«ну мы тоже так думаем / на самом деле //»

«я не могу видеть / на самом деле //»

«да они вообще на самом деле ...»

«не знаю как () на самом деле / но () думаю так //»

«а на самом деле ей не всё равно //»

Следует отметить еще одну функцию данного дискурсивного маркера, если его употребляет «сильная» сторона конфликта, «подстраиваясь» к слабой стороне. Психологически подстройка к собеседнику, которая заключается в повторении его позы, некоторых характерных слов, ритма речи и т. д., играет

немаловажную роль в процессе конфликторазрешения. Это успокаивает собеседника, настраивает его на доверительный диалог с партнером по общению. Подстройка важна на всех этапах технологии лингвотолерантности в конфликте.

Важно указать на основные трудности при применении технологии лингвотолерантности.

1. Своего собеседника необходимо уважать. Фраза «Уважение нужно заслужить» для конфликторазрешения не подходит. Если стоит задача реального управления конфликтом, то своего оппонента мы уважаем авансом.

2. Внимательное выслушивание собеседника – это навык, который необходимо постоянно тренировать. Как отмечает специалист по переговорам К. Босс, «как правило, людям проще придерживаться того, во что они верят. Используя то, что они слышали, или свои собственные убеждения, они часто делают предположения о другом человеке, даже еще не зная его» [Босс 2022: 41]. Еще К. Роджерс отмечал, что «основным препятствием во взаимном межличностном общении является наше естественное стремление оценивать, судить, одобрять или не одобрять, делать заявления о другом человеке или о группе людей» [Роджерс 1994: 392]. Он настаивал, что в ситуации конфликта, «прежде чем излагать свою собственную точку зрения, вам необходимо действительно встать на позицию своего собеседника – понять его мысли и чувства настолько хорошо, чтобы суметь изложить ему их суть» [там же: 394].

3. В ситуациях, когда собеседник (сторона конфликта) проявляет агрессию (часто неожиданно для второй стороны), сложно бывает сдержаться (проявить терпение) и не ответить сразу реактивно. Чаще, однако, в ситуации конфликторазрешения можно «столкнуться с неискренностью, защитными реакциями в виде преувеличений,

ложью и «ложными фасадами» [там же: 399]. По мнению К. Роджерса, «такие барьеры защитного характера удивительно быстро исчезают, как только люди обнаруживают, что единственное намерение – понимать, а не оценивать их» [там же].

Заключение

Лингвотолерантность в конфликте – язык общения, который характеризуется уважением, принятием, а также применением мягких способов воздействия на оппонента, чье поведение не способствует разрешению или урегулированию конфликта (конфликтора разрешению). Лингвотолерантность можно рассматривать как технологию конфликтора разрешения, состоящую из нескольких этапов: слушания (пассивного и активного), отражения состояния собеседника, прояснения его стратегических приоритетов (ценностей, целей, интересов) и совместного поиска выхода из конфликтной ситуации. Технология лингвотолерантности в определенном смысле универсальна – ее можно применять как профессиональным посредникам (медиаторам, консультантам-конфликтологам), так и всем тем, кому приходится принимать управленческие решения.

Проблемы, которые могут возникнуть в процессе применения технологии, необходимо переводить в задачи и решать последовательно.

Дискурсивные маркеры, используемые в рамках технологии лингвотолерантности, могут иметь разные прагматические функции в соответствии с теми задачами, которые ставятся в процессе конфликтора разрешения.

Библиографический список

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 1999. 551 с.
2. Башкин М. В. Конфликтная компетентность: методические указания. Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2014. 72 с. EDN: SYMIQV
3. Болсуновская Л. М., Зеремская Ю. А., Дубровская Н. В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4(157). С. 117–123. EDN: TRJYHN
4. Босс К. Договориться не проблема: как добиваться своего без конфликтов и ненужных уступок / пер. с англ. М. Д. Илиевой. М. : Эксмо, 2022. 352 с.
5. Владиславова Н. В. Психологическое консультирование. Помогаем строить отношения с жизнью. М. : АСТ, 2019. 288 с.
6. Власова Н. М. Медиатор: искусство жестких переговоров. М. : АСТ, 2022. 320 с.
7. Восстановительная медиация. Работа с отказами сторон. Процесс медиации. URL: <https://youtu.be/hOtXm0fcxXU?si=dsflcUX7SNnkBhbw> (дата обращения: 25.10.2024).
8. Гоулстон М. Я слышу вас насквозь. Эффективная техника переговоров / пер. с англ. Михаила Фербера. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2011. 272 с.
9. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2004. 464 с.
10. Дмитриев А. В. Конфликтология: краткий терминологический словарь. СПб. : СПбГУП, 2012. 66 с.
11. Дискредитация, война и мир во французском массмедийном дискурсе. Монография / Ю. В. Богоявленская, Д. А. Макарова, С. В. Шустова, Р. Е. Семкин. Пермь : Пермский государственный университет, 2024. 224 с. ISBN: 978-5-7944-4139-0 EDN: KBMLLE

12. Дискурсивные практики: коммуникативно-прагматический подход. Монография / Ю. В. Бोगоявленская, М. В. Плотникова, С. В. Шустова. Пермь : Пермский государственный университет, 2023. 145 с. ISBN: 978-5-7944-4005-8 EDN: MWNHMG
13. Зармаева Х. И., Шустова С. В. Совокупность персуазивных тактик для осуществления политической стратегии (на материале видеовыступлений Эммануэля Макрона и Марин Ле Пен) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023а. № 12. С. 71–78. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-12-72-79 EDN: EPTWWV
14. Зармаева Х. И., Шустова С. В. Прагматилистические особенности политического дискурса (на материале видеовыступлений Марин Ле Пен) // Евразийский филологический вестник. 2023б. № 3(3). С. 23–43. EDN: BAXFGN
15. Егидес А. П. Психология конфликта: учебное пособие. М. : Московский финансово-промышленный университет “Синергия”, 2013. 320 с. ISBN: 978-5-4257-0110-7 EDN: RYRSBR
16. Иванова Е. Н. Конфликтологическое консультирование. Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2012. 202 с. ISBN: 978-5-7782-2040-9 EDN: SUOXGN
17. Киндеркнехт А. С. Аксиология коммуникативного поведения медиатора: монография. М. : Знание-М, 2023. 244 с. DOI: 10.38006/00187-665-6.2023.1.244 ISBN: 978-5-00187-665-6 EDN: JAAQJA
18. Конфликтология: учебник / подред. проф. А. И. Стребкова. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2022. 352 с.
19. Кошкарова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве: монография. Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. 360 с.
20. Коттлер Дж., Браун Р. Психотерапевтическое консультирование. СПб. : Питер, 2001. 464 с.
21. Максудов Р. Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М. : Судбно-правовая реформа, 2012. 256 с.

22. Малышева Р. В., Шустова С. В. Вербализация конфликтогенности в дипломатическом дискурсе и ее трансляция при переводе на русский язык // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур: сборник научных трудов молодых ученых. Пермь : Пермский государственный университет, 2024. С. 159–163. EDN: LJMPXR
23. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: лингвистическая дискриминация, лексикографирование концептосферы миграция. Монография / С. В. Шустова, В. М. Костева, Е. О. Зубарева, А. И. Романова. Пермь : Пермский государственный университет, 2024. 175 с. ISBN: 978-5-7944-4191-8 EDN: AXRCSF
24. Михайлова О. А. Лингвокультурологические аспекты толерантности: учебно-методическое пособие. Екатеринбург : Уральский университет, 2015. 124 с. ISBN: 978-5-7996-1406-5 EDN: UWKILD
25. Наборщиков И. С., Шустова С. В. Категория лингвоконфликтогенности в американском политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 64–70. DOI: 10.24412/2713-0231-2024-16-64-70 EDN: WHQCFE
26. Один речевой день. URL: <https://ord.spbu.ru/> (дата обращения: февраль 2025).
27. Павленок П. Д., Руднева М. Я. Технологии социальной работы с различными группами населения: учебное пособие / под ред. проф. П. Д. Павленка. М. : ИНФРА-М, 2009. 272 с.
28. Паркинсон Л. Семейная медиация. М. : Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. 400 с. ISBN: 978-5-98872-012-6 EDN: QXZHGН
29. Петровская Л. А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 1997. № 4. С. 41–45.
30. Пономаренко В. В. Практическая конфликтология: от конфронтации к сотрудничеству. М. : АСТ, 2022. 320 с.
31. Программы восстановительного правосудия: опыт города Москвы и Пермского края: методическое пособие / под ред. Л. М. Карнозовой, Р. Р. Максудова, Л. А. Соболевой. Пермь : ПОНИЦАА, 2009. 232 с.

32. Путина О. Н. Дискурсивные маркеры в диалогическом единстве вопрос-ответ: коммуникативно-прагматический подход: монография. Пермь : Пермский государственный университет, 2022. 184 с. ISBN: 978-5-6047974-3-3 EDN: HHSTAV
33. Путина О. Н. Дискурсивные маркеры so, actually, whatever как интенсификаторы конфликтности // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 43–49. EDN: GQFUCA
34. Путина О. Н., Балакин С. В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 4–9. EDN: AKZWWH
35. Путина О. Н. Функционирование дискурсивного маркера вообще в диалогическом единстве вопрос-ответ // Евразийский гуманитарный журнал. 2021а. № 2. С. 38–43. EDN: TIGEJC
36. Путина О. Н. Пространство функционирования дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал. 2021б. № 3. С. 37–44. EDN: OLKKOO
37. Путина О. Н. Дискурсивный маркер типа в диалогическом дискурсе: функционально-прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2021в. № 3. С. 51–57. EDN: DTHUXP
38. Путина О. Н., Байбунова О. В. Лингвотолерантность личности: функциональный аспект // Genus Loci. Альманах по материалам X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / сост. и отв. редактор А. В. Зайцев. Кострома : Костромской государственный университет, 2020. С. 130–134. EDN: TXTFOZ
39. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методы и тесты: учебное пособие. Самара : БАХРАХ, 1998. 672 с.
40. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека: Пер. с англ. / общ. ред. и предисл. Е. И. Исениной М. : Прогресс, Универс, 1994. 480 с.
41. Роджерс К. Р. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы: монография / пер. с англ. О. Кондрашовой, Р. Кучкаровой. Редакторы И. Гриншпун, С. Бобко, В. Ряшина. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 464 с.

42. Роджерс К. Хрестоматия по гуманистической психотерапии. Современная психология: Теория и практика. М. : Институт общегуманитарных исследований, 1995. 303 с.
43. Сидоренко Е. В. Технологии создания тренинга. От замысла к результату. СПб. : Речь; Сидоренко и Ко, 2008. 336 с. ISBN: 5-9268-0694-1 EDN: QXTILN
44. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб. : Речь, 2002. 256 с.
45. Сидоренко Е. В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб. : Речь, 2004. 208 с.
46. Скотт Джинни Г. Способы разрешения конфликтов. Выпуск II. ГИИМ. Киев : Верзилин и К, ЛТД, 1991. 208 с.
47. Смирнова В. В. Дискурсивные маркеры как отражение лингвокультурных традиций русского и английского языков // Международный научный журнал "Инновационная наука". 2015. № 312. С. 181–184. EDN: VDQWON
48. Смирнова В. В. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 84 с. EDN: UUFUZI
49. Соловьева Н. В., Тихомирова Л. С. Русский язык и риторика: материалы к разделу "Культура речевого общения": учебно-методическое пособие. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 103 с. ISBN: 978-5-7944-3710-2 EDN: VANMKC
50. Сперанский В. И. Конфликтология для каждого и на каждый день. М. : Русская новь, 2002. 352 с.
51. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : Истоки, 2000. 110 с.
52. Хасан Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск : Красноярский госуниверситет, 1996. 157 с. EDN: TUKXHZ

СОДЕРЖАНИЕ

Сюткина Н. П., Шустова С. В.

ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ..... 3

Архипова И. В.

НЕМЕЦКИЕ АФФИКСАЛЬНЫЕ И БЕЗАФФИКСНЫЕ
ДЕВЕРБАТИВЫ И ИХ ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ..... 57

Гаврилова Ю. В.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ «НЕОФЁРСИАНСКОГО»
НАПРАВЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ 86

Невельсон Е. Ю.

ЛИНГВОТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ТЕХНОЛОГИЯ
КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ..... 137

Научное издание

Шустова Светлана Викторовна

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Архипова Ирина Викторовна

(Новосибирский государственный педагогический университет),

Гаврилова Юлия Викторовна

(Национальный исследовательский университет

«Московский энергетический институт»)

Невельсон Елена Юрьевна

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

**Общетеоретические проблемы языкознания:
семантика, грамматика, прагматика**

Монография

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка: *Л. Н. Голубцова*

Объем данных 1,60 Мб

Подписано к использованию 27.03.2025

Размещено в открытом доступе

на сайте www.psu.ru

в разделе НАУКА / Электронные публикации

и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности

Пермского государственного

национального исследовательского университета

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15